

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л.И. – профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Новиков А.А. – начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Поздняков В.М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Селиверстов В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С.А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В.Б. – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А.Н. – доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Гаврилов Б.Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Зауторова Э.В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики, доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И.Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А.Л. – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск), кандидат исторических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю.Е. – профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Спасенников Б.А. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

Вологда 2014

№ 2 (26)

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Р.Б. ГОЛОВКИН

Некоторые аспекты отражения убийств в системе правовых и иных социальных норм 4

К.В. ДЯДЮН

К вопросу о критериях состояния новорожденности применительно к составу ст. 106 УК РФ 10

А.А. ПАВЛОВ

Преступления террористического характера: правовое содержание и место в системе посягательств на общественную безопасность. 13

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

В.Е. ЮЖАНИН

Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права 17

И.В. ВЕТРОВА, Б.А. СПАСЕННИКОВ

Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы 22

А.Н. АНТИПОВ, Н.М. ГОЛИК, О.В. КУДРЯШОВ,
В.Б. ПЕРВОЗВАНСКИЙ

Совершенствуя уголовно-исполнительное законодательство России... 26

А.М. РУДАКОВ

Теоретико-правовые проблемы реализации свободы вероисповедания осужденными к лишению свободы... 31

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Б.А. СПАСЕННИКОВ, А.В. ЦАТУРОВ

Проблемы правового регламентирования оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы 36

А.С. ШАТАЛОВ

Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве 41

А.С. СОЛОВЬЕВА

Проблемы дифференциации субъектов уголовного процесса, обладающих специальными знаниями 45

Е.А. ЯКОВЛЕВ

Проблемы предоставления и проверки сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера сотрудников ФСИН России и их родственников. 49

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . . 52

Э.В. ЗАУТОВА

К вопросу о психолого-педагогическом воздействии на осужденных, имеющих религиозные экстремистские убеждения 52

О.П. ШАМРУК

К вопросу об изменении личной организованности сотрудников Государственной пенитенциарной службы Украины 57

Т.В. ВИКТОРОВА

К вопросу о применении оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы и требования к их профессиональным качествам 63

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. 66

С.Н. ЕМЕЛЬЯНОВ

Организационно-правовые особенности и проблемы управления ведомственными образовательными организациями в связи с принятием федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». 66

А.И. ВОДОПОЛОВ

Понятие управленческого решения в уголовно-исполнительной системе: правовой аспект 71

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 75

А.В. СТЕПАНОВ

Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий. 75

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 79

Н.И. НАРЫШКИНА

Правовое регулирование тюремного заключения во Франции в XIII–XV вв. 79

А.Р. ПАВЛУШКОВ

Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства 83

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 88

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ, Г.А. МАЙСТРЕНКО,
С.М. БАЙМОЛДИНА

Альтернативы лишению свободы по законодательству Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан. 88

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 94

Л.А. ЛАТЫШЕВА

Особенности ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы 94

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 99

РЕЦЕНЗИИ 99

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Рецензия на монографию Л.И. Вавулинской «Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг.» 99

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 101

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 102

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
R.B. GOLOVKIN Some aspects reflection of murders reflection kills in a system of legal and other social norms	4
K.V. DYADYUN To the question on criteria of a condition newborn with reference to structure of item 106 of the Criminal Code of Russian Federation.	10
A.A. PAVLOV The crime of terrorism: legal content and place in the attempts system against public security	13
CRIMINAL EXECUTIVE LAW	
V.YE. YUZHANIN Public danger convicted person as a category Penitentiary Law.	17
I.V. VETROVA, B.A. SPAENNIKOV Problems of punishment execution of women, sentenced to imprisonment.	22
A.N. ANTIPOV, N.M. GOLIK, O.V. KUDRYASHOV, V.B. PERVOZVANSKY Improving penal legislation of Russia... ..	26
A.M. RUDAKOV Theoretical and legal realization problems of religion freedom of convicted to imprisonment.	31
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY	
B.A. SPAENNIKOV, A.V. TSATUROV Problems of legal regulation of the operatively-search activity in prisons	36
A.S. SHATALOV The rights and lawful interests of the juvenile criminal procedure	41
A.S. SOLOVIEVA Differentiation problems of the subjects of criminal process with special knowledge	45
E.A. YAKOVLEV The problems of provision and verification of information on income, expenditures, about property and obligations of property character of the employees of the penitentiary service of Russia and their relatives.	49
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	52
E.V. ZAUTOROVA To the question of psychological-pedagogical influence on prisoners, having religious extremist beliefs	52
O.P. SHAMRUK Research program of employees self-discipline in the State Penitentiary Service of Ukraine	57
T.V. VICTOROVA To the question of the use of weapons by the staff of penal system and requirement to their professional qualities	63
TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY	66
S.N. YEMELYANOV Organizational and legal features and problems of management of the departmental educational organizations in connection with adoption of the Federal law «About education in the Russian Federation»	66
A.I. VODOPOLOV Concept of managerial decision in penal service: legal aspect	71
DISCUSSION IS WELCOME	75
A.V. STEPANOV Security, national security, immigration security, national migration policy: analysis of definitions, the ratio of categories	75
HISTORY PAGES	79
N.I. NARYSHKINA Legal regulation of imprisonment in France in the XIII–XV centuries.	79
A.P. PAVLUSHKOV Anathema as a form of criminal and political repression in the punitive policy of the Russian state.	83
FOREIGN EXPERIENCE	88
V.I. SELIVERSTOV, G.A. MAYSTRENKO, S.M. BAYMOLDINA Alternatives to imprisonment on legislation of the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kyrgyzstan and the Republic of Tajikistan	88
OUR RESEARCHES	94
L.A. LATYSHEVA Features of women recozialization sentenced to imprisonment	94
INFORMATION, ADVERTISEMENTS	99
REVIEWS	99
AL. KUZMINYKH Review of the monography by L.I.Vavulinskoy «Special immigrants and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s - mid-1950s.»	99
NOVELTIES OF LITERATURE	101
INFOMATION ABOUT THE AUTORS	103

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Некоторые аспекты отражения убийств в системе правовых и иных социальных норм

Р.Б. ГОЛОВКИН – заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, профессор

Статья посвящена исследованию вариантов отражения убийств в праве и иных социальных регуляторах. Автор анализирует как имеющиеся в российском праве запреты на совершение убийства, так и правовые нормы и правила поведения, которые допускают, а в ряде случаев и обязывают совершать умышленное причинение смерти, причем не только человеку, но и животному.

Ключевые слова: право; убийство; информация; социальные нормы; мораль; обычаи; религиозные нормы.

Some aspects reflection of murders reflection kills in a system of legal and other social norms

R.B. GOLOVKIN – Deputy Chief of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia for Research, Dsc. in Law, Professor

The article is devoted to the study of reflection variants of murders in law and other social regulators. The author analyzes available in Russian law prohibitions on murder and legal norms and rules of behavior that would permit, and in some cases obliged to make the intentional infliction of death, not only to people but animals too.

Key words: law; murder; information; social norms; morals; customs; and religious norms

В современном праве России убийство преимущественно отражается в охранительных уголовно-правовых нормах, содержащих запрет на него под угрозой наказания. Вместе с тем анализ текстов норм действующего законодательства позволяет выделить не только юридические охранительные нормы-правила в виде запретов, но и другие нормативные предписания, в том числе исходные нормы. Например, норма ст. 105 Уголовного кодекса Российской Фе-

дерации помимо запрета, который подразумевается, содержит дефиницию убийства: «...убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку»¹, следовательно, является нормой-дефиницией.

Информационное отражение убийства может быть частью других юридических норм, например: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного иму-

щественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Если это повлекло умышленное причинение смерти человеку»²; «Действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы»³.

Всего в Уголовном кодексе Российской Федерации информация об убийствах нормативно проявляется в 11 составах преступлений.

Помимо запретов на совершение убийства правовые нормы-правила поведения могут допускать убийство. Данное суждение следует из анализа ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» и ст. 108 «Убийство при превышении пределов необходимой обороны». Наличие двух этих норм уже само по себе свидетельствует о том, что если убийство совершено без превышения пределов необходимой обороны, то оно допускается и, в соответствии с гл. 8 УК РФ, не является преступным. Хотя, как утверждают некоторые исследователи, на практике ответ правонарушением на правонарушение в 78% случаев представляет собой общественно опасное деяние и расценивается как самосуд⁴.

Причинение смерти посягающему субъекту может быть признано соразмерным, то есть не превышающим пределы необходимой обороны, и при посягательствах, не сопряженных с опасностью для жизни обороняющегося или другого лица. Например, не является превышением пределов необходимой обороны убийство женщиной насильника в процессе защиты от его посягательств или причинение смерти нападавшему, который намеревался лишить обороняющегося зрения, то есть причинить тяжкий вред здоровью⁵.

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации), обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также

защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства⁶.

Кроме необходимой обороны законодательство теоретически допускает убийство при крайней необходимости (ст. 39 УК РФ); физическом или психическом принуждении (ст. 40 УК РФ); обоснованном риске (ст. 41 УК РФ); исполнении приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Все эти убийства можно назвать непротивоправными.

Анализ отражения убийств в уголовном законодательстве позволяет заключить, что на сегодняшний день соответствующие нормы сформулированы как запреты на совершение убийств: они информируют участников правоотношений об этом под угрозой уголовной ответственности. В указанном смысле действие норм права имеет перспективный характер. Реализуются они в форме соблюдения, непосредственно участниками правоотношений.

С точки зрения правовых последствий реализация этих норм – правомерное поведение, выражающееся в воздержании от запрещенных законом действий. Нарушение норм влечет реализацию их санкции. Санкция уголовно-правовых норм в этом случае состоит в обязанности правонарушителя (убийцы) претерпевать предусмотренные последствия, а государство в лице соответствующих органов обязано применить эту санкцию.

Наряду с нормами-запретами, запрещающими убийство, имеются и нормы, его допускающие (гл. 8 УК РФ). Их условно можно назвать нормами-допущениями, но нельзя считать управомочивающими, потому что содержащиеся в них правомочия направлены не на убийство, а на оборону, исполнение приказа, выполнение профессиональной деятельности и т.д. Убийство в данном случае – возможный, но не обязательный результат действий, следовательно, оно *лишь допускается* как возможное зло.

Помимо уголовного законодательства убийство получает отражение в других правовых актах. Так, существует ряд законов, закрепляющих право на применение огнестрельного оружия в отношении других людей⁷. Эти нормативные правовые акты типичны, речь в них идет о применении оружия представителями различных специализированных служб государства в определенных случаях, например:

1) для защиты объектов государственной охраны от нападения либо угрозы нападения, опасных для их жизни или здоровья;

2) отражения нападения либо угрозы нападения на сотрудников органов государственной охраны и других государственных органов обеспечения безопасности, привлеченных для обеспечения охранных мероприятий, если их жизнь или здоровье подвергаются опасности, а также пресечения попыток завладения их оружием, транспортными средствами и средствами связи;

3) отражения нападения либо угрозы нападения на охраняемые объекты и транспортные средства, а равно освобождения их при захвате;

4) освобождения заложников, пресечения террористических и иных преступных посягательств;

5) задержания лица, оказывающего вооруженное сопротивление или отказывающегося выполнить законное требование о сдаче оружия, если другими способами и средствами подавить сопротивление, задержать лицо или изъять оружие невозможно;

6) защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью, если другими способами и средствами защитить их невозможно⁸.

В отечественном законодательстве есть правовые нормы, обязывающие (при наступлении определенных событий) совершать возможное убийство, то есть речь идет не только о допущении убийств государством: при определенных условиях прямо предписывается их совершать некоторым группам населения. Так, санкционирована посредством правовых норм защита от военного нападения путем причинения смерти солдатам противника. Это следует, прежде всего, из Конституции Российской Федерации, где указывается, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации (ч. 1 ст. 59). Ведь любая военная защита предполагает возможное уничтожение живой силы противника, иными словами, убийства военнослужащих противника⁹.

В качестве примера нормативной обязанности совершать убийства, возлагаемой на определенных лиц, можно рассматривать и положения, регламентирующие смертную казнь преступников¹⁰. С помощью этого вида убийств государство карает преступника и воздействует на сознание других правонарушителей, призывая их воздерживаться от совершения преступлений.

В действующем уголовном и ином законодательстве современной России в основном фиксируется запрет на совершение

различных убийств, при этом убийство рассматривается как определенное негативное последствие. Однако и в уголовном кодексе, и в других законодательных актах информация об убийстве может закрепляться и в перспективном, предполагаемом аспекте. Так, информационно перспектива убийства (возможность деяний, влекущих смерть другого человека) прослеживается не только в регулятивных нормах (защита Отечества), но и в охранительных предписаниях УК РФ. Применительно к конкретному случаю убийство квалифицируется лишь только тогда, когда последствие такого рода наступит, а информация о запрете на убийство перспективна и передает участникам правоотношений знание о том, что возможное убийство наказуемо. Тем самым формируются стереотипы правомерного поведения.

Кроме того, как показывает анализ действующего законодательства, термин «убийство» подразумевает не только умышленное лишение жизни другого человека, но и лишение жизни животного. Так, например, санитарные правила по устройству, оборудованию и содержанию экспериментально-биологических клиник (вивариев) содержат термин «убийство животных» в п. 5.28 (е) и п. 5.3, под которым понимается умышленное причинение смерти лабораторным животным.

В некоторых правовых актах термин «убийство животного» заменен на термин «забой»¹¹. Обозначаемый таким образом вид деятельности вменяется в обязанность некоторым категориям работников. Так, например, в соответствии с типовой должностной инструкцией оператора животноводческого комплекса (механизированной фермы), занятого на обслуживании крупного рогатого скота (скотника), 2-го разряда¹² забой животных – это одна из обязанностей скотника¹³.

Как следует из проведенного анализа, информация об убийстве широко представлена в законодательстве современной России в виде терминов, понятий, запретов, дозволений, допущений, обязываний умышленного причинения смерти не только человеку, но и животному. Иными словами, несмотря на сужение формулировки понятия «убийство» в УК РФ по сравнению с предшествующим УК РСФСР, закрепление информации об убийстве оказалось расширено даже в самом УК РФ, тем более в регулятивном законодательстве.

Данная ситуация не случайна: происходит социальное смысловое расширение поня-

тия убийства и его проявлений. Дело в том, что, с одной стороны, убийство первично по отношению к закону (сначала было убийство, потом его законодательно запретили), с другой – законодательство порождает квазизаконные суждения об убийстве, осуществляя смысловой перенос юридического прекращения субъектной деятельности потерпевшего на прекращение деятельности хозяйственной организации, должностного лица, политической партии и т.д.

Такое смысловое социальное расширение обусловлено и множественностью нюансов убийства в различных социальных нормах (морали, религиозных нормах, обычаях и т.д.), которые используют этот термин изначально шире, нежели законодательство.

Например, в Библии об убийстве говорится более пятидесяти раз. В данном своде религиозных норм убийство различается по признаку «с пролитием крови – без пролития крови». Например, в Ветхом Завете (Бытие, п. 42.18–42.22) излагается ситуация, иллюстрирующая данный тезис: «И увидели они его издали, и прежде, нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его. И сказали друг другу: вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов. И услышал сие Рувим и избавил его от рук их, сказав: не убьем его. И сказал им Рувим: не проливайте крови; бросьте его в ров, который в пустыне, а руки не налагайте на него».

В Библии убийством считается и уничтожение животных: например, в книге «Левит» предписывается убийство людей и скотины в качестве наказания за скотоложество: «Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте»; «Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти» (Левит, п. 20.15–20.16).

Библией за убийство предусматривается адекватное наказание в виде убийства (предание смерти убийцы): «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исход, п. 21.12).

В Коране упоминание об убийстве в той или иной форме встречается более тридцати раз¹⁴.

Коран разделяет естественное и насильственное прекращение жизни: «Если вы умрете или будете убиты, то вы непременно будете собраны к Аллаху» (сура Аль-Имран, 156–158).

Коран рассматривает убийство не только как негативный социальный факт, но и как позитивное с точки зрения ислама социальное действие: «Убивайте их (*многобожников*), где бы вы их ни встретили, и изгоняйте их оттуда, откуда они вас изгнали. Испытание хуже, чем убийство. Но не сражайтесь с ними у Заповедной мечети, пока они не станут сражаться с вами в ней. Если же они станут сражаться с вами, то убивайте их. Таково воздаяние неверующим!» (сура Аль-Бакара, 191).

Коран в отличие от Библии допускает самоубийство, обозначая этот акт термином «убийство себя»: «Вот сказал Муса (*Моисей*) своему народу: "О мой народ! Вы были несправедливы к себе, когда стали поклоняться тельцу. Покайтесь перед своим Создателем и убейте сами себя (*пусть невинные убьют беззаконников*). Так будет лучше для вас перед вашим Создателем"» (сура Аль-Бакара, 54).

В некоторых случаях Коран прямо предписывает убийство: «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его Посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения» (сура Аль-Маида, 32–33).

Религия, как и право, пытается ограничить кровную месть, при этом наказание на убийцу возлагает не государство, а Бог: «Не убивайте душу, убивать которую Аллах запретил, если только у вас нет на это права. Если кто-либо убит несправедливо, то Мы уже предоставили его правопреемнику полную власть, но пусть он не излишествует в отмщении за убийство. Воистину, ему будет оказана помощь» (сура Аль-Исра, 33).

В целом с точки зрения информационного отражения убийств в законодательстве и иных социальных нормах убийства можно подразделить на противоправные (недопустимые, общественно опасные), непротивоправные (социально допустимые) и правомерные (социально необходимые).

Сами убийства регулируют отношения индивидуально, конкретно, нормативна лишь информация о них (не только совершенных и совершаемых, но и о возможных). Заметим, что информация об убийствах (в отличие от них самих), выраженная в юридических нормах, всегда социально позитивна. Юридические предписания содержат

образцы позитивного поведения, связанного с убийством, в виде охранительных норм (при противоправных и некоторых непротивоправных убийствах) и регулятивных норм (при правомерных убийствах). Позитивность информации об убийствах выражается в том, что нормативно закрепляются варианты пассивного поведения, проявляющегося в воздержании от действий по причинению смерти другому человеку под угрозой наказания. Позитивна информация об убийстве в регулятивных нормах, например предписывающих защищать Отечество.

Информация об убийстве – мощный социальный регулятор, так как убийство порождает страх перед собой. Как свидетельствуют биологические исследования, в основе пирамиды нашей личности лежат две массивные плиты: инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода. «Сохрани себя и свой биологический вид», – диктуют они нам линию поведения, которой мы подчиняем свою жизнь¹⁵. Следовательно, информационно регулятивная сила убийства зиждется на одном из основных инстинктов – инстинкте самосохранения, страхе перед убийством.

Убийца за совершенное деяние получает соответствующее наказание. Данная информация в свою очередь также закрепляется в текстах правовых норм и оказывает регулирующее воздействие на поведение участников общественных отношений, так как формирует страх перед наказанием.

В религиозных нормах убийство предписывается или запрещается Богом, и регулятивная сила норм, отражающих убийство, прямо пропорциональна силе веры в Бога.

Обычаи – это наиболее древняя информационная форма отражения убийств. Особенно показательны обычаи кровной мести, которые предписывают родственнику убитого отомстить убийце путем причинения ему смерти.

В целом по результатам краткого исследования убийства как элемента системы

социального регулирования поведения и общественных отношений можно выделить некоторые обстоятельства, характеризующие сущностные моменты рассмотренного явления.

Во-первых, убийство достаточно часто направлено на урегулирование общественных отношений. Специфика этого регулирования обусловлена тем, что оно осуществляется в одностороннем порядке и всегда имеет целью прекращение деятельности контрагента.

Во-вторых, убийство можно отнести к средствам правового регулирования. Информация об общественно опасных и социально необходимых формах убийства используется для регламентации правоотношений.

В-третьих, убийство непосредственно представляет собой ненормативный индивидуально-ситуативный регулятор общественных отношений, а информация об убийстве может быть нормативным регулятором, закрепленным в текстах социальных, в том числе правовых, норм.

В-четвертых, в современном обществе убийство всегда имеет юридический характер, так как оно получило отражение в текстах правовых норм. Юридические убийства можно подразделить на противоправные, допустимые и необходимые.

В-пятых, информация об убийстве – распространённый социальный регулятор, отражающийся не только в праве, но и в других социальных нормах, причем отражения второго рода не всегда совпадают с правом. Как отмечалось выше, иногда иные социальные нормы противоречат праву в оценке убийства. Следовательно, при отражении информации об убийстве в праве целесообразно проводить интегрированные исследования всей регулятивной системы и учитывать особенности ее отдельных частей, чтобы эффективнее противостоять рассмотренному социально-биологическому явлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья 105 УК РФ (в ред. федерального закона от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ).

² Пункт «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ «Террористический акт».

³ Статья 357 УК РФ «Геноцид».

⁴ См.: Смирнов А.М. Криминологическая характеристика лиц, совершающих самосудные расправы в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 23. С. 12.

⁵ См.: Комментарий к УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2013 (автор комментария к ст. 37 УК РФ – А.А. Толкаченко).

⁶ См.: Российская газета. 2012. 3 окт.

⁷ См., напр.: Федеральный закон от 27.05.1996 г. № 57-ФЗ (в ред. от 08.12.2011 г. № 424-ФЗ) «О государственной охра-

¹ Stat'ja 105 UK RF (v red. federal'nogo zakona ot 27.12.2009 g. № 377-FZ).

² Punkt «b» ch. 3 st. 205 UK RF «Terroristicheskiy akt».

³ Stat'ja 357 UK RF «Genocid».

⁴ Sm.: Smirnov A.M. Kriminologicheskaja harakteristika lic, sovershajushih samosudnye raspravy v Rossii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 23. S. 12.

⁵ Sm.: Kommentarij k UK RF / Pod red. V.M. Lebedeva. M., 2013 (avtor kommentarija k st. 37 UK RF – A.A. Tolkachenko).

⁶ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2012. 3 okt.

⁷ Sm., napr.: Federal'nyj zakon ot 27.05.1996 g. № 57-FZ (v red. ot 08.12.2011 g. № 424-FZ) «O gosudarstvennoj

не»; Федеральный закон от 14.04.1999 г. № 77-ФЗ (в ред. от 27.06.2011 г.) «О ведомственной охране»; Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 03.02.2014 г.) «О полиции»; Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. от 25.11.2013 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 03.02.2014 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и др.

⁸ Статья 27 Федерального закона от 27.05.1996 г. № 57-ФЗ (в ред. от 25.11.2013 г.) «О государственной охране».

⁹ См.: Постановление Правительства РФ от 08.09.1998 г. № 1077 «О принятии на вооружение Вооруженных сил Российской Федерации отдельных видов вооружения и патронов».

¹⁰ Данные нормы содержатся в актах ограниченного пользования и отражают помимо обязанностей исполнителя процедуру осуществления смертной казни.

¹¹ См., напр.: Приказ Минсельхоза России от 06.06.2003 г. № 792 «Об утверждении Методических рекомендаций по бухгалтерскому учету затрат на производство и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) в сельскохозяйственных организациях»; Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; Приказ Минсельхоза России от 19.06.2002 г. № 559 «Об утверждении Методических рекомендаций по бухгалтерскому учету основных средств сельскохозяйственных организаций» и др.

¹² См.: Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 19.07.1983 г. № 156/15-28 «Об утверждении раздела "Работы и профессии рабочих в животноводстве" Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих (выпуск 70)»; «Типовые нормы обслуживания крупного рогатого скота» (утв. постановлением Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 23.03.1978 г. № 89/10-11).

¹³ Пункт 2 инструкции «Обязанности работника».

¹⁴ Анализировался Коран в переводе Э.А. Кулиева.

¹⁵ См.: Кирсанов Ф. Давайте разберемся со своим страхом. <http://www.orator.ru>. (дата обращения: 12.12.2013 г.).

охране»; Federal'nyj zakon ot 14.04.1999 g. № 77-FZ (v red. ot 27.06.2011 g.) «O vedomstvennoj ohrane»; Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ (v red. ot 03.02.2014 g.) «O policii»; Zakon RF ot 21.07.1993 № 5473-1 (v red. ot 25.11.2013 g.) «Ob uchrezhdenijah i organah, ispolnjajushhijh ugovolnyne nakazanija v vide lishenija svobody»; Federal'nyj zakon ot 15.07.1995 g. № 103-FZ (v red. ot 03.02.2014 g.) «O sodержanii pod strazhej podozrevaemyh i obvinjaemyh v sovershenii prestuplenij» i dr.

⁸ Stat'ja 27 Federal'nogo zakona ot 27.05.1996 g. № 57-FZ (v red. ot 25.11.2013 g.) «O gosudarstvennoj ohrane».

⁹ Sm.: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.09.1998 g. № 1077 «O prinjatii na vooruzhenie Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii ot del'nyh vidov vooruzhenija i patronov».

¹⁰ Dannye normy sodержatsja v aktah ogranichenного pol'zovanija i otrazhajut pomimo objazannostej ispolnitelja proceduru osushhestvenija smertnoj kazni.

¹¹ Sm., napr.: Prikaz Minsel'hoza Rossii ot 06.06.2003 g. № 792 «Ob utverzhdenii Metodicheskijh rekomendacij po buhgalterskomu uchetu zatrat na proizvodstvo i kal'kulirovaniju sebestoimosti produkcii (rabot, uslug) v sel'skohozjajstvennyh organizacijah»; Federal'nyj zakon ot 10.01.2002 g. № 7-FZ «Ob ohrane okružhajushhej sredy»; Prikaz Minsel'hoza Rossii ot 19.06.2002 g. № 559 «Ob utverzhdenii Metodicheskijh rekomendacij po buhgalterskomu uchetu osnovnyh sredstv sel'skohozjajstvennyh organizacij» i dr.

¹² Sm.: Postanovlenie Goskomtruda SSSR, Sekretariata VCSPPS ot 19.07.1983 g. № 156/15-28 «Ob utverzhdenii razdela "Raboty i professii rabochih v zhivotnovodstve" Edinogo tarifno-kvalifikacionnogo spravocznika rabot i professij rabochih (vypusk 70)»; «Tipovye normy obsluzhivanija krupnogo rogatogo skota» (utv. postanovleniem Goskomtruda SSSR, Sekretariata VCSPPS ot 23.03.1978 g. № 89/10-11).

¹³ Punkt 2 instrukcii «Objazannosti rabotnika».

¹⁴ Analizirovalsja Koran v perevode Je.A. Kulieva.

¹⁵ Sm.: Kirsanov F. Davajte razberemsja so svoim strahom. <http://www.orator.ru>. (data obrashhenija: 12.12.2013 g.).

К вопросу о критериях состояния новорожденности применительно к составу ст. 106 УК РФ

К.В. ДЯДЮН – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук

В данной статье анализируются проблемные аспекты признаков потерпевшего по ст. 106 УК РФ. Автор исследует различные мнения относительно начального и конечного моментов состояния новорожденности, предлагает собственное определение означенных категорий и обосновывает возможность закрепления соответствующего понятия в рамках примечания к ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: состояние новорожденности; новорожденный ребенок; убийство матерью новорожденного ребенка; квалификация преступлений; начальный момент жизни.

To the question on criteria of a condition newborn with reference to structure of item 106 of the Criminal Code of Russian Federation

K.V. DYADYUN – Associate Professor of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy; Doctor in Law

The article deals with the problematic aspects of the characteristics of the victim of the Criminal Code Article 106. The author explores the different opinions regarding the initial and final moments of the newborn; offers its own determination of the categories and consolidation of the relevant concepts in the framework of the notes to the Article 106 of the Criminal Code.

Key words: condition of newborn; the newborn child; murder by mother of the newborn child; qualification of crimes; the initial moment of life.

Ответственность за детоубийство имеет длительную историю существования в уголовном законе. В настоящее время данное деяние характеризуется распространенностью и динамикой, однако по-прежнему остается большое количество проблем в толковании, а следовательно, и практике применения ст. 106 действующего УК РФ.

Так, первые сложности возникают при анализе категории потерпевшего. Исходя из законодательной редакции диспозиции ст. 106 потерпевшим от этого преступления может быть не любой, а только новорожденный ребенок. При этом закон не проводит различий между убийством ребенка, родившегося в браке, и убийством внебрачного ребенка, как, например, это делает УК ФРГ (§ 217), где установлено пониженное наказание для убийства внебрачного ребенка. В данном вопросе более адекватной представляется позиция отечественного законодателя, так как смягчение наказания за рассматриваемое преступление обусловлено учетом особого психофизиологического

состояния матери, а не статусом ребенка. Однако применение на практике использованного в российском уголовном законе понятия «новорожденный ребенок» вызывает ряд сложностей в плане как содержания, так и временных рамок.

Чтобы правильно квалифицировать деяние, связанное с умышленным причинением смерти новорожденному ребенку, необходимо уяснить содержание данного понятия. В законе нет ответа на вопрос ни о начальном, ни о конечном моменте «новорождения». Ряд авторов считают, что начальный момент – появление головки младенца, выходящего из чрева матери¹. Другие связывают «новорождение» с отделением ребенка от тела матери и переходом на самостоятельное дыхание².

Представляется целесообразным обратиться к медицинскому пониманию указанной категории. Так, в медицинском смысле новорожденность можно определить как начальный период существования ребенка и адаптации его к условиям внеутробной

жизни с момента рождения до четырехнедельного возраста³. Следовательно, значение имеет момент рождения, а не момент начала родов. Необходимо отметить, что законодатель, формируя диспозицию ст. 106 УК РФ, использовал понятие «новорожденный», а не «рождающийся» ребенок. С другой стороны, возникает проблема при квалификации действий женщины, умышленно удушающей ребенка в процессе родов либо наносящей смертельные раны в голову рождающемуся младенцу. Содеянное вообще не будет находиться в сфере уголовного регулирования: нет новорожденного как такового, значит, не может быть и его убийства. В таком случае игнорируется общественная опасность подобных деяний, так как женщина осознает, что ее действия направлены на лишение жизни. Кроме того, уголовно не наказуемыми окажутся умышленные действия медперсонала, направленные на причинение вреда рождающемуся ребенку, так как при данном подходе они не подпадают ни под одну из существующих статей УК РФ. Также представляется верным замечание А.Л. Карасовой о том, что «для уголовного права принципиальное значение имеет определение не начальных границ жизни, а установление начальных границ уголовно-правовой охраны жизни человека»⁴. Исходя из изложенного более предпочтительной представляется позиция, согласно которой жизнь человека начинается с момента начала процесса рождения.

Точку в споре о том, где проходит грань, отделяющая убийство новорожденного от аборта, следовало бы поставить самому законодателю. Такой подход имеет место в мировой практике. Так, например, в объяснении 3 к ст. 299 УК Индии говорится: «Причинение смерти ребенку в утробе матери не является убийством. Но причинение смерти живому ребенку, если какая-либо его часть появилась из утробы, хотя бы ребенок не начал дышать или не полностью родился, может рассматриваться как убийство»⁵.

Приведенное определение также не является безупречным в силу внутреннего противоречия: употребляется понятие «живой ребенок», но при этом подчеркивается несущественность начала дыхания и наличия других признаков, которые подтверждают факт «живорождения».

Тем не менее представляется рациональным не смешивать категории «новорождение» и «живорождение». «Убийство» мертворожденного ребенка в таком случае следует квалифицировать по правилам о фактической ошибке, равно как и «убий-

ство» уже мертвого человека – как покушение на конкретное деяние в соответствии с направленностью умысла виновного лица.

Кроме того, спорным остается вопрос о временных рамках состояния новорожденности. Так как УК РФ не содержит необходимого определения, следует обратиться к медицинским критериям. Однако и в специализированной сфере отсутствуют жесткие границы, определяющие это состояние ребенка. Педиатрия определяет новорожденность как период, равный одному лунному месяцу (28 календарных дней), акушерство – одной неделе, судебная медицина – одним суткам⁶.

При устранении данного пробела в теории уголовного права высказывается мнение о различном понимании периода новорожденности в зависимости от времени и обстановки совершения деяния, то есть конкретных объективных признаков. Так, в случае умышленного лишения жизни новорожденного ребенка, совершенного матерью во время родов или сразу после них, предлагается использовать судебно-медицинский критерий определения длительности периода новорожденности – одни сутки после рождения⁷. Обосновывается данная позиция особым психофизическим состоянием матери во время родов и сразу после них, влекущим совершение преступления. Однако, во-первых, именно учет психофизического состояния роженицы, его влияния на ее действия обусловил наличие в действующем УК РФ исследуемой статьи. Во-вторых, не следует смешивать элементы состава преступления, заменяя одни другими, придавая превалирующее значение одним и полностью игнорируя другие. Следует еще раз подчеркнуть, что потерпевшим от рассматриваемого преступления является новорожденный ребенок и факт новорожденности не зависит от времени совершения преступления, эмоционального состояния виновного лица и т.д. Это в любом случае определенный период, продолжительность которого не может произвольно изменяться в зависимости от переменных факторов. Кроме того, определение соответствующего срока опять-таки возвращает к проблеме установления начального момента жизни. С какого факта следует исчислять предложенные судебной медициной сутки: с момента появления из утробы матери, отделения от утробы матери, самостоятельной жизни вне организма матери? Так, на практике возможны ситуации, когда головка ребенка уже появилась, однако своевременной реакции медперсонала не следует, в результате чего процесс родов затягивается на срок более

суток. Таким образом, совершение матерью убийства уже рожденного ребенка будет выходить за установленные временные рамки, а следовательно, оно будет квалифицироваться по ст. 105 УК РФ. Вместе с тем никем не фиксируется точное время отдельных этапов родового процесса, в том числе появления головки младенца из утробы матери. Определенные сложности в этой области могут возникать и при проведении родов путем кесарева сечения.

Для случаев совершения рассматриваемого деяния в условиях психотравмирующей ситуации либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, предлагается установить период новорожденности продолжительностью четыре недели⁸. В данном решении опять-таки имеет место смешение категории новорожденности и внешних факторов, что представляется недопустимым. Аналогичным образом можно было бы, допустим, варьировать наступление совершеннолетия в зависимости, например, от достижения определенного образовательного уровня, наличия каких-либо навыков, склонности к инфантилизму и т.п. Кроме того, роды, в процессе которых женщина испытывает особо болезненные психические и физические страдания, ослабляющие ее способность осознавать свои действия и руководить ими, тоже являются разновидностью психотравмирующей ситуации и могут повлечь психическое расстройство, не исключающее вменяемости. Поэтому крайне нелогично считать, что психофизиологические отклонения, вызванные родами, будут оказывать воздействие на

женщину одни сутки, а психотравмирующая ситуация вообще – четыре недели.

В целях пресечения дискуссий и разногласий, облегчения правоприменительной практики и соблюдения принципа законности представляется необходимым закрепить понятие «новорожденность» в рамках примечания к ст. 106 УК РФ с учетом медицинских критериев и уголовно-правового содержания. При этом начальным моментом жизни следует считать начало процесса рождения, а именно: появление какой-либо части тела младенца из утробы матери. Данный фактор справедлив и для естественных родов, и для родов путем кесарева сечения, позволяет должным образом оценить общественную опасность рассматриваемого деяния, в том числе и в случае фактической ошибки. Конечным моментом периода новорожденности следует считать наиболее поздний срок, определенный медициной, – один лунный месяц (четыре недели), так как это более соответствует тем гуманным соображениям, которыми руководствовался законодатель при создании анализируемой нормы. Предлагается следующая редакция примечания: «Под новорожденным в настоящей статье понимается ребенок с момента начала процесса рождения (появление какой-либо части тела младенца из утробы матери) до достижения четырехнедельного возраста».

Представляется, что означенное нововведение упростит практику применения ст. 106 УК РФ, будет содействовать правильной квалификации соответствующих деяний, а значит, и практической реализации обоснованности и справедливости уголовного закона.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 5. С. 22; Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. II. С. 235; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2005. С. 49.

² См.: Гавло В.К., Комаров И.М., Филиппов М.П. Расследование и предотвращение убийства матерью новорожденного ребенка. Барнаул, 2006. С. 23, 24.

³ См.: Малая медицинская энциклопедия / Под ред. В.И. Покровского. М., 1996. Т. 4. С. 96.

⁴ Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 9.

⁵ Уголовный кодекс Индии. М., 1958. С. 151.

⁶ См.: Вермель И.Г. Сложные вопросы судебной медицины. Свердловск, 1989. С. 31; Судебная медицина (руководство для врачей) / Под ред. А.А. Матышева, А.Г. Деньковско-го. Л., 1985. С. 386.

⁷ См., напр.: Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 44, 45.

⁸ См., напр.: Он же. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов, 1999. С. 103.

¹ Sm., napr.: Kurs sovetского ugovolnogo prava. M., 1970. T. 5. S. 22; Polnyj kurs ugovolnogo prava: V 5 t. / Pod red. A.I. Korobeeva. SPb., 2008. T. II. S. 235; Ugolovnoe pravo. Osobennaja chast' / Pod red. L.D. Gauhmana, S.V. Maksimova. M., 2005. S. 49.

² Sm.: Gavlo V.K., Komarov I.M., Filippov M.P. Rassledovanie i predotvrashhenie ubijstva mater'ju novorozhdennogo rebenka. Barnaul, 2006. S. 23, 24.

³ Sm.: Malaja medicinskaja jenciklopedija / Pod red. V.I. Pokrovskogo. M., 1996. T. 4. S. 96.

⁴ Karasova A.L. Ubijstvo mater'ju novorozhdennogo rebenka (teoretiko-prikladnye aspekty otvetstvennosti po st. 106 UK RF): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2003. S. 9.

⁵ Ugolovnyj kodeks Indii. M., 1958. S. 151.

⁶ Sm.: Vermel' I.G. Slozhnye voprosy sudebnoj mediciny. Sverdlovsk, 1989. S. 31; Sudebnaja medicina (rukovodstvo dlja vrachej) / Pod red. A.A. Matysheva, A.G. Den'kovskogo. L., 1985. S. 386.

⁷ Sm., napr.: Krasikov A.N. Ugolovno-pravovaja ohrana prav i svobod cheloveka v Rossii. Saratov, 1996. S. 44, 45.

⁸ Sm., napr.: On zhe. Otvetstvennost' za ubijstvo po rossijskomu ugovolnomu pravu. Saratov, 1999. S. 103.

Преступления террористического характера: правовое содержание и место в системе посягательств на общественную безопасность

А.А. ПАВЛОВ – заместитель директора Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы содержания преступлений террористического характера. На основе анализа общественных отношений, сложившихся в области охраны общественной безопасности, определяется место преступлений террористического характера (в узком смысле слова) в общей системе посягательств на общественную безопасность, конституционный строй, правосудие и пр.

Ключевые слова: объект преступления; общественная безопасность; состав преступления; преступления террористического характера; противодействие терроризму.

The crime of terrorism: legal content and place in the attempts system against public security

A.A. PAVLOV – Deputy Director of the North-West Institute (branch) of the O.E. Kutafin University. (MSAL), Phd. in Law

This paper considers the question of content of terrorism crimes. Based on the analysis of public relations in the field of of public safety protection is determined the place of terrorist crimes (in the narrow sense of the word) in the General system of encroachment upon public security, constitutional order, justice and so on.

Key words: object of the crime; public security; crime; the crime of terrorism; counter terrorism.

Можно заметить, что преступления террористического характера, во всяком случае большая их часть, отражены в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Очевидно, что родовым объектом составов преступлений, предусмотренных данной главой, следует признать совокупность общественных отношений, сложившихся в области обеспечения надлежащей защиты жизни и здоровья неопределенного круга лиц, сохранности имущества и нормального функционирования государственных и общественных институтов¹, то есть отношения по охране общественной безопасности.

В научной литературе обращается внимание на то, что общественная безопасность должна рассматриваться в широком смысле слова, поскольку упоминается и в названии гл. 24, и в названии разд. IX УК РФ². Общественная безопасность применительно к межгосударственному объекту, определяемому указанным разделом, включает в себя достаточно широкий круг общественных отношений: здоровье населения в целом, экологическую безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, ком-

пьютерную (информационную, телекоммуникационную) безопасность. Мы не отрицаем, что при совершении преступлений террористического характера могут нарушаться все перечисленные отношения, но все же не склонны расширять содержание объекта изучаемых преступлений до пределов разд. IX УК РФ, поскольку это отрицательно скажется на обособлении группы преступлений террористического характера при построении классификации уголовно наказуемых посягательств на общественную безопасность.

Анализ современной уголовно-правовой литературы не позволяет точно определить в Особенной части УК РФ место и количество преступлений террористического характера: теория уголовного права не может дать ответ на вопрос о том, какие виды преступлений входят в данную группу³. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁴ также не вносит ясности в сложившуюся ситуацию.

Изначально правовая регламентация антитеррористической деятельности осуществлялась Федеральным законом от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терро-

ризмом»⁵, в соответствии со ст. 3 которого преступлениями террористического характера признавались только деяния, предусмотренные ст. 205–208, 277 и 360 УК РФ. Кроме того, согласно данному закону преступлением террористического характера могло считаться и любое иное преступление, если оно совершалось в террористических целях, к которым относятся:

- нарушение общественной безопасности;
- устрашение населения;
- оказание воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам;
- удовлетворение неправомерных имущественных и (или) иных интересов террористов.

Отдельно определялись террористические цели посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля и нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой. В первом случае террористическими целями признавались стремление к прекращению потерпевшим государственной или общественной деятельности, а также месть за указанную деятельность потерпевшего, во втором случае – провокация войны или осложнение международных отношений⁶.

Изложенное позволяет заключить, что законодатель изначально положил в основу признания преступления террористическим факультативный признак субъективной стороны – цель его совершения. Анализ перечисленных в законе террористических целей позволяет сделать вывод о том, что достаточно большое количество преступлений может формально подпадать под рассматриваемую категорию. Поэтому трудно признать удачной избранную законодателем основу для обособления группы преступлений террористического характера среди преступлений против общественной безопасности.

Официальное обозначение группы преступлений террористического характера было осуществлено с принятием федерального закона от 24.04.2002 г. № 103-ФЗ, который дополнил действующий УК РФ ст. 205.1 «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению»⁷. К преступлениям террористического характера в соответствии с диспозицией нормы-новеллы были отнесены уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ст. 205, 206, 208, 211, 277 и 360 УК РФ.

Итак, основа для выделения группы преступлений террористического характера была заложена федеральным законом «О борьбе с терроризмом», впоследствии утратившим силу в связи с принятием Федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который действует в настоящее время. В последнем не содержится оснований для признания преступления террористическим, а только перечисляются (ст. 3) возможные разновидности террористической деятельности:

- организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта;
- подстрекательство к террористическому акту;
- создание незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;
- информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость ее осуществления.

Таким образом, можно признать следующее: официального законодательного закрепления объекта (общественных отношений) террористического посягательства в настоящее время не существует. Нельзя исключать факт признания законодателем неудачного определения правового содержания преступлений террористического характера, которое было представлено в нормах федерального закона от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ, поскольку ныне действующий федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ не содержит подобных критериев, но и не предлагает альтернативного решения. В этой связи содержание группового объекта посягательств террористического характера должно устанавливаться на основании достижений уголовно-правовой науки.

Многие ученые обращают внимание на сложность определения объекта преступлений террористического характера, поскольку при их совершении реально нарушаются или ставятся под угрозу нарушения многие общественные отношения, охраняемые нормами уголовного законодательства: жизнь и здоровье граждан, иные личные неимущественные права граждан, права собственности

и иные вещные права, общественная безопасность, нормальное функционирование государственных органов власти и управления⁸. Таким образом, определение как группового, так и непосредственного объекта преступлений террористического характера вызывает объективные сложности, поскольку выделение из всех перечисленных одного общественного отношения, на которое осуществлялось бы террористическое посягательство, не представляется возможным.

В то же время современная теория уголовного права признает существование так называемых многообъектных составов преступлений. Деяния террористического характера можно отнести именно к данной разновидности составов⁹. Анализируя признаки состава преступления, предусмотренного, например, ст. 205 УК РФ, некоторые ученые выделяют в качестве непосредственного объекта общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, а в качестве дополнительного объекта – отношения по обеспечению безопасности жизни и здоровья личности, собственности, порядка нормального функционирования органов власти и международных организаций¹⁰.

Нам данное мнение представляется спорным. В первую очередь отметим, что содержание категории «общественная безопасность» как разновидности охраняемых уголовным законом общественных отношений неопределенно. Думается, что общественная безопасность не может не включать в себя такие составляющие, как жизнь и здоровье неопределенного круга лиц, их имущественные и личные неимущественные права, функционирование органов власти и управления. Совокупность указанных отношений, по нашему мнению, представляет собой содержание категории «общественная безопасность» в уголовно-правовом значении. Следовательно, прав был В.С. Комиссаров, утверждавший, что общественная безопасность применительно к преступлениям гл. 24 действующего уголовного закона является комплексным отношением, которое включает в себя различные (разнородные) общественные отношения, но в то же время не требует выделения дополнительных и (или) факультативных объектов посягательств террористического характера¹¹.

Небезынтересно мнение, что объект преступлений террористического характера представляют общественные отношения в области конституционного строя и безопасности государства. К примеру, отдельные авторы, сотрудники практических органов, утверждают, что терроризм в любом его проявлении наносит ущерб конституционному

строю. Подобное видение объекта рассматриваемого преступления частично поддерживается в современной уголовно-правовой литературе, поскольку террористический акт, будучи особым видом организованной преступности, подрывает и ослабляет систему государственной власти и представляет угрозу для безопасности государства¹². Исходя из этого, некоторые ученые пришли в выводу о целесообразности размещения норм о преступлениях террористического характера, в первую очередь о террористическом акте (ст. 205 УК РФ), в главах Особенной части УК РФ о преступлениях против конституционного строя¹³, против мира и безопасности человечества¹⁴, а равно в иных главах¹⁵.

Считаем необходимым отметить, что исследователи, высказывающие приведенные мнения, не отрицают отношения общественной безопасности как объект преступлений террористического характера. Данный вид отношений признается ими дополнительным, факультативным объектом или составной частью более крупного по содержанию объекта, например отношений по обеспечению охраны государственной безопасности или конституционного строя¹⁶.

Мы не склонны рассматривать преступления террористического характера вне системы норм гл. 24 УК РФ. Проанализировав различные высказанные в научной литературе мнения об объекте преступлений террористического характера, можно прийти к выводу о том, что отсутствие в науке единых подходов к определению места (главы) данных деяний обусловлено законодательной неопределенностью содержания общественных отношений, нарушающихся при совершении этих преступлений. Например, организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре в зависимости от тех или иных юридически значимых обстоятельств может быть квалифицировано по ст. 208 или 210 УК РФ и признано преступлением террористического характера (ст. 3 федерального закона от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ). Но если незаконное вооруженное формирование или преступное сообщество (преступная организация) создавалось без целей осуществления террористической деятельности, то отнесение деяния к группе преступлений террористического характера будет заведомо неправильным.

Поэтому при выделении группы преступлений террористического характера необходимо разграничивать собственно преступления террористического характера и иные преступления, совершение которых возможно по

террористическим мотивам. Данный подход, по нашему мнению, позволит разрешить большинство научных споров о месте многих преступлений террористического характера (раздел и глава Особенной части УК РФ), видах таких преступлений, составляющих самостоятельную группу в пределах гл. 24, содержании и определении преступлений террористического характера. Так, к преступлениям, не относящимся к террористическим, но совершаемым с террористической мотивацией, можно отнести достаточно большое количество деяний, предусмотренных как нормами гл. 24, так и нормами иных глав Особенной части: ст. 208, 210, 211, 277, 360 и др.

Собственно преступления террористического характера необходимо, как нам представляется, понимать в узком смысле, то есть, во-первых, общественную безопасность как

групповой объект преступления рассматривать в узком смысле, не подразумевая отношения по охране конституционного строя, безопасности государства, порядка управления и т.п., во-вторых, при уголовно-правовой характеристике группы преступлений террористического характера ограничиваться уголовно наказуемыми деяниями, предусмотренными отдельными нормами гл. 24 УК РФ. Расширенное толкование категории «преступления террористического характера» не позволяет провести качественное отграничение таковых от отдельных преступлений против конституционного строя, правосудия, порядка управления и против мира и безопасности человечества. Данный подход негативно сказывается на определении объекта рассматриваемых преступлений как основания их классификации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мусаелян М.Ф. Объект террористического акта // Военно-юридический журнал. 2009. № 11. С. 22, 23.

² См.: Гыскэ А.В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2001. С. 32 и далее.

³ См., напр.: Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб., 2006. С. 4, 5; Петрищев В.Е. Антитеррористическое законодательство за рубежом // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 230, 231.

⁴ См.: СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁵ См.: Там же. 1998. № 31. Ст. 3808.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Федеральный закон от 24.04.2002 г. № 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3020.

⁸ См.: Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2001. С. 275, 276; Луценко В.В., Моторный И.Д. Антибомбинг – гражданские технологии противодействия бомбовому терроризму. М., 2000. С. 14.

⁹ См.: Егоров В.С. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и общественно-го порядка. М., 2000. С. 7.

¹⁰ См.: Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 101, 102.

¹¹ См.: Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 12, 13; Курбанмагомедов А.А. Терроризм на Северном Кавказе (уголовно-правовой и криминологический анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 60, 61.

¹² См., напр.: Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 3, 4; Коломыц Д.М. Терроризм и структура этнической преступности // Терроризм в России и проблемы системного реагирования: Сб. науч. тр. / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 105.

¹³ См.: Мальцев В. Ответственность за терроризм // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 13.

¹⁴ См.: Долгова А.И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М., 2002. С. 8; Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002. С. 32.

¹⁵ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 193.

¹⁶ См.: Мальцев В. Ответственность за терроризм. С. 13.

¹ См.: Мусаелян М.Ф. Объект террористического акта // Военно-юридический журнал. 2009. № 11. С. 22, 23.

² См.: Гыскэ А.В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2001. С. 32 и далее.

³ См., напр.: Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб., 2006. С. 4, 5; Petrishhev V.E. Antiterroristicheskoe zakonodatel'stvo za rubezhom // Sovremennyy terrorizm: sostojanie i perspektivy. M., 2000. S. 230, 231.

⁴ См.: СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁵ См.: Там же. 1998. № 31. Ст. 3808.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Федеральный закон от 24.04.2002 г. № 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3020.

⁸ См.: Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 2001. С. 275, 276; Луценко В.В., Моторный И.Д. Антибомбинг – гражданские технологии противодействия бомбовому терроризму. М., 2000. С. 14.

⁹ См.: Егоров В.С. Уголовная ответственность за преступления против общественной безопасности и общественно-го порядка. М., 2000. С. 7.

¹⁰ См.: Дерюгина Ю.Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 101, 102.

¹¹ См.: Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 12, 13; Курбанмагомедов А.А. Терроризм на Северном Кавказе (уголовно-правовой и криминологический анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 60, 61.

¹² См., напр.: Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 3, 4; Коломыц Д.М. Терроризм и структура этнической преступности // Терроризм в России и проблемы системного реагирования: Сб. науч. тр. / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 105.

¹³ См.: Мальцев В. Ответственность за терроризм // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 13.

¹⁴ См.: Долгова А.И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М., 2002. С. 8; Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. М., 2002. С. 32.

¹⁵ См.: Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 193.

¹⁶ См.: Мальцев В. Ответственность за терроризм. С. 13.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права

В.Е. ЮЖАНИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы

В статье обосновывается необходимость более широкого использования в уголовно-исполнительном праве понятия «общественная опасность личности осужденного» и его отграничения от универсальной категории уголовного права «общественная опасность преступления». Потребность в реализации данного подхода автор связывает с вопросами активного внедрения и развития в уголовно-исполнительном законодательстве и практике его применения средств ресоциализации, расширения предмета уголовно-исполнительного права, совершенствования системы обеспечения безопасности в исправительном учреждении и другими важными аспектами исполнения уголовных наказаний.

Ключевые слова: общественная опасность; преступление; личность осужденного; уголовно-исполнительное право; средства ресоциализации.

Public danger convicted person as a category Penitentiary Law

V.YE. YUZHANIN – Professor of the Department of Penitentiary Law of the Academy of Law and Management of the Penal Service of Russia, Dcs. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School

The article substantiates the necessity of wider using the concept of “public danger of the convict personality” in penal law, its delimitation from the universal category of criminal law as a “social danger of a crime.” The author associates the use of the broad and independent category a “public danger of the convict personality” with the matters of implementation and development activities in the criminal - executive legislation and its practical application means resocialization extension subject to criminal - executive law, a separate examination and improvement of security in the prison and other important issues of execution of criminal penalties.

Key words: social danger of the crime; convicts; penal law; the means of resocialization.

В теории уголовного права под влиянием классической школы сформировалось представление о том, что объектом воздействия всей его системы является общественная опасность преступления. Идея эта нашла реальное воплощение в нормах уголовного закона: названная категория, по сути, служит основанием уголовной ответственности (ст. 8); определяет категории преступлений (ст. 15); служит одним из общих начал назначения наказания (ч. 3 ст. 60); является основным критерием раз-

деления исправительных колоний на виды (ст. 58); обуславливает определение сроков, по истечении которых осужденный может быть освобожден условно-досрочно (ст. 79) или по другим основаниям (ст. 80, 80-1 и др.).

Таким образом, следует сделать вывод, что общественная опасность преступлений выступает универсальной категорией уголовного права, которая служит основанием криминализации деяний, привлечения виновного к уголовной ответственности, категоризации преступлений, критерием

индивидуализации наказания, основанием освобождения от него и т.д.

Но главное, что мы хотим подчеркнуть, – это связь общественной опасности с поведением человека, которое ее порождает. Не поведение определяется человеком, а наоборот, человек определяется поведением. В науке уголовного права принято считать, что общественная опасность личности преступника определяется общественной опасностью преступления. В основе этого подхода лежит юридическая догма, характерная для классической школы уголовного права. В общественном деянии как бы заложен гарант недопущения его произвольного толкования.

Общественная опасность преступлений, а не личности осужденного также служит основой для определения многих норм и институтов уголовно-исполнительного права, например направления осужденного для отбывания наказания за пределы территории субъекта Российской Федерации (ч. 4 ст. 73 УИК РФ); установления во время отбывания наказания оперативного и профилактического контроля за поведением осужденного (инструкция о надзоре за осужденными), предоставления выезда осужденным за пределы исправительного учреждения (ч. 6 ст. 97 УИК РФ), передвижения без конвоя за пределами исправительного учреждения (ч. 2 ст. 96 УИК РФ) и др.

Особое внимание нам хотелось бы обратить на предупредительные меры (охрана, надзор, проведение обысков и пр.), которые применяются к осужденным в связи с тем, что они совершили преступления определенного характера и степени общественной опасности. Осужденные относятся к криминальному типу личности в связи с этими преступлениями, и предупредительные меры в отношении их как бы презюмируются независимо от проявлений личности в период отбывания наказания и направленности посткриминального поведения.

Очевидно, что действующая система криминального права ставит в зависимость причину (личность человека) от явления (поступок, преступление). Но ведь понятно, что должно быть все наоборот, если «находиться в добром согласии с такими науками, как логика, философия и психология»¹, которые исходным началом любого поведения считают конкретного человека (личность). На этом положении базируется основная концепция социологического направления в уголовном праве, которое отдает приоритет симптому общественной опасности пре-

ступника, а не преступлению, которое он совершил. Преступление рассматривается как показатель опасности лица, о которой свидетельствует множество иных факторов: связь с преступной средой, образ жизни, характер психики и т.д.

Идеи социологического направления проникли в законодательство зарубежных стран в большей мере, чем в российское. Так, например, в США, Англии, ФРГ и других странах получила законодательное развитие мысль о необходимости превентивного заключения для привычных преступников; приоритетным критерием определения видов режима исправительных учреждений является уровень опасности осужденных, выявляемый в результате подробного изучения их личностей в распределительных тюрьмах (диагностических центрах); в процессе отбывания наказания осужденные проходят перекаатегоризацию с учетом установленных критериев опасности личности и т.п.

Надо заметить, что уголовно-исполнительное право не всегда использует категорию «общественная опасность преступления» при формировании своих институтов и норм. Так, например, изменение вида режима исправительного учреждения в лучшую сторону допускается в отношении положительно характеризующихся осужденных (ч. 2 ст. 78 УИК РФ), а в худшую сторону – применительно к злостным нарушителям порядка отбывания наказания (ч. 4 ст. 78 УИК РФ), административный надзор также может быть установлен в отношении злостных нарушителей режима (ч. 2 ст. 173¹ УИК РФ). Причем во всех случаях осужденный оценивается не только на основе поведения, но и с учетом особенностей личности, проявившихся во время отбывания наказания.

Как нам представляется, явно обозначилось одно из перспективных направлений развития УИС. Личность осужденного – это, прежде всего, категория криминологии, педагогики и социологии. Именно с позиций данных наук он должен рассматриваться в разных аспектах. В этом плане уголовно-правовая и пенитенциарная характеристики личности ограничены, так как не предполагают исследования социально-психологических причин совершения преступления, связей осужденного, криминогенной микросреды обитания, условий адаптации после освобождения и т.д. Напомню, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. поставила задачи: осуществить раздельное

содержание осужденных с учетом не только тяжести совершенных преступлений, но и криминологической характеристики, криминального опыта, усвоения и распространения элементов поведения криминальной среды; создать нормальные социально-психологические условия для саморегуляции законопослушного поведения осужденных, способных к ресоциализации; изменить идеологию применения основных средств исправления осужденных с усилением роли психолого-педагогической и социальной работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе. Все это требует научного обоснования и последующего закрепления в уголовно-исполнительном законодательстве. Например, в концепции уже предложено на уровне уголовно-исполнительного законодательства признать социальную и психологическую работу средствами исправления.

Воздействие норм уголовного права на сферу исполнения наказания ограничено. Оно охватывает лишь сферы назначения наказания, действия самого наказания и постановки целей наказания. Общественная опасность преступления служит главным критерием справедливого назначения наказания. А вот как оно должно быть реализовано, относится уже к ведению уголовно-исполнительно права, которое имеет возможность в большей мере использовать категорию «общественная опасность личности осужденного». С позиций реализации норм уголовно-исполнительного права решающее значение приобретает не императивный метод, который исходит от уголовного права, а убеждение, стимулирование правопослушного поведения, создание благоприятных микросоциальных условий отбывания наказания, предупреждение правонарушений, подготовка к освобождению и социальной адаптации, диспозитивный метод и т.п. Все названные методы связаны с воздействием на личность осужденного.

Уголовно-исполнительное право как самостоятельная отрасль, выстраивая процесс исполнения наказания с опорой на личные качества осужденного, должно в большей мере быть связано с криминологией. Такая связь объясняется и ведущей направленностью наказания на предупреждение преступлений. С позиции криминологии процесс исправления преступника может рассматриваться в качестве процесса ресоциализации, который основан на понимании преступления как общественно опасного деяния, совершенного конкретной

личностью. Этот процесс осуществляется в отношении личности осужденного в криминологическом значении (исследование ее взаимосвязей со средой, субъективные и объективные причины поведения, условия адаптации в группах осужденных, после освобождения и пр.).

Такой подход позволяет по-другому взглянуть на многие аспекты исполнения наказания, пересмотреть уже устоявшиеся представления. Например, процесс исполнения наказания соединяется не с исправительным, а с некарательным воздействием, основу которого составляют не только средства исправления, но и средства предупреждения правонарушений, меры по оказанию помощи осужденным, например по восстановлению социально полезных связей, подготовке к освобождению, обеспечение надлежащих микросоциальных условий содержания и т.д. Классификация осужденных и их распределение по исправительным учреждениям могут быть осуществлены с учетом не только уголовно-правовых и уголовно-исполнительных критериев, но и криминологических, психолого-педагогических и пр. При решении вопроса о досрочном освобождении можно использовать такие критерии, как наличие постоянных связей с семьей и другим позитивно ориентированным окружением, условия для социальной адаптации и готовность к ней (желание учиться, трудоустроиться, связь с криминальной средой и пр.). Должно измениться и назначение труда осужденных как важнейшего средства социализации личности, приобретения социально полезных навыков и профессий, способствующих реинтеграции в обществе. Может стать реальностью решение вопроса об отбывании наказания каждым осужденным в максимально возможной близости к месту жительства семьи. Это повысило бы эффективность работы местных органов власти и самоуправления по организации управления процессом социальной адаптации освобожденных от наказания.

Все изложенное приводит нас к выводу, что нужно активнее внедрять в уголовно-исполнительное законодательство и практику деятельности исправительных учреждений средства ресоциализации, создающие реальные возможности для реинтеграции осужденных в общественную жизнь. Иначе говоря, пенитенциарные меры воздействия должны выходить за пределы уголовно-правовой юридической природы, определяемой общественной опасностью преступления, а ресоциализация

преступника в уголовно-исполнительном праве должна стать основным процессом, в котором бы объединились карательные, воспитательные, криминологические и социальные начала. На практическое и теоретическое значение ресоциализации, ее самостоятельную роль и комплексный характер указывают многие ученые². В этой связи должен быть расширен предмет уголовно-исполнительного права: в нем, например, должны быть предусмотрены блоки норм, направленных на управление социальной адаптацией освобожденных от наказания, а также регламентирующих прогрессивную систему отбывания наказания в соответствии с меняющейся характеристикой осужденного и пр.

Уголовно-исполнительное право как самостоятельная отрасль права должно иметь своими основными целями ресоциализацию осужденных и предупреждение новых преступлений. Оно уже отстает в своем развитии от существующих реалий и требований времени, замкнувшись на институтах и целях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами.

В связи с вышесказанным в отдельном рассмотрении нуждается система обеспечения безопасности в исправительном учреждении. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из направлений реформирования учреждений, исполняющих лишение свободы, называется создание с соблюдением стандартов Европейских пенитенциарных правил модели тюрьмы, отвечающей требованиям безопасности общества, персонала УИС и осужденных, отбывающих наказание. Для этого предусматривается прекращение коллективного содержания контингента в ИУ, «постоянного пребывания в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных». Основным способом решения имеющейся проблемы признается «раздельное содержание осужденных к лишению свободы, способных к ресоциализации с учетом тяжести и общественной опасности совершенных ими преступлений, сведений об их личности, поведения в местах лишения свободы, отношения к совершенному преступлению, с одной стороны, и осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, прочно усвоивших и распространяющих элементы поведения криминальной среды, с другой стороны». Все это предполагается реализо-

вать через: а) камерное содержание осужденных в тюрьмах различных видов режима; б) отделение друг от друга осужденных, способных к ресоциализации (с учетом тяжести преступления), и осужденных, усвоивших элементы поведения криминальной среды (совершивших особо тяжкие преступления).

Представляется, что в концепции заложена та же схема, что и в законодательстве: от тяжести преступления зависит, является осужденный опасным или нет. Тяжестью преступлений предопределяется и многоступенчатая система видов и подвидов режима тюрем. Согласно концепции в тюрьмы с более легкими видами режима должны попадать осужденные, совершившие преступления, не являющиеся тяжкими. Но в то же время ставится такая задача, как «осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного», тогда как сами виды режима тюрем устанавливаются только с учетом тяжести преступления, его общественной опасности. Противоречивость данной схемы очевидна.

В научной печати и интернете данные идеи, заложенные в концепции, неоднократно подвергались серьезной критике. При этом большое внимание уделялось и трудностям, связанным с их реализацией, в особенности финансового и организационного характера.

Для решения обозначенной проблемы следует обратиться к концепции общественной опасности личности осужденного, а не общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Общественная опасность преступления и личности преступника уже обнаружилась в совершенном деянии. Общественная опасность личности осужденного проявляется в другом: склонности к побегу, притеснениях других осужденных, передаче криминального опыта, нарушениях режима и т.д. Например, от каждого осужденного за кражу не следует ожидать совершения новой кражи в ИУ, или притеснения других осужденных, или побега. То же самое можно заметить и применительно к осужденным за убийство, мошенничество и т.д. Известно, что осужденные за убийство ведут себя в ИУ куда лучше, чем, например, осужденные за хулиганство, грабежи и разбои. Поэтому вид и тяжесть преступления отнюдь не являются наилучшими показателями общественной опасности осужденного.

При исполнении наказания личность осужденного должна подвергаться иссле-

дованию на предмет определения ее опасности для УИС. Лучше осуществлять это на первоначальном этапе отбывания наказания, который, по нашему мнению, длится с момента вступления приговора суда в законную силу и до окончания периода содержания осужденного в обычных условиях отбывания наказания в ИУ. При этом осужденный обязательно должен пройти через адаптационный отряд. Пребывание в адаптационном отряде и обычных условиях отбывания наказания должно быть связано с изучением специалистами личности осужденного, составлением программы ресоциализации, отнесением его к определенной классификационной группе. Затем должен следовать перевод одних осужденных в облегченные условия отбывания наказания, а других (отрицательно настроенных, опасных для УИС) в отдельные тюрьмы или единые помещения камерного типа. Подобное размещение в ИУ является исходным условием для саморегуляции поведения законопослушных осужденных и блокирования влияния на их среду криминальных авторитетов, отрицательно настроенных лиц.

Решение задачи обеспечения безопасности осужденных, персонала и иных граждан, поставленной в законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», должно достигаться не только за счет реализации права осужденных на личную безопасность путем перевода в безопасное место (ст. 13 УИК РФ), но и в целом за счет определения полноценной системы мер, которая бы обеспечивала безопасность всех лиц, находящихся в ИУ. Нельзя ставить безопасность ИУ в зависимость от того, обратится осужденный с заявлением, содержащим просьбу обеспечить его безопасность, или нет, проявит ли инициативу в этом начальник учреждения. Система безопасности должна быть отлажена так, чтобы по прибытии осужденного в ИУ после изучения он был отнесен к определенной классификационной группе по

критерию опасности личности. Для этого потребуются не только специалисты определенного профиля, которые бы исследовали осужденного в первоначальный период его пребывания в ИУ, но и налаженная система сбора, накопления, систематизации информации о личности правонарушителя и передачи ее от следователя и администрации СИЗО в ИУ.

Самое же главное заключается в том, что должны быть определены безопасные места для содержания осужденных, относящихся к предкриминальной категории. Для этого, на наш взгляд, и следует создавать учреждения по типу тюрем. Камерное содержание в них способно обеспечить надежную изоляцию осужденных (и по степени их опасности, и по видам режима колоний). Подобную функцию могли бы выполнять единые помещения камерного типа (ЕПКТ), которые уже сейчас предусмотрены УИК РФ. Тогда отпадет необходимость повсеместно строить тюрьмы, затрачивая на это огромные бюджетные средства.

В настоящее время ЕПКТ конкурируют с ПКТ. Разница между соответствующими мерами дисциплинарного взыскания заключается в сроках содержания: в ЕПКТ – до 1 года, в ПКТ – до 6 месяцев. Мы предлагаем сохранить перевод в ПКТ в качестве меры взыскания, а для перевода в ЕПКТ определить иное назначение – мера безопасности.

Таким образом, в тюрьмах (ЕПКТ) будут содержаться только осужденные, склонные к совершению преступлений, лица, притесняющие других осужденных, вынашивающие преступные идеи (так называемые авторитеты преступного мира), террористы и тому подобные категории лиц, и окончательное решение о переводе в эти учреждения будет приниматься судом. Все остальные осужденные станут отбывать наказание или в исправительных колониях, или в исправительных колониях-поселениях. Только так можно обеспечить раздельное содержание с учетом криминологической характеристики осужденного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16.

² См., напр.: Зубкова В.И. Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 22. С. 27.

¹ Gontar' I. Kategorija «obshhestvennaja opasnost'» v ugodovnom prave: ontologicheskij aspekt // Ugodovnoe pravo. 2007. № 1. S. 16.

² Sm., napr.: Zubkova V.I. Ispolnenie lishenija svobody v celjah resocializacii osuzhdennyh: problemy i perspektivy razvitiya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 22. S. 27.

Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы

И.В. ВЕТРОВА – начальник управления делами ФСИН России;

Б.А. СПАСЕННИКОВ – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

В статье рассмотрены особенности противодействия женской преступности и исполнения наказаний в отношении осужденных женщин. Обосновывается необходимость комплексного учета медико-психологических особенностей физиологии и патологии организма осужденных женщин, а также создания непрерывно действующей системы социальной реабилитации осужденных, призванных помочь женщине изменить социальный статус.

Ключевые слова: женщина; осужденный; преступность; уголовно-исполнительная система.

Problems of punishment execution of women, sentenced to imprisonment

I.V. VETROVA – Head of the Administration of the Federal Penal Service of Russia, Major-General of the Internal Service;

B.A. SPASENNIKOV – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor, Dsc. in Law

The article examines features of female crime and counter penitentiary for convicted women. It substantiates the necessity of integrating medical and psychological characteristics of physiology and pathology of women prisoners, as well as creating a continuously operating system of social rehabilitation of convicts, to help change a woman's social status.

Key words: woman; convicted; crime; the penitentiary system.

Гендерный подход к борьбе с преступностью, по нашему мнению, позволяет максимально индивидуализировать уголовное наказание и его исполнение, реализовать на практике принципы гуманизма и справедливости. Особую тревогу общества и государства вызывает женская преступность, которая способна оказывать определенное влияние на общую криминогенную обстановку, прежде всего на преступность несовершеннолетних. Поэтому возникает необходимость оптимизации направлений, форм, средств и методов борьбы с женской преступностью, исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы. Разграничение мужской и женской преступности отвечает современным требованиям развития общества и государства, является важным способом оптимизации последовательного снижения рецидивоопасности лиц, совершивших преступление.

При этом важнейшим условием является комплексный учет медико-психологических особенностей физиологии и патологии женского организма, своеобразия социальной роли и функций женщины. Осужденные женщины преобладают среди лиц, реализовавших аффективный умысел на фоне хронической психотравмирующей ситуации (пьянство мужа или сожителя, измена, ощущение бедности на фоне несправедливого обогащения окружающих, бытовое насилие в семье, нищета, тяжелое соматическое и нервно-психическое заболевание у детей, сексуальное насилие, бесплодие, сексуальная или финансовая зависимость, безработица и др.) путем причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Многие осужденные женщины ранее были жертвами физического или сексуального насилия, которое осталось безнаказанным. При этом большинство из них не обращались за помощью в правоохранительные органы.

Следует признать, что за последние два десятилетия положение женщины в нашем обществе весьма изменилось. Так, например, снизилась роль государства в охране женского здоровья, материнства и детства, ухудшилось качество жизни большинства женщин, проживающих в небольших городах, сельской местности: они утратили значительное число социальных благ. Подавляющая часть осужденных женского пола – представительницы рабочих специальностей и индивидуальные предприниматели, отбывающие наказание за преступления корыстной направленности в сфере экономики.

Несмотря на то что количество женщин в нашей стране превосходит количество мужчин, женская преступность в 4–7 раз ниже мужской (в 2013 г. выявлено 156 268 лиц женского пола, совершивших преступления, что составило 15,4% от общей численности установленных лиц). Существенно меньшими темпами среди женщин растет насильственная преступность. Женщин, осужденных за грабеж, разбой, вымогательство, многократно меньше, чем мужчин. Иным в сравнении с мужчинами является соотношение среди них корыстных и насильственных преступлений. Женщины реже совершают должностные преступления, что, вероятно, связано с меньшим представительством их на руководящих должностях¹. Жертвой «женского преступления» часто оказывается женщина.

Недостаточность участия государства в противодействии пьянству, алкоголизму и наркомании приводит к росту среди женщин преступлений, совершенных в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Одновременно с этим увеличивается количество женщин, осужденных за незаконный оборот наркотиков, совершение тяжких и особо тяжких преступлений, двух и более деяний.

Наказание осужденной женщины в виде лишения свободы в настоящее время по-прежнему является достаточно распространенным (в 2013 г. лишение свободы и условное лишение свободы составили 44,2% в структуре мер уголовно-правового характера, примененных к женщинам)². Лишение свободы, не будучи приоритетной мерой борьбы с женской преступностью, тем не менее остается необходимым средством уголовно-правового воздействия.

В связи с этим особое значение имеет деятельность учреждений ФСИН России, призванных исполнять уголовное наказание в

виде лишения свободы, обеспечивать надлежащее исправление осужденных женщин в ходе отбывания наказания, реадaptировать их к условиям жизни современного общества после освобождения.

По состоянию на 1 мая 2014 г. в исправительных учреждениях содержалось 55,4 тыс. женщин; их численность в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, составила 10,4 тыс. чел.³

Исправление осужденных женщин в процессе исполнения наказания – одна из важнейших задач, стоящих перед соответствующими учреждениями ФСИН России. Надлежащая организация режима отбывания наказания в исправительных колониях, воспитательно-исправительная работа, труд, профессионально-техническое обучение являются основными средствами исправления и ресоциализации женщин, осужденных к реальному отбыванию лишения свободы. Воспитательное воздействие на осужденных женщин должно иметь практическую направленность, предполагать обязательность участия осужденных в мероприятиях, быть дифференцированным, индивидуализированным и планируемым, обеспечивать оптимальное использование имеющихся средств, слаженность в работе всех служб.

Контингент отбывающих наказание в исправительных колониях в социальном и педагогическом плане составляют наиболее запущенные лица, общественно опасные преступницы. Многие женщины имеют криминальную специализацию, в силу чего становятся специфическим объектом активного психолого-педагогического воздействия. Большинство осужденных женщин на момент заключения под стражу не состояли в браке. Кроме того, в настоящее время наблюдается омоложение контингента.

Вместе с тем мотивация к правопослушному поведению и исправлению у осужденной женщины достаточно развита. Ей в меньшей степени присущи асоциальные установки; у нее отсутствуют устойчивые преступные убеждения; социально-психологическая адаптация хоть и нарушена, но не имеет глубоких дефектов, за исключением профессиональных преступниц, социально дезадаптированных лиц и лиц, имеющих различные психологические аномалии. Осужденные женщины чаще мужчин испытывают чувство вины за содеянное. Большинство женщин, содержащихся в исправительных учреждениях, характеризу-

ются администрацией положительно или нейтрально⁴.

Все это требует от администрации исправительного учреждения учета особенностей личности осужденной женщины при организации процесса исправления и ресоциализации.

На наш взгляд, определенное несоответствие положений уголовно-исполнительного законодательства и практики реализации прав и законных интересов осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, вызывает затруднения в процессе их исправления. Правовое положение женщин в местах лишения свободы нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе посредством соответствующих изменений норм уголовно-исполнительного законодательства. Активная научная разработка этой проблемы может способствовать оптимизации форм, средств и методов воздействия на осужденных женщин. В целях уменьшения действия причин, способствующих росту рецидива преступлений, необходимы:

- усиление реабилитирующей работы в отношении осужденных женщин, способных к исправлению, с особым акцентом на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение профессии или переквалификацию;

- оптимизация социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными женщинами на основе взаимодействия сотрудников всех служб исправительного учреждения;

- активизация сотрудничества со структурами гражданского общества, способными оказать позитивное гуманитарное воздействие на осужденных женщин.

Важным направлением данной работы является создание непрерывно действующей системы социальной реабилитации осужденных, призванной помочь женщине изменить социальный статус. В этих целях необходимо оптимизировать систему стимулов к законопослушному поведению, которая должна быть ориентирована прежде всего на личность осужденного, основываться на нормах Европейских пенитенциарных правил, формировать у осужденных женщин чувство ответственности и вырабатывать у них навыки, способствующие возвращению в семью, общество. Наряду с этим большое значение имеет целенаправленное воздействие на мотивационную сферу, формирование устойчивых социально одобряемых интересов личности⁵. Крите-

рием положительной оценки работы учреждений уголовно-исполнительной системы в данном направлении должно быть желание осужденной женщины порвать с уголовной субкультурой и отказаться от нахождения в неформальных криминальных сообществах.

Большое значение для предупреждения дезадаптации женщин имеет отбывание ими наказания по месту жительства до ареста в целях сохранения социально полезных связей. Такая возможность предусматривается ст. 73 УИК РФ. При отсутствии по месту жительства или месту осуждения исправительного учреждения соответствующего вида осужденные направляются в исправительные учреждения соседних субъектов Российской Федерации. Представляется целесообразным увеличить число субъектов Федерации, которые бы имели исправительные учреждения для женщин. Такая практика исполнения наказания, по нашему мнению, будет препятствовать полному отрыву осужденных от детей, семьи, привычного уклада жизни, климата. Регулярные контакты с родителями, детьми и другими близкими родственниками порождают и укрепляют у женщин чувство вины перед ними, помогают осознать ошибочность своего поведения, вызывают стремление изменить его. Кроме того, такая связь дает сведения о жизни на свободе, перспективах на будущее, снижает остроту изоляции, содействует подготовке к жизни на свободе.

На наш взгляд, большое значение в сфере исполнения наказания в исправительной колонии в отношении осужденных женщин имеет проблема создания домов ребенка. Сегодня при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 695 детей⁶. К сожалению, число исправительных колоний с функционирующими при них детскими учреждениями предельно мало, в связи с чем женщины, имеющие детей, направляются для отбывания наказания за тысячи километров от постоянного места жительства. Данное обстоятельство играет негативную роль, ослабляя семейные и социальные связи осужденной, осложняя процесс ресоциализации. Для решения указанной проблемы целесообразно создание небольших детских учреждений при каждой женской исправительной колонии.

Организация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин связана с обеспечением необходимых материально-бытовых условий. Социальное и воспитательное значение этого фактора, на наш взгляд, достаточно

велико. Представляется, что согласно уголовно-исполнительному законодательству материально-бытовое и медико-санитарное содержание осужденных женщин существенно не отличается от содержания мужчин, также отбывающих наказание в колониях общего режима. По нашему мнению, это не соответствует требованиям дифференциации условий отбывания наказания в силу физиологических и психологических особенностей женщины. Крайне неблагоприятно сказывается на осужденных перенаселенность жилых помещений колонии. Таким образом, требует регламентации и корректировки обеспечение осужденным женщинам необходимых санитарно-гигиенических условий. Исправительная колония для женщин должна представлять собой учреждение, отражающее отношение общества и государства к женщине, соответствовать уровню развития социума. Этого требуют и международные нормы в области методов обращения с осужденными.

Мы полагаем, что в целях совершенствования организационных основ деятельности исправительных учреждений для женщин надо признать необходимость выделения норм, регулирующих особенности отбы-

вания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами, в отдельную главу УИК РФ.

Нельзя не отметить, что условия пребывания в изоляции, к сожалению, оказывают очень сильное влияние на женскую психику, заставляют глубоко и тяжело переживать происходящее. Некоторые практические работники уголовно-исполнительной системы отмечают низкую эффективность кратких сроков лишения свободы. Вместе с тем существует другая точка зрения относительно этого. По нашему мнению, в интересах повышения эффективности ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы, необходимо расширить практику назначения кратких сроков наказания.

Реформирование российской уголовно-исполнительной системы направлено на последовательную гуманизацию исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. Учет социально-психологических и личностных особенностей данного контингента позволит повысить эффективность воспитательного воздействия, успешно решить многие проблемы организации процесса исправления и ресоциализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Состояние преступности январь–декабрь 2013 г. <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>; Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

² См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 год.

³ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

⁴ См.: Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам исследований 2009–2010 гг.). М., 2011. С. 2–10.

⁵ См.: Голодов П.В. Проблемы применения системы «социального лифта» в условиях исправительного учреждения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 18. С. 26–33.

⁶ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы.

¹ Sm.: Sostojanie prestupnosti janvar'-dekabr' 2013 g. <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>; Svodnye statisticheskie svedenija o sostojanii sudimosti v Rossii za 2013 god. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>; Harakteristika lic, sodержashhihsja v ispravitel'nyh kolonijah dlja vzroslyh. <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

² Sm.: Svodnye statisticheskie svedenija o sostojanii sudimosti v Rossii za 2013 god.

³ Sm.: Kratkaja harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

⁴ Sm.: Harakteristika zhenshin, osuzhdennyh k lisheniju svobody (po materialam issledovaniy 2009–2010 gg.). M., 2011. S. 2–10.

⁵ Sm.: Golodov P.V. Problemy primeneniya sistemy «social'nogo lifta» v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija dlja lic, sovershivshih prestuplenija v nesovershennoletnem vozraste // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 18. S. 26–33.

⁶ Sm.: Kratkaja harakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy.

Совершенствуя уголовно-исполнительное законодательство России...

А.Н. АНТИПОВ – заместитель начальника НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Н.М. ГОЛИК – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук;

О.В. КУДРЯШОВ – начальник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук;

В.Б. ПЕРВОЗВАНСКИЙ – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В данной статье рассматриваются вопросы совершенствования уголовно-исполнительного законодательства России. Авторы проводят сравнительный анализ ряда положений Европейских тюремных правил и российского законодательства; основываясь на постановлениях Европейского суда по правам человека и правоприменительной практике, вносят предложения по устранению существующих необоснованных лимитов и запретов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство; лимит; запрет; права; ЕСПЧ; пенитенциарные правила.

Improving penal legislation of Russia..

A.N. ANTIPOV – Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

N.M. GOLIK – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

O.V. KUDRYASHOV – Head of the Department of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

V.B. PERVOZVANSKY – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

In this article the authors consider the questions of improvement of criminal-executive legislation of Russia. Conduct a comparative analysis of a number of provisions of the European prison rules and Russian legislation. Based on the rulings of the European court of human rights and law enforcement practices, the authors make proposals on the elimination of existing unreasonable limits and prohibitions.

Key words: criminal law enforcement; limit; interdiction; law; ECHR; prison rules.

Закрепление в Европейских тюремных правилах 2006 г. (ЕТП)¹ принципа применения наказания в виде лишения свободы в качестве крайней меры способствует снижению числа заключенных (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных), содержащихся в «закрытых учреждениях тюремного типа», что позволяет «последовательно реализовывать нужды и чаяния тюремных администраций, заключенных и сотрудников тюремных учреждений по обеспечению позитивного, реалистического и современного подхода к вопросам управления и обращения с заключенными»².

В данном контексте особое значение приобретает рассмотрение вопроса имплементации отдельных правил в российское законодательство и, соответственно, устранения из уголовно-исполнительного законодательства России ряда необоснованных ограничений прав и свобод в отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и содержащихся в следственных изоляторах.

Сравним некоторые положения ЕТП и уголовно-исполнительного законодательства России и на основе проведенного анализа постараемся сформулировать предложения

о необходимости или нецелесообразности внесения в УИК РФ изменений и дополнений. В качестве исследуемых положений выступают: информирование осужденных, особенности содержания отдельных категорий осужденных и подследственных (например, несовершеннолетних), их медицинское обслуживание, вопросы обеспечения конфиденциальности.

Гарантии информирования, закрепленные в положении 30.1 ЕТП, обязывают персонал предоставлять каждому осужденному (подозреваемому, обвиняемому) «письменную информацию, касающуюся правил обращения с заключенными его категории, дисциплинарных требований данного учреждения, а также дозволенных способов получения информации и подачи жалоб, равно как и всех других вопросов, позволяющих ему дать отчет в его правах и обязанностях и приспособиться к условиям жизни в данном заведении».

При этом ст. 12 УИК РФ лишь в общем регламентирует обязанности администрации по предоставлению осужденным сведений такого рода. Подробнее порядок информирования раскрывается в подзаконных актах. Например, в п. 7 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений определено: «Во время нахождения в карантинном помещении осужденные знакомятся с порядком и условиями отбывания наказания, со своими правами и обязанностями, установленными законодательством Российской Федерации и настоящими Правилами, проходят вводный инструктаж о мерах пожарной безопасности, предупреждаются об ответственности за нарушения установленного порядка отбывания наказания в исправительном учреждении. Они информируются о предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях применения физической силы, специальных средств и оружия, а также под расписку уведомляются о применении в исправительном учреждении аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля»³.

Несложно заметить, что ЕТП закрепляют письменную форму информирования, доступность и лаконичность, а также обязательства по представлению, которые не могут быть восполнены в порядке простого инструктирования, предусмотренного УИК РФ.

Значимой составляющей процесса информирования является то, что оно должно осуществляться на родном или понятном для осужденного языке.

Правило 38.3 ЕТП устанавливает требование о предоставлении при необходимости осужденным гражданам иностранных государств квалифицированных переводчиков и печатной информации на родном языке.

Согласно статистическим данным в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации отбывают наказания около 27 тыс. иностранных граждан. За последние три года их количество практически не изменилось. Около половины составляют выходцы из стран Средней Азии: Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии. Есть также граждане Украины, Белоруссии, Азербайджана, Молдавии, Грузии, стран Балтии. Среднесписочная численность осужденных из дальнего зарубежья (Китай, Нигерии, Афганистана, Вьетнама, Камеруна, Монголии – всего более 40 стран) не превышает 350 чел. Многие из этих осужденных не знают русского языка и нуждаются в получении указанных услуг⁴.

Однако на законодательном уровне гарантии информирования осужденного на понятном ему языке и тем более возможность прибегнуть к услугам переводчика не закреплены. Данный подход представляется оправданным как законодателю, так и правоприменителю: законодатель не принимает соответствующую норму в целях недопущения возможного увеличения обращений со стороны осужденных с заявлениями о несоблюдении их прав; правоприменитель не настаивает на закреплении в силу отсутствия в большинстве ИУ работников, владеющих иностранными языками. Необходимо также обратить внимание, что обозначенная проблема оказывается несколько глубже, так как работники, владеющие тем или иным иностранным языком, стараются не обнаруживать данный факт, ввиду того что кроме дополнительной нагрузки это ничего за собой не влечет.

В связи с этим возникает немало проблем, нередко приводящих к необоснованным ограничениям прав осужденных на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания наказания, закрепленных в ч. 1 ст. 12 УИК РФ. Частично эти вопросы решаются на межгосударственном уровне путем экстрадиции определенной части осужденных, частично – посредством установления определенных преференций сотрудникам исправительных учреждений и следственных изоляторов, обладающим знанием иностранных языков.

Схожие проблемы характерны и для Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний⁵.

Необходимо отметить, что Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы⁶ значительно отличаются в положительную сторону от положений, касающихся внутреннего распорядка исправительных учреждений и воспитательных колоний. Пункт 13 этих правил в полной мере соответствует рекомендуемым международным сообществом стандартам.

Устранение отмеченных пробелов возможно путем дополнения п. 7 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и пп. 1 п. 17 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний абзацем следующего содержания: «Администрация исправительного учреждения обязана предоставлять осужденным письменную или устную информацию на понятном им языке о правилах внутреннего распорядка, своих правах и обязанностях».

В ст. 10 УИК РФ следует ввести ч. 3.1 следующего содержания: «3.1. Осужденные иностранные граждане и лица без гражданства обеспечиваются квалифицированными переводчиками и печатной информацией на родном языке о правилах внутреннего распорядка, своих правах и обязанностях».

Вопрос привлечения квалифицированных переводчиков, как было отмечено выше, можно решить силами работников учреждений уголовно-исполнительной системы через установление адекватной доплаты или посредством дополнительного финансирования.

Рассматривая особенности содержания отдельных категорий осужденных и подследственных, остановимся подробнее на несовершеннолетних. Согласно правилу 35.1 ЕТП несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, которые содержатся в СИЗО, должен быть гарантирован доступ ко всем общественным, образовательным и психологическим программам и услугам, к которым имеют доступ их сверстники на воле. В уголовно-исполнительном законодательстве России обнаруживается необоснованное ограничение данного права (законного интереса) несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, которые имеют доступ к весьма ограниченному перечню действующих общественных, образовательных и психологических программ. В лучшем случае такие подростки имеют возможность стать участниками общения с пси-

хологом СИЗО. На первоначальной стадии становления находится реализация доступа к дистанционному обучению несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, то же можно сказать и об их участии в общественных программах.

На основании изложенного представляется целесообразным дополнить ст. 31 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁷ частью 6 следующего содержания: «Администрация следственного изолятора обеспечивает несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым с учетом имеющихся возможностей доступ к общественным, образовательным и психологическим программам, направленным на развитие личности, получение образования, психологической помощи, к которым имеют доступ сверстники за пределами следственного изолятора».

В качестве иллюстрации к существованию проблем медицинского обеспечения остановимся на правиле 43.2 ЕТП, которым определены строгий порядок обязательного документирования и сообщения врачами о любом телесном повреждении осужденного, а также осуществление ежедневного осмотра осужденных, находящихся в одиночных камерах. Ежедневный осмотр осужденных, находящихся в одиночных камерах, обусловлен целями превенции возможных негативных последствий, своевременной фиксации происшествий. Подтверждением актуальности этого служат постановление Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 10.01.2012 г. по делу «Ананьев и другие заявители против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08)⁸ и постановление ЕСПЧ от 05.02.2013 г. по делу «Гуренко против России» (жалоба № 41828/10)⁹, где зафиксировано, что в связи с неоказанием заявителю эффективной медицинской помощи во время содержания его под стражей было допущено нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰.

В связи с этим предлагается дополнить ст. 101 УИК РФ частью 4.1 (или ст. 118 УИК РФ частью 1.1) следующего содержания: «Осужденных, находящихся в условиях одиночного содержания, ежедневно посещает врач или другой медицинский работник и по их просьбе или просьбе сотрудников исправительного учреждения оказывает им неотложную медицинскую помощь».

Надо полагать, что аналогичные дополнения целесообразно внести и в другие

нормативные правовые акты, среди которых следует назвать Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Правило 40.3 ЕТП в значительной мере дублирует прежние нормы, касающиеся медицинского обеспечения осужденных (подозреваемых, обвиняемых), выделяя при этом принцип равного доступа ко всем медицинским услугам. Но есть в этой сфере и новации: так, правило 15.1f гарантирует конфиденциальность информации о здоровье заключенного, правило 42.3g закрепляет недопустимость изолированного содержания осужденных, подозреваемых или обвиняемых по причине наличия ВИЧ-инфекции.

Большое внимание в ЕТП уделено вопросам обеспечения конфиденциальности в отношении медицинского обеспечения осужденных, реализации их прав при переписке по юридическим вопросам (правило 23.4), исполнения религиозных обрядов (правило 29.2). Следует отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве России этим проблемам уделяется мало внимания. Предлагается дополнить ч. 4 ст. 10 УИК РФ абзацем следующего содержания: «При исполнении наказания осужденным гарантируется соблюдение конфиденциальности при решении вопросов медицинского обеспечения, переписки по юридическим вопросам, а также при отправлении религиозных обрядов, если это не противоречит соблюдению установленных режимных требований и не влияет на обеспечение порядка и безопасности».

Относительно недопустимости изолированного содержания осужденных, подозреваемых или обвиняемых по причине наличия ВИЧ-инфекции следует заметить, что правоприменительная практика России столкнулась в этой сфере с трудноразрешимыми проблемами, обусловленными открытым сопротивлением других осужденных (подозреваемых, обвиняемых), приводящим к конфликтам и иным эксцессам. Данные трудности, на наш взгляд, преодолеть одним лишь законодательным предписанием практически невозможно. Подтверждением этому может служить проведенный опрос, представителей самых различных слоев населения (домохозяек, интеллигенции,

рабочих, бизнесменов, сотрудников УИС, осужденных, подозреваемых, обвиняемых и т.д.), которые в своем подавляющем большинстве (свыше 85%) ни при каких обстоятельствах не хотели бы находиться рядом с ВИЧ-инфицированными людьми¹¹. Осужденным же предписывается с ними вместе работать, учиться, спать рядом с ними, общаться и т.п. Очевидно, что, с одной стороны, здесь имеет место фактическое необоснованное нарушение принципа равенства в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных, которое будет продолжаться до тех пор, пока уровень право- и самосознания других осужденных (подозреваемых, обвиняемых) и персонала не будет поднят до уровня право- и самосознания отечественного и европейского законодателя. С другой стороны, на наш взгляд, следует говорить и о необоснованном ограничении права неинфицированных осужденных на охрану их психического здоровья, ведь они в силу сложившихся обстоятельств вынуждены жить и трудиться вместе с ВИЧ-инфицированными.

Постановление ЕСПЧ от 02.06.2005 г. «Новоселов против России» (жалоба № 66460/01)¹² содержит информацию, касающуюся положения дел с соблюдением прав человека в СИЗО Краснодарского края, в частности о том, что условия содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО г. Новороссийска способствуют распространению заболеваний, в том числе СПИДа.

В некоторых случаях излишняя пристрастность и стереотипы приводят к принятию дискриминационных правил в отношении отдельных категорий осужденных (подозреваемых, обвиняемых). Так, в ст. 80 УИК РФ предусмотрено раздельное и отдельное от здоровых осужденных содержание больных разными инфекционными заболеваниями. В УИК РФ, на наш взгляд, введены необоснованные ограничения для ВИЧ-инфицированных, запрещающие передвижение без конвоя или сопровождения (ч. 2 ст. 96) и выезд за пределы учреждений (ч. 3 ст. 97), что вызвано прежде всего предубеждениями в отношении этих лиц.

На основании изложенного предлагается исключить:

- из ч. 2 ст. 96 УИК РФ слова «ВИЧ-инфицированных осужденных»;
- ч. 3 ст. 97 УИК РФ слова «ВИЧ-инфицированным осужденным».

В заключение подчеркнем, что круг проблем, связанных с наличием в российском законодательстве необоснованных лимитов и запретов, касающихся осужденных (подо-

зреваемых, обвиняемых), не ограничивается рассмотренными.

Необходимо отметить, что приведение уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с ЕТП посредством устранения установленных необоснованных правовых ограничений будет способст-

вовать снижению затрат России по выплатам за допущенные нарушения по постановлениям ЕСПЧ, решению поставленных задач по гуманизации условий содержания осужденных (подозреваемых, обвиняемых), в целом совершенствованию деятельности пенитенциарной системы России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: https://www.prison.org/law/eur_pr.shtml

² Кашуба Ю.В. и др. Российское уголовно-исполнительное право: В 2 т.: Учеб. М., 2010. Т. 1: Общая часть. С. 288–289.

³ Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (утв. Приказом Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 (ред. от 12.02.2009 г.)) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. 21 нояб.

⁴ См.: Интервью с начальником управления исполнения приговоров и специального учета ФСИН России С.А. Есиповым. <http://beta.rian.ru/interview/20130304/925376615.html>

⁵ См.: Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы (утв. Приказом Минюста России от 06.10.2006 г. № 311 (ред. от 23.08.2012 г.)) // Российская газета. 2006. 18 окт.

⁶ См.: Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утв. Приказом Минюста России от 14.10.2005 г. № 189 (ред. от 27.12.2010 г.)) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759; 1998. № 30. Ст. 3613; 2001. № 11. Ст. 1002; 2003. № 50. Ст. 4857; 2004. № 27. Ст. 2711.

⁷ См.: Там же. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁸ См.: Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 8.

⁹ См.: Там же. 2013. № 3.

¹⁰ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹¹ См.: Зайцева И.В. Правовые и организационные основы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. <http://nadezhda74.ru/aids/pravo.php?id=4>

¹² См.: Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005. № 11.

¹ См.: https://www.prison.org/law/eur_pr.shtml

² Kashuba Ju.V. i dr. Rossijskoe ugovolno-ispolnitel'noe pravo: V 2 t.: Ucheb. M., 2010. T. 1: Obshhaja chast'. S. 288–289.

³ Pravila vnutrennego raspordjodka ispravitel'nyh uchrezhdenij (utv. Prikazom Minjusta Rossii ot 03.11.2005 g. № 205 (red. ot 12.02.2009 g.)) // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2005. 21 nojab.

⁴ См.: Interv'ju s nachal'nikom upravljenija ispolnenija prigovorov i special'nogo ucheta FSIN Rossii S.A. Esi povym. <http://beta.rian.ru/interview/20130304/925376615.html>

⁵ См.: Pravila vnutrennego raspordjodka vospitatel'nyh kolonij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy (utv. Prikazom Minjusta Rossii ot 06.10.2006 g. № 311 (red. ot 23.08.2012 g.)) // Rossijskaja gazeta. 2006. 18 okt.

⁶ См.: Pravila vnutrennego raspordjodka sledstvennyh izoljatorov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy (utv. Prikazom Minjusta Rossii ot 14.10.2005 g. № 189 (red. ot 27.12.2010 g.)) // SZ RF. 1995. № 29. St. 2759; 1998. № 30. St. 3613; 2001. № 11. St. 1002; 2003. № 50. St. 4857; 2004. № 27. St. 2711.

⁷ См.: Там же. 1995. № 29. Ст. 2759.

⁸ См.: Bjulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. 2012. № 8.

⁹ См.: Там же. 2013. № 3.

¹⁰ См.: Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 04.11.1950 g. // SZ RF. 2001. № 2. St. 163.

¹¹ См.: Zajceva I.V. Pravovye i organizacionnye osnovy ispolnenija nakazanija v vide lishenija svobody v otnoshenii VICH-inficirovannyh osuzhdennyh: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. <http://nadezhda74.ru/aids/pravo.php?id=4>

¹² См.: Bjulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. 2005. № 11.

Теоретико-правовые проблемы реализации свободы вероисповедания осужденными к лишению свободы

А.М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В статье рассмотрен предмет одного из неоднозначных институтов, практика правоприменения которого лишь отчасти регулируется законодательными актами. Представлен анализ правового института свободы вероисповедания, его элементов. Впервые раскрывается структура предмета общественных отношений в сфере реализации свободы совести и свободы вероисповедания отличная от религиозного аспекта.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; информация; осужденные.

Theoretical and legal realization problems of religion freedom of convicted to imprisonment

A.M. RUDAKOV – Researcher of the Research Laboratory of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article examines the subject of a controversial institution, the practice of which enforcement is only partially regulated by legislation. The analysis of the legal institution of freedom of conscience and freedom of religion, its elements are represented. For the first time is revealed the structure of the object of public relations in the sphere of realization of the freedom of conscience and freedom of religion different from the religious aspect.

Key words: freedom of conscience; freedom of religion; the information is convicted.

Реализация свободы совести и свободы вероисповедания осужденными регламентирована Конституцией Российской Федерации (ст. 28)¹, Федеральным законом от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»)², а также ст. 14 УИК РФ³, которая непосредственно регулирует общественные отношения в означенной сфере.

Исходя из научных комментариев ст. 14 УИК РФ призвана обеспечить реализацию так называемых духовных потребностей⁴ осужденных, организацию духовного воспитания⁵ и развития⁶, соблюдение прав личности в сфере духовного самоопределения⁷, при этом содержание духовности в тексте не раскрывается. По нашему убеждению, нераскрытый термин не может использоваться в полной мере, в том числе по причине возможности его субъективного толкования.

Нельзя не согласиться с С.К. Бондыревой⁸, которая усматривает существование четырех базисных (первичных) потребностей человека: в веществе, информации, безопасности, продолжении рода. Вторич-

ные потребности формируются путем проекции базисных на объекты, процессы, явления окружающего мира. Особой является потребность в информации, так как получение и усвоение новой информации важно при удовлетворении базисных потребностей. Мерой владения индивидом информацией, поступающей из собственного внутреннего мира, а также содержательным элементом этого мира, по мнению С.К. Бондыревой, как раз и является духовность⁹. Тогда возникает вопрос о том, что является предметом вероисповедания, который способствует формированию духовности субъекта при реализации рассматриваемого правового института.

Предмет регулирования, указанный в ст. 14 УИК РФ, базируется на нормах ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», взятых применительно к осужденным, и также определен частично, а именно касательно лишь организации деятельности религиозных объединений. Вместе с тем правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу вероисповедания не совпадают с деятельностью религиозных объединений: право исповедовать религию

присоединено к реализации свободы вероисповедания конструкцией «в том числе»¹⁰.

Обычно свободу вероисповедания рассматривают совместно со свободой совести как единый правовой институт и понимают под ним право исповедовать какое-либо религиозное учение или быть атеистом. В противовес такой трактовке необходимо указать, что в правоприменительной деятельности сложно определить, какие действия являются религиозными обрядами, какое обучение следует считать религиозным. Из закона следует, что религиозными являются действия представителей религиозной организации, но если некая группа не зарегистрировалась в качестве таковой и не употребляет термина «религия» применительно к себе, то ее деятельность будет рассматриваться как светская, даже культурная в случае исповедания определенных культов, в том числе и деструктивных. Стоит только какой-либо группе заявить, что у нее не религиозное вероучение, а, например, духовное знание, как ее уже нельзя будет считать религиозной и ее деятельность не будет подлежать регулированию. Суть проблемы состоит в том, что многие религиозные организации деструктивного характера избегают регистрации для того, чтобы иметь возможность сотрудничать с образовательными структурами¹¹. В настоящее время в соответствии со ст. 28 Конституции Российской Федерации и ст. 7 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в нашей стране в статусе религиозных групп действуют более 2000 объединений только религиозного типа¹². Многие из них трансформируются в общественные (некоммерческие, правозащитные и т.п.) организации. Вместе с этим сложилось множество молодежных субкультур, которые нередко перерастают в контркультуры. Такого рода объединения создаются с определенной целью или целями, которые нередко замалчиваются либо скрыты посредством создания футурологических иллюзий, мифов¹³, искажения фактов, их субъективной оценки¹⁴. Получается, обыденное толкование нормы¹⁵ умаляет ее смысл, ввиду этого имеет место ущемление права человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания либо злоупотребление данным правом.

Взяв за основу п. 3 ст. 2 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», осуществим расширительное толкование смысла статьи двумя способами: филологическим и словесным.

В целях определения предмета вероисповедания рассмотрим компоненты последнего.

Само слово «вероисповедание» происходит от двух слов: «вера» и «исповедание»¹⁶ – это признание в вере кому-либо или чему-либо, какой-либо информации, какому-либо человеку. Вера – компонент доверия, являющийся нерациональным убеждением, не нуждающимся в опытной проверке. Структура доверия содержит в себе также рациональную составляющую, предполагающую расчет на объективную информацию, и обеспечивает возможность контроля ситуации, снижения неопределенности и уязвимости в отношениях. Двухкомпонентная структура доверия обеспечивает выполнение главной функции – приближения к субъекту правоотношений без опасения стать жертвой обмана¹⁷. Развитие рациональной компоненты доверия призван обеспечить федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Таким образом, вера как готовность человека принимать (исповедовать) без критического анализа информацию, воздействие от другого человека является наиболее уязвимой компонентой в межличностных отношениях¹⁸. Именно эта часть психической деятельности человека находится под защитой ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Таким образом, мы перешли к следующему компоненту предмета вероисповедания – информации. Информация – результат отражения одного объекта в другом, используемый для принятия решений, их реализации¹⁹ и в конечном счете для формирования управляющих воздействий²⁰. Информация является основным материалом мышления и лежит в основе всякой умственной деятельности. Вместе с тем содержательная и ценностная сторона информации позволила объединить понятия «знание», «смысл» и «информация» в новое единое фундаментальное понятие «информационный ресурс»²¹.

Вопрос о степени веры потребителя такого рода информации (субъекта восприятия) субъектам, предлагающим информацию (субъектам воздействия, влияния), встает ввиду того, что в настоящее время имеется большое количество информации, оформляемой в идеи, концепции, учения, в том числе и религиозные, доктрины и иные идеологические формы²². Этому способствует п. 1 ст. 13 Конституции Российской Федерации. В.С. Малицкий справедливо универсализировал это многообразие в рамках единого

понятия «идеология», а различные формы систематизированной информации представил как типы идеологий. Так, религия, или теистический тип идеологии, отличается тем, что основным ее критерием является вера в существование сверхъестественного существа – Бога²³. По меткому выражению С.Г. Кара-Мурзы, «идеология – это замена религии для современного гражданского общества»²⁴. Иными словами, идеология, как и иные учения, концепции, есть способ систематической организации информации, направляющей и ориентирующей человека в его жизнедеятельности, предполагающей формирование чувств у субъекта восприятия или воздействие на них²⁵.

Вместе с тем в культурной среде осуществляется направленное и ориентирующее воздействие на чувственно-эмоциональную сферу посредством интеграции на базе социальных групп, в том числе интернет-сообществ, а также на отдельные категории населения оказывается влияние, обеспечивающее функционирование механизмов интеграции²⁶. Наравне с исторически определенным уровнем развития культуры общества (ранее сформированным на основе господствующих идеологий) могут создаваться и функционировать иные передающие среды – субкультуры²⁷ и контркультуры – как системы норм и ценностей, которые отличают социальные группы от большинства, от господствующей культуры или же являются враждебными этой культуре (контркультура)²⁸.

Основой выбора предмета вероисповедания у потенциального субъекта восприятия, таким образом, являются его отношение к идее (положительное – отрицательное), предложенной субъектом влияния, ее актуальность для него (принимаю – не принимаю). Актуальность выбора определяется отношением субъекта правоиспользования к своему месту и роли в мире, своим интересам, целям. При выборе предмета вероисповедания у субъекта восприятия формируется соответствующее предмету отношение к себе как члену общества, отдельным категориям людей и обществу в целом, его прошлому (истории) и будущему, к формам организации общественных отношений и духовным и материальным объектам, также подлежащим оценке²⁹.

Таким образом, предметом вероисповедания мы называем информационный ресурс, содержащий фундаментальную (обуславливающую возможность его выбора) и рабочую (обуславливающую возможность

его восприятия) идеи, являющиеся продуктами интеллектуального творчества как самих субъектов влияния, так и иных лиц, реализуемый в обществе субъектами влияния в соответствии со следующими целями: формирование специфических убеждений, типов мышления и в результате мировоззрения у субъектов восприятия; способствование выработке у субъектов восприятия определенных алгоритмов поведения, необходимых для субъектов влияния.

В целях же полного и всестороннего обеспечения реализации свободы вероисповедания потенциальными субъектами восприятия необходимы глубокий анализ при определении субъекта влияния, в частности источника средств финансирования деятельности последнего, выявление истинных намерений субъекта влияния (политические аспекты).

Следует заметить, что в исправительных учреждениях работа по отбору информации³⁰ осуществляется сотрудниками следующим образом: организация воспитательных (индивидуальных, групповых, культурно-массовых) мероприятий в заданном законодательством информационном направлении; формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития; повышение их образовательного и культурного уровня (п. 1 ст. 109 УИК РФ). В результате у осужденных, особенно несовершеннолетних, чей уровень восприятия в отличие от взрослых еще достаточно динамичен, складываются новые убеждения, способные вытеснить прежние, сделавшие возможным совершение преступления. Тем не менее по истечении срока отбытия наказания в виде лишения свободы они снова возвращаются в прежнюю среду, способствующую дальнейшей криминализации личности³¹. В силу того, что процесс социализации может быть не завершен и с большой вероятностью он проходил до осуждения и будет происходить после (ресоциализация) в условиях, отнюдь не способствующих усвоению адекватных ценностей и моделей поведения, в ситуации неконтролируемого информационного потока как со стороны окружающей социальной среды, так и из иных источников освободившийся в силу необходимости приспособления может вновь быть переориентирован в деструктивном направлении.

Таким образом, предмет вероисповедания, реализуемый в рассмотренном аспекте, позволяет расширить круг мероприя-

тий по формированию социально полезных убеждений у осужденных посредством подбора соответствующих информационных ресурсов: политического, идеологического и исторического. И самое главное, что касается несовершеннолетних осужденных: можно определить критерий подлинного взросления человека, которое наступает с момента, когда тот начинает понимать подлинную мотивацию собственных мыслей, убеждений и поступков, их происхождение – источник и природу последующей реализации свободы совести³².

В связи с этим считаем целесообразным внести следующие изменения в ст. 14 УИК РФ:

– в п. 1 включить в состав правового института реализации свободы совести и свободы вероисповедания «иные убеждения», приведя эту норму в соответствие с положениями Конституции РФ («Осужденным гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания. Они вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»);

– п. 2 дополнить вторым абзацем, содержащим ограничения реализации свободы совести и свободы вероисповедания осуж-

денными («Осуществление права на свободу совести и свободу вероисповедания является добровольным, при этом не должны нарушаться требования режима и правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемляться права других лиц. Право осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства»);

– в п. 4 включить в состав мероприятий по реализации свободы совести и свободы вероисповедания политико-идеологическое информирование («В учреждениях, исполняющих наказания, осужденным разрешается совершение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой, осуществляется политико-идеологическое информирование осужденных, отражающее сложившееся в обществе политическое и идеологическое многообразие. В этих целях администрация указанных учреждений выделяет соответствующее помещение, приглашает соответствующих специалистов»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

² См.: Там же. 1997. № 39. Ст. 4465.

³ См.: Там же. № 2. Ст. 198.

⁴ См.: Китрова Е.В., Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 10.06.2008 г. №76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Селиверстова // Там же; Пятин С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Там же.

⁶ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2010. С. 144.

⁷ См.: Комментарий к Конституции РФ / Отв. ред. Л.А. Окуньков // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Светлана Константиновна Бондырева – кандидат педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заместитель председателя координационного совета РАО.

⁹ См.: Бондырева С.К., Колесов Д.В. Духовность (психология, социология, семантика). М., 2007. С. 53.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

¹¹ См.: Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/destruction/destruction.pdf>; Последствия сектантства. <http://www.anticakta.ru/>

¹² См.: Криминология: Учеб. / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунова. М., 2004. С. 311; Итоговая декларация конференции «Тоталитарные секты и демократическое государство» (Новосибирск, 9–11 ноября 2004 г.). <http://www.sektainfo.ru/allsects%20analit.htm>

¹ См.: SZ RF. 2009. № 4. St. 445.

² См.: Tam zhe. 1997. № 39. St. 4465.

³ См.: Tam zhe. № 2. St. 198.

⁴ См.: Китрова Е.В., Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 10.06.2008 г. №76-FZ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // СПС «Konsul'tantPljus».

⁵ См.: Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Селиверстова // Там же; Пятин С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 26.09.1997 г. № 125-FZ «O svobode sovesti i o religioznyh ob#edinenijah» // Tam zhe.

⁶ См.: Uголовно-исполнительное право России: Учеб. / Под ред. В.И. Селиверстова. М., 2010. С. 144.

⁷ См.: Комментарий к Конституции РФ / Отв. ред. Л.А. Окун'ков // СПС «Konsul'tantPljus».

⁸ Svetlana Konstantinovna Bondyрева – кандидат педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заместитель председателя координационного совета РАО.

⁹ См.: Bondyрева С.К., Kolesov D.V. Duhovnost' (psihologija, sociologija, semantika). M., 2007. S. 53.

¹⁰ См.: SZ RF. 2009. № 4. St. 445.

¹¹ См.: Novye religioznye organizacii Rossii destruktivnogo i okkul'tnogo haraktera. <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/destruction/destruction.pdf>; Posledstviya sektantstva. <http://www.anticakta.ru/>

¹² См.: Kриминология: Учеб. / Под ред. проф. N.F. Kuznecovoj, prof. V.V. Luneva. M., 2004. S. 311; Itogovaja deklaracija konferencii «Totalitarnye sekty i demokraticheskoe gosudarstvo» (Novosibirsk, 9–11 nojabrja 2004 g.). <http://www.sektainfo.ru/allsects%20analit.htm>

- ¹³ См.: Малицкий В.С. Идеология: сущность, структура, исторические типы: социально-философский анализ: Дис. ... д-ра философ. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 104, 106, 242.
- ¹⁴ См.: Жукова Н.С. Государственная идеология – феномен общественного сознания // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 19.
- ¹⁵ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учеб. для вузов. М., 1998. С. 319.
- ¹⁶ Исповедовать – признавать, веровать, держать что-либо твердым убеждением (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 55).
- ¹⁷ См.: Девятковская И.А. Некоторые аспекты законодательной регламентации отягчающих обстоятельств, связанных с категорией «доверие» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3 (19). С. 14; Астанина Н.Б. Особенности доверия другим людям у несовершеннолетних правонарушителей // Психология и право. 2013. № 1. <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 31.05.2013 г.).
- ¹⁸ См.: Сидоренков А.В., Вишневецкая М.Ю. Доверие дошкольников к незнакомым взрослым. <http://www.psychological.ru/link/jurnal/issues/1901/012/012037.html>
- ¹⁹ См.: Информационные системы и технологии в экономике и управлении: Учеб. пособие / Под ред. проф. В.В. Трофимова. М., 2007. С. 26.
- ²⁰ См.: Философский словарь. <http://www.philosophydic.ru/informaciya>
- ²¹ См.: Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. С. 387.
- ²² См.: Гричаникова И.А. Формирование нравственных понятий и убеждений студентов технического вуза: Дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2000. С. 20.
- ²³ См.: Малицкий В.С. Идеология: сущность, структура, исторические типы. С. 214.
- ²⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul15.htm#hdr_21
- ²⁵ См.: Малицкий В.С. Идеология: сущность, структура, исторические типы. С. 97.
- ²⁶ См.: Криминология: Учеб. / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лулева. С. 136–137.
- ²⁷ См.: Корженко А.Л. Идеология и современные молодежные субкультуры // Мониторинг общественного мнения. 2010. Ноябрь.-дек. С. 31.
- ²⁸ См.: Михайлова Н.В. Культурологические аспекты тендерных субкультур отечественной пенитенциарной системы: Дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2004. С. 51; Современный философский словарь / Под общ. ред. д-ра философ. наук, проф. В.Е. Кемерова. М., 2004. С. 479.
- ²⁹ См.: Философский энциклопедический словарь / С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. М., 1989. С. 366.
- ³⁰ См., напр.: Указание ФСИН России от 06.05.2012 г. № 10/15/1-60 «О порядке демонстрации фильмов, использования телевидения, радиовещания, литературы, газет и журналов в организации воспитательной работы с осужденными».
- ³¹ См., напр.: Ракитская О.Н., Морозова Н.О. Отношения в семье как фактор совершения преступления насильственного характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 52–53.
- ³² См.: Израбеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М., 2012. С. 155.
- ¹³ Sm.: Malickij V.S. Ideologija: sushhnost', struktura, istoricheskie tipy: social'no-filosofskij analiz: Dis. ... d-ra filosof. nauk. Rostov n/D, 2006. S. 104, 106, 242.
- ¹⁴ Sm.: Zhukova N.S. Gosudarstvennaja ideologija – fenomen obshhestvennogo soznanija // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2010. № 2. S. 19.
- ¹⁵ Sm.: Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teorija gosudarstva i prava: Ucheb. dlja vuzov. M., 1998. S. 319.
- ¹⁶ Ispovedovat' – priznavat', verovat', derzhat' chto-libo tverdyim ubezhdeniem (sm.: Dal' V. Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. M., 1998. T. 2. S. 55).
- ¹⁷ Sm.: Devjatovskaja I.A. Nekotorye aspekty zakonodatel'noj reglamentacii otjagchajushhijh obstojatel'stv, svjazannyh s kategoriej «doverie» // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 3 (19). S. 14; Astanina N.B. Osobennosti doverija drugim ljudjam u nesovershennoletnih pravonarushitelej // Psihologija i pravo. 2013. № 1. <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (data obrashhenija: 31.05.2013 g.).
- ¹⁸ Sm.: Sidorenkov A.V., Vishnevskina M.Ju. Doverie doshkol'nikov k neznakomym vzroslym. <http://www.psychological.ru/link/jurnal/issues/1901/012/012037.html>
- ¹⁹ Sm.: Informacionnye sistemy i tehnologii v jekonomike i upravlenii: Ucheb. posobie / Pod red. prof. V.V. Trofimova. M., 2007. S. 26.
- ²⁰ Sm.: Filosofskij slovar'. <http://www.philosophydic.ru/informaciya>
- ²¹ Sm.: Sociologija: Jenciklopedija / Sost. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko. Minsk, 2003. S. 387.
- ²² Sm.: Grichanikova I.A. Formirovanie нравstvennyh ponjatij i ubezhdenij studentov tehničeskogo vuza: Dis. ... kand. sociol. nauk. Belgorod, 2000. S. 20.
- ²³ Sm.: Malickij V.S. Ideologija: sushhnost', struktura, istoricheskie tipy. S. 214.
- ²⁴ Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem. http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul15.htm#hdr_21
- ²⁵ Sm.: Malickij V.S. Ideologija: sushhnost', struktura, istoricheskie tipy. S. 97.
- ²⁶ Sm.: Kriminologija: Ucheb. / Pod red. prof. N.F. Kuznecovoj, prof. V.V. Luneva. S. 136–137.
- ²⁷ Sm.: Korzhenko A.L. Ideologija i sovremennye molodezhnye subkul'tury // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2010. Nojab.-dek. S. 31.
- ²⁸ Sm.: Mihajlova N.V. Kul'turologičeskie aspekty tendernyh subkul'tur otečestvennoj penitenciarnoj sistemy: Dis. ... kand. kul'turologii. Saratov, 2004. S. 51; Sovremennij filosofskij slovar' / Pod obshh. red. d-ra filosof. nauk, prof. V.E. Kemerova. M., 2004. S. 479.
- ²⁹ Sm.: Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' / S.S. Averincev, Je.A. Arab-Ogly, L.F. Il'ichev i dr. M., 1989. S. 366.
- ³⁰ Sm., napr.: Ukazanie FSIN Rossii ot 06.05.2012 g. № 10/15/1-60 «O porjadke demonstracii fil'mov, ispol'zovanija televidenija, radioveshhanija, literatury, gazet i zhurnalov v organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi».
- ³¹ Sm., napr.: Rakitskaja O.N., Morozova N.O. Otnoshenija v sem'e kak faktor soveršenija prestuplenija nasil'stvennogo haraktera // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 1 (21). S. 52–53.
- ³² Sm.: Izrabekov V. Tajna russkogo slova. Zametki nerusskogo čeloveka. M., 2012. S. 155.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Проблемы правового регламентирования оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы

Б.А. СПАСЕННИКОВ – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

А.В. ЦАТУРОВ – соискатель НИИ ФСИН России

В статье рассмотрены проблемы правового регламентирования оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы. Анализируются данные о криминогенной обстановке в исправительных учреждениях, информация о факторах, влияющих на криминализацию среды осужденных, рассматриваются особенности обеспечения правопорядка в местах лишения свободы в ходе оперативно-розыскной деятельности. Отмечается несовершенство действующего законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: правовое регламентирование; оперативно-розыскная деятельность; места лишения свободы.

Problems of legal regulation of the operatively-search activity in prisons

B.A. SPASENNIKOV – Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor, Dsc. in Law;

A.V. TSATUROV – Researcher Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

The article analyzes the problems of legal regulation of operational and investigative activities in prisons. It analyzes data on the crime situation in prisons, information on the factors affecting the criminalization among prisoners, law enforcement in prisons during operatively-search activity. The article notes shortcomings of the current legislation in this sphere.

Key words: legal regulation; operatively-search activity; prison.

Преступность в местах лишения свободы представляет собой сложную и серьезную проблему не только для исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, но и с точки зрения обеспечения безопасности личности, общества и государства. Пенитенциарная преступность – это негативное социальное явление в местах отбывания наказания

в виде лишения свободы или содержания под стражей, детерминированное условиями общественной жизни внутри и вне этих мест, состоящее из совокупности уголовно наказуемых деяний.

Особенности пенитенциарной преступности определяются следующими факторами:

а) специфические субъекты преступлений: осужденные; лица, содержащиеся под стражей; персонал; лица, постоянно или

временно посещающие пенитенциарные учреждения;

б) пространственные ограничения территории ИУ (жилые, производственные, учебные и иные помещения, прилегающие к ним режимные территории; иные места – при осуществлении розыска (как правило, во взаимодействии с территориальными органами внутренних дел) осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы);

в) законодательно определенные задачи (ст. 84 УИК РФ):

– обеспечение личной безопасности осужденных, персонала ИУ, иных лиц;

– выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания;

– розыск осужденных, совершивших побег из ИУ, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы;

– содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в ИУ¹.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р, проблема противодействия криминальным структурам требует решения целого комплекса вопросов, связанных с организацией надлежащего взаимодействия правоохранительных структур по нейтрализации внешних и внутренних факторов, создающих угрозу нормальному функционированию исправительных учреждений и связанных с деятельностью находящихся на свободе так называемых криминальных авторитетов и лидеров группировок осужденных отрицательной направленности внутри ИУ².

По состоянию на конец первого квартала 2014 г. в учреждениях УИС содержалось 74 «вора в законе» (28 – в СИЗО, 29 – в исправительных колониях, 17 – в тюрьмах) и 574 лидера уголовно-преступной среды. За 2013 г. выявлена 321 группировка отрицательной направленности³.

В 2013 г. оперативными подразделениями ФСИН России во взаимодействии с подразделениями ФСБ, МВД и ФСКН России в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий было развенчано 12 осужденных, относящихся к категории «воров в законе»; 12 таким лицам ужесточен режим содержания путем перевода из ИК в тюрь-

му; судебными органами и Минюстом России принято решение о нежелательности пребывания на территории России и выдворении 8 «воров в законе»; дискредитировано 187 лидеров уголовно-преступной среды; предприняты меры по разобщению 238 группировок осужденных отрицательной направленности⁴.

Проведенный анализ свидетельствует, что более 2/3 лидеров уголовно-преступной среды в колониях и тюрьмах находятся в возрасте от 30 до 45 лет, то есть в основном это лица со значительным опытом противоправной деятельности, склонностью к криминальным формам поведения. Национальный состав «воров в законе», пребывающих в учреждениях УИС, разнообразен: 33% – грузины, 32% – русские, 8% – армяне, 5% – азербайджанцы, остальные – представители других национальностей. Большинство лидеров криминальной среды до осуждения не занимались общественно полезным трудом, что объединяет их паразитический образ жизни на воле с поведением в период отбывания наказания⁵. Для лидера криминальной среды, находящегося в местах лишения свободы, характерны такие признаки, как наличие криминального опыта и связей в преступной среде, поддержка со стороны других лидеров, которые пользуются криминальным авторитетом.

В структуре преступности сохраняется значительный удельный вес ряда насильственных, корыстных и корыстно-насильственных преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, за совершение которых законом предусмотрены наказания в виде лишения свободы на длительные сроки. Данное обстоятельство обуславливает и состояние криминогенной обстановки в ИУ, которая характеризуется неблагоприятными структурными и динамическими тенденциями. В местах лишения свободы практически каждый четвертый осужден за убийство или причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой, грабеж, изнасилование. Более половины осужденных судимы неоднократно. Растет число лиц, осужденных за бандитизм и участие в организованных преступных сообществах⁶. Вышеперечисленные факты приводят к тому, что наряду с омоложением контингента происходит ухудшение его криминологических и пенитенциарных характеристик.

На эффективность функционирования учреждений и органов УИС влияет большое количество разнообразных факторов,

среди которых особое место занимает деятельность так называемых групп осужденных отрицательной направленности. Анализ данной проблемы свидетельствует о том, что в некоторых ИУ указанные группировки осужденных практически контролируют ситуацию и пытаются диктовать свою волю администрации («черные» ИУ). В таких учреждениях (согласно выборочным исследованиям их около 8–10% от общей численности) совершаются преступления, характеризующиеся наибольшей общественной опасностью, происходит большое количество злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, направленных на дезорганизацию деятельности ИУ, наблюдаются факты неслужебных связей персонала со спецконтингентом, вследствие чего на территорию ИУ поступают наркотические средства, спиртные напитки, средства связи и другие запрещенные законодательством Российской Федерации предметы, имеют место попытки лидеров уголовно-преступной среды дестабилизировать обстановку (события в ИК-3 УФСИН России по Курской области в 2012 г., ИК-6 УФСИН России по Брянской области в 2014 г.).

Для достижения преступных целей активно используются любые возможности воздействия на обстановку в ИУ извне: путем оказания давления на администрацию с привлечением представителей деструктивно настроенных членов общественных организаций, именующих себя правозащитными, родственников осужденных, адвокатов, распространения недостоверных сведений через средства массовой информации, а также интернет. Уголовными авторитетами предпринимаются попытки воздействия на основную массу осужденных и вмешательства в деятельность администрации ИУ посредством продвижения на должности хозяйственного сектора (поваров, бригадиров, дневальных и др.) своих людей и создания в дальнейшем «теневой системы управления». Также фиксируются случаи скрытого сопротивления администрации, проявляющегося в саботировании режимных требований, мероприятий воспитательного характера, в том числе в форме членовредительства, отказов от работы и приема пищи.

Собирая и анализируя информацию об осужденных, склонных к насильственным действиям, побегам, дезорганизации и др., криминальных авторитетах и лидерах уголовно-преступной среды, необходимо

предпринимать усилия по документированию не только непосредственных действий по подготовке и совершению преступлений, но и других фактов, обуславливающих криминализацию среды осужденных, а именно:

- попыток установления незаконных связей с персоналом ИУ, а также с лицами за пределами ИУ;
- шантажа и преследования тех осужденных, которых эксплуатируют в интересах группировок;
- организации сбора средств для собственных нужд («общака»), поддержания лиц, находящихся в тюрьмах, штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, подкупа персонала ИУ и принятия авторитарных решений по поводу расходования средств «общака»;
- контроля поступления к осужденным посылок, передач, одежды, денег, наркотиков и т.п., распределения их, в том числе пересылки в больницы, тюрьмы и др.;
- активной пропаганды «воровской» идеологии, норм и традиций криминальной среды (субкультуры), контроля соблюдения осужденными традиций субкультуры;
- принятия карательных мер в отношении «ослушников»;
- организации противодействия администрации ИУ;
- контроля конфликтных ситуаций в своей среде и их разрешения;
- организации азартных игр и контроля распределения доходов от них;
- компрометации наиболее требовательных представителей администрации ИУ;
- определения неформального статуса отдельных осужденных в тюремной иерархии, поддержания структуры группировок;
- выработки тактики и организации контроперативной деятельности группировок;
- контроля производства запрещенных предметов и их распространения;
- распределения ролей участников различного рода групповых и массовых выступлений осужденных;
- участия в сходках лидеров и авторитетов криминальной среды, в том числе на региональном уровне.

Использование такой информации не только позволяет выявлять, предупреждать, пресекать преступления и нарушения режима, но и дает возможность более обоснованно выбирать методы и средства психолого-педагогического воздействия, более результативно проводить режимные мероприятия и в целом эффективнее управлять ситуацией в ИУ⁷.

В этой связи обеспечение правопорядка в местах лишения свободы не представляется возможным без важнейшей составляющей – оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Тенденции сосредоточения в ИУ наиболее криминально опасного контингента обуславливают необходимость усиления роли ОРД в обеспечении безопасности функционирования ИУ, реализации превентивной составляющей в противодействии пенитенциарной преступности.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий в местах лишения свободы обладает рядом следующих особенностей:

1) возможность противодействия деятельности преступных групп осужденных с учетом специфики их нахождения в местах лишения свободы;

2) возможность проведения в целях решения задач ОРД в УИС не только оперативно-розыскных, но и режимных, воспитательных и иных предусмотренных законодательством мероприятий;

3) направленность на борьбу не только с преступлениями, но и с нарушениями режима содержания осужденных.

Однако в настоящее время на законодательном уровне означенная специфика организации и проведения ОРД в ИУ и СИЗО УИС должным образом не закреплена, а именно в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) отсутствует полный перечень задач ОРД в УИС⁸. Так, в ст. 2 указанного закона не предусмотрено осуществление оперативно-розыскных мероприятий для борьбы с нарушениями режима содержания со стороны осужденных и подследственных. Кроме того, ст. 7 предусматривает не все основания проведения оперативно-розыскных мероприятий, характерные для УИС, и, по нашему мнению, должна быть дополнена пунктом, устанавливающим такое из них, как «необходимость добывания информации, использование которой обеспечивает правопорядок и законность в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, безопасность содержащихся в них осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории этих учреждений». Принимая во внимание существующие недостатки, полагаем целесообразным включить в состав УИК РФ главу, регулируюшую ОРД в ИУ.

Как показывает практика, действующие уголовно-правовые нормы не охватывают некоторые действия преступных групп в местах лишения свободы, несмотря на то, что

эти действия противоречат целям уголовного наказания, дестабилизируют обстановку в ИУ и обладают очевидной общественной опасностью. К числу такого рода действий относятся:

1) создание «воровского общака» в целях материального обеспечения криминальных лидеров и их окружения, оказания поддержки лицам, осуществляющим противодействие администрации;

2) утверждение и поддержание в качестве образца поведения для всех осужденных норм морали, пропагандирующих преступный образ жизни, соблюдение «воровских» традиций, бойкотирование требований администрации;

3) установление и поддержание нелегальных связей с преступниками, отбывающими наказания в других ИУ, а также находящимися на свободе;

4) организация иерархической структуры неофициального управления осужденными в местах лишения свободы (расылка «постановочных» писем («маляв»), назначение «смотрящих» за зонами и т.п.);

5) ведение контрразведывательной деятельности в отношении оперативных и режимных служб ИУ;

6) организация мероприятий, направленных на дестабилизацию обстановки, нарушение нормальной работы (массовые голодовки, отказы от работы, членовредительство).

Кроме того, очевидна важность ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов. Они оказывают существенное влияние на совершенствование практики деятельности оперативных подразделений ИУ.

Упоминая о межведомственных нормативных правовых актах, регулирующих ОРД в УИС, мы должны отметить, что в настоящее время в данной области существуют определенные пробелы. Совместные приказы регламентируют некоторые аспекты проведения оперативно-технических мероприятий, организации розыска, порядок представления результатов ОРД органу дознания, следователю, прокурору или в суд, однако оставляют нерешенными главные вопросы. В частности, не в полном объеме урегулирован порядок взаимодействия оперативных подразделений УИС с большинством субъектов ОРД, прежде всего при проведении оперативно-технических мероприятий в местах лишения свободы.

В завершение подчеркнем, что реформирование УИС потребовало внесения в зако-

нодательную базу ее деятельности коррективов, прежде всего в плане дальнейшей гуманизации порядка и условий отбывания наказания, приведения их в соответствие с международными нормами и стандартами обращения с осужденными. Вместе с тем обеспечение должного уровня безопасности, режима и надзора в местах лишения свободы требует дальнейшего совершенствования правовых основ ОРД в ИУ, устранения имеющихся в данной сфере право-

вых пробелов и недостатков. В связи с этим считаем целесообразным включить в состав УИК РФ главу, регулирующую оперативно-розыскную деятельность, осуществляемую в учреждениях УИС, а также по аналогии ряд статей в федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, необходимо разработать ведомственный и межведомственный нормативный правовой акт в сфере ОРД с учетом всех вышеизложенных положений.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 03.02.2014 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

³ См.: Архив ФСИН России. 2014.

⁴ См.: Архив ФСИН России. 2013.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/>

⁷ См.: Горяйнов К.К., Баранова Е.А. Факторы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 24. С. 20–23.

⁸ См.: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

¹ См.: Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 g. № 1-FZ (red. ot 03.02.2014 g.) // SZ RF. 1997. № 2. St. 198.

² См.: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O Konceptii razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

³ См.: Arhiv FSIN Rossii. 2014.

⁴ См.: Arhiv FSIN Rossii. 2013.

⁵ См.: Tam zhe.

⁶ См.: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/>

⁷ См.: Gorjajnov K.K., Baranova E.A. Faktory operativno-rozysknogo preduprezhdenija prestuplenij, sovershaemyh osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 24. S. 20–23.

⁸ См.: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 g. № 144-FZ (red. ot 21.12.2013 g.) «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» // SZ RF. 1995. № 33. St. 3349.

Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве

А.С. ШАТАЛОВ – профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук

В публикации рассмотрены правовые и организационные основы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. На фоне сопоставления действующего процессуального регулирования с общепризнанными нормами международного права и заслуживающих внимания исторических обобщений обозначен круг особенностей досудебного и судебного производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. Автор считает, что на современном этапе общественного развития дети не могут являться объектом одной лишь уголовной репрессии. Российский законодатель должен стремиться к тому, чтобы каждый несовершеннолетний правонарушитель как можно скорее стал субъектом реабилитации в широком ее понимании.

Ключевые слова: несовершеннолетний; принудительные меры воспитательного воздействия; уголовное судопроизводство по делам несовершеннолетних; ювенальная юстиция.

The rights and lawful interests of the juvenile criminal procedure

A.S. SHATALOV – Dsc. in Law, Professor of the Department of the judiciary and justice organization of the National Research University “Higher School of Economics”

The publication examines the legal and institutional framework for ensuring the rights and legitimate interests of minors in criminal proceedings. On the base of the comparison of the current procedural regulation with universally recognized norms of international law and noteworthy historical generalizations it features the circle in pretrial and trial proceedings in criminal cases involving minors. The author believes that at the present stage of social development, children should not be subject to only one criminal repression. Russian legislator should ensure that each juvenile offender must become as soon as possible the subject of rehabilitation, in its broadest sense.

Key words: juvenile; compulsory educational measures; criminal proceedings the juvenile; juvenile justice.

Общая тенденция законодательного регулирования такова, что во многих странах мира в различных сферах правоотношений лицам, не достигшим совершеннолетия (англ. minor), придается особый статус. Производство по уголовным делам в этом плане исключением не является.

В Конвенции о правах ребенка провозглашено, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются ли они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка (п. 1 ст. 3)¹. В части отправления правосудия

Минимальными стандартными правилами ООН предусмотрено, что система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена на обеспечение их благополучия, а также того, чтобы любые применяемые к ним меры воздействия были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения (ст. 5)². Этими же международными правовыми актами установлены запреты на применение в отношении несовершеннолетних пыток и иного жестокого обращения, смертной казни и произвольного, без законных оснований, лишения свободы.

Требования общепризнанных норм международного права по общему правилу непременно должны учитываться в нацио-

нальном законодательстве. Как следствие, в рамках многих правовых систем созданы и реализуются соответствующие этим требованиям модели ювенальной юстиции. Они предполагают существование системы учреждений и органов, осуществляющих правосудие по делам несовершеннолетних, контроль за их исправлением и реабилитацией, профилактику детской преступности, социальную защиту семьи и прав ребенка. С их помощью обеспечивается комплексный подход к несовершеннолетним как к участникам разнообразных правоотношений.

В Российской Федерации ювенальная юстиция (англ. juvenile justice system) в своем широком понимании пока отсутствует. Тем не менее в действующих на территории нашей страны законодательных актах стандарты, разработанные международным сообществом для этой сферы общественной жизни, в целом учтены, а правовое регулирование вопросов, непосредственно связанных с ответственностью несовершеннолетних, системно обособлено. Этим вопросам, в частности, посвящены отдельные главы в уголовном и уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации, а также нормы федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³. Для обеспечения правильного применения судами положений этих законодательных актов высшей судебной инстанцией периодически принимаются соответствующие постановления⁴.

Если проследить развитие интересующего нас сегмента российского права в историческом аспекте, то можно увидеть, что отношение законодателя к несовершеннолетним правонарушителям менялось довольно часто под влиянием разнообразных обстоятельств. Попытки определить возрастные пределы и установить особенности уголовной ответственности несовершеннолетних предпринимались еще в XIX в. Постепенно пришло осознание того, что процессуальные процедуры предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних по многим параметрам должны отличаться от рассмотрения аналогичных действий взрослых лиц. Это в свою очередь привело к появлению специальных правовых норм, учитывающих возрастные и социально-психологические особенности подростков. В Уголовном уложении 1903 г. (последнем отечественном уголовно-правовом акте дореволюционно-

го времени) был впервые установлен минимальный (десятилетний) возраст, по достижении которого дети могли нести уголовную ответственность.

Правовые акты, принятые в самом начале советского периода российской истории, провозгласили полный отказ от привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности. Однако примерно через полтора десятилетия такого рода гуманистическую направленность сменила жесткая карательная политика. В рамках ее осуществления к юным преступникам стали применяться все виды уголовного наказания (в том числе смертную казнь) начиная с двенадцатилетнего возраста. В послевоенные годы репрессивный характер уголовной политики вновь изменился (в сторону восстановительного). В уголовное и уголовно-процессуальное законодательство были введены комплексы обособленных норм, учитывающих международные стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. После распада СССР такой подход не только сохранился, но и получил дополнительный импульс для своего распространения в изменившемся российском законодательстве на фоне сохранившегося отсутствия автономной системы ювенальной юстиции.

Современное правовое регулирование уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений с участием несовершеннолетних в рамках соответствующих кодифицированных правовых актов предполагает имплементацию норм об уголовной ответственности несовершеннолетних и особенностях производства по уголовным делам о совершенных ими преступлениях в общую систему уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, ориентированных прежде всего на применение наказания в целях защиты прав потерпевших от преступлений. Охрана прав и защита интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых при таком стечении обстоятельств является второстепенной задачей, то есть одной из многих решаемых для достижения общей цели. Вместе с тем современное российское законодательство стало учитывать не только несовершеннолетний возраст вообще, но и его определенные границы (с 14 до 16, с 16 до 18, а также с 18 до 20 лет), во многом предопределяющие возможность наступления уголовной ответственности, ее объем и особенности протекания в связи с этим отдельных процессуальных процедур. Таким

образом, отечественное законодательство рассматривало и рассматривает данную сферу правового регулирования в качестве неотъемлемой части уголовного и уголовно-процессуального кодексов, от начала и до конца подчиненной закрепленным в них целям и принципам.

Особенностям досудебного и судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних посвящена гл. 50 УПК РФ. По существу, в ее нормах оговорены изъятия из общего порядка, а содержащиеся требования применяются по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет (ч. 1 ст. 420 УПК РФ). По смыслу закона, они должны применяться и тогда, когда лицо, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, на момент производства по уголовному делу уже достигло своего совершеннолетия. Вместе с тем, по мнению ряда ученых, недостатком такого подхода является фактическое отсутствие дифференциации досудебного производства по делам в отношении несовершеннолетних с учетом их личностных особенностей развития⁵.

Законодательное закрепление возраста уголовной ответственности осуществлено в ст. 20 УК РФ. Исходя из уровня психологического и социального развития личности в ней предусмотрены два возрастных предела уголовной ответственности – общий (с 16 лет) и исключительный (с 14 лет). До достижения лицом 14-летнего возраста возможность наступления уголовной ответственности законодателем исключена в принципе. Начиная с 14 лет ее наступление признается допустимым, но не во всех случаях, а лишь за преступления, включенные в перечень, приведенный в ч. 2 ст. 20 УК РФ. В нем значатся: убийство, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, кража, грабеж, разбой, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах, террористический акт, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, хулиганство при отягчающих обстоятельствах, вандализм, хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств или психотропных веществ,

приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения. Перечень этих преступлений является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Все они (за исключением приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения) являются умышленными. Снижая в случаях их совершения возрастную границу, законодатель исходил из того, что понимание (оценка) общественной опасности каждого из этих преступлений, как правило, уже является вполне посильным для подростков, достигших 14-летнего возраста.

Особый порядок досудебного и судебного производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних охватывает собой комплекс процессуальных процедур, которые предусматривают:

- совокупность дополнительных обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам данной категории;
- выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослым, в отдельное производство;
- применение к несовершеннолетнему мер процессуального принуждения;
- особенности производства отдельных следственных действий;
- участие в производстве по уголовному делу законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого;
- специальные основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего;
- особенности рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании и принятия по его результатам итогового процессуального решения.

Законодательная регламентация названных процедур произведена с учетом возрастных, социально-психологических и некоторых других особенностей детей. Представляя собой упорядоченную совокупность правовых средств, они выступают в качестве весомых процессуальных гарантий, призванных создавать благоприятные условия для реализации несовершеннолетними своих прав и исполнения обязанностей.

Путь к появлению таких гарантий в действующем уголовно-процессуальном законодательстве был очень непростым и довольно долгим. Несомненный положительный эффект некогда принесло введение специальных судов для несовершеннолетних. Первый такой суд начал работу 22 янва-

ря 1910 г. в Петербурге, а к 1917 г. подобные суды существовали уже во многих крупных городах Российской империи. Судья, рассматривавший уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних, избирался из жителей судебного округа. Сам же судебный процесс выглядел весьма специфично, поскольку в нем отсутствовали многие формальности судебной процедуры. Со стороны он воспринимался как беседа судьи с подростком в присутствии его попечителя. Не предполагалось ни судебной защиты, ни наличия обвинительного акта. В качестве наказания виновному, как правило, назначался попечительский надзор. На вынесенное решение можно было подать апелляцию в особое отделение съезда мировых судей. Деятельность указанных судов была удостоена высокой оценки современников.

В советский период производство по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних поручалось уже не только судьям, но и следователям, назначенным специально. В судебном разбирательстве обязательно принимал участие представитель территориальной комиссии по делам несовершеннолетних. Помимо всего прочего органам внутренних дел вменялось в обязанность осуществлять контроль за условно осужденными несовершеннолетними, а судьям – выступать перед ними с лекциями на правовые темы. Вся эта работа велась в рамках государственной программы по преодолению детской преступности и приносила определенные положительные

результаты. Однако ее последовательная и длительная реализация так и не смогла привести к появлению полноценной модели советского ювенального суда, хотя определенные усилия для этого прилагались.

Современному российскому законодателю, к сожалению, не удалось обеспечить в процессуальных процедурах доминирование «воспитательного компонента». В итоге несовершеннолетний правонарушитель как рассматривался, так и рассматривается в качестве объекта уголовной репрессии, а не субъекта реабилитации в широком ее понимании. Пока так и не получилось добиться того, чтобы каждый судья, рассматривающий уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, помимо всего прочего опирался на рекомендации специалистов в области детской психологии. По большому счету, его решение должно содержать не только вывод о невиновности или виновности подростка в инкриминированном ему деянии, но и некий план реабилитации, адресованный специализированным социальным службам, обязанным участвовать в коррекции дальнейшего поведения несовершеннолетнего. Такое отношение к подросткам со стороны представителей судебной власти могло бы ощутимо повысить эффективность принудительных мер воспитательного воздействия, а использование при этом современных технологий социальной адаптации и социальной реабилитации позволило бы ускорить достижение целей применения последних.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 г.) // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 1999.

² См.: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29.11.1985 г. резолюцией 40/33 на 96 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Там же.

³ См.: СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

⁴ См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

⁵ См., напр.: Машинская Н.В. Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе и проблема дифференциации процессуальной формы по делам несовершеннолетних // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 21. С. 36; Левченко О.В., Мищенко Е.В. Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Моногр. М., 2013. С. 10–11.

¹ См.: Konvencija o pravah rebenka (prinjata rezoljuciej 44/25 General'noj Assamblei OON ot 20.11.1989 g.) // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka: Sb. dok. M., 1999.

² См.: Minimal'nye standartnye pravila OON, kasajushhiesja otpravlenija pravosudija v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila) (prinjaty 29.11.1985 g. rezoljuciej 40/33 na 96 plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // Tam zhe.

³ См.: SZ RF. 1999. № 26. St. 3177.

⁴ См., напр.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 g. № 1 «O sudebnoj praktike primenenija zakonodatel'stva, reglamentirujushhego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazanija nesovershennoletnih» // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2011. № 4.

⁵ См., напр.: Mashinskaja N.V. Ponjatje nesovershennoletnego v ugolovnom processe i problema differenciacii processual'noj formy po delam nesovershennoletnih // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 21. S. 36; Levchenko O.V., Mishhenko E.V. Pravovye osnovy proizvodstva po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnih: Monogr. M., 2013. S. 10–11.

Проблемы дифференциации субъектов уголовного процесса, обладающих специальными знаниями

А.С. СОЛОВЬЕВА – адъюнкт кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются проблемы, связанные с понятием субъекта, обладающего специальными знаниями, структурой его личности и дифференциацией таких субъектов.

Ключевые слова: специальные знания; субъекты, обладающие специальными знаниями; структура личности; использование и применение специальных знаний.

Differentiation problems of the subjects of criminal process with special knowledge

A.S. SOLOVIEVA – Postgraduate Student of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article speaks about the problems of notion of the subject with special knowledge, the structure of his personality and differentiation of subjects.

Key words: special knowledge; subject with special knowledge; the structure of the personality; the use and application of special knowledge.

Участие лиц, обладающих специальными знаниями, в уголовном процессе повышает эффективность расследования преступлений, формирования доказательств, открывает новые возможности для следственных органов, суда, а также расширяет область применения современных достижений науки и техники, обеспечивая технико-криминалистическое сопровождение расследования преступлений. Специалист способен обратить внимание на те обстоятельства, которые были упущены следователем в силу его неосведомленности в специальных вопросах.

Однако на практике возможности использования специальных знаний при расследовании преступлений реализуются недостаточно. Анализ результатов опроса практических работников показал, что дознаватели, следователи, оперативные сотрудники не всегда способны обеспечить эффективное использование специальных знаний в процессе раскрытия и расследования незаконного оборота наркотических средств¹. Практически ни одно преступление данной категории не обходится без назначения предварительных исследований, судебных экспертиз, привлечения научно-технических средств в ходе проведения следственных действий и иных меропри-

ятий. Однако дознаватели, следователи, оперативные сотрудники, суд не всегда обладают знаниями, необходимыми для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и оценки доказательств, поэтому раскрытие и расследование незаконного оборота наркотических средств, как правило, требует участия специалиста и эксперта.

Важно подчеркнуть, что трудности в деятельности вышеуказанных участников уголовного процесса во многом связаны и с низкой эффективностью использования возможностей научно-технического обеспечения. Одной из причин этого является отсутствие четкой законодательной регламентации соответствующих вопросов. Правовые проблемы порождают проблемы в практике деятельности лиц, обладающих специальными знаниями и осуществляющих расследование преступлений.

По сравнению с УПК РСФСР вступивший в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ закрепляет права и обязанности участников уголовного судопроизводства в более полном объеме и более систематизированном виде. Однако степень полноты содержания и конкретизация процессуального статуса участников различны. Анализ норм, определяющих права и обязанности «иных участников» уголовного судопроизводства, показывает, что

наибольшей правовой регламентацией обладают процессуальные статусы свидетеля и эксперта.

Несмотря на расширение возможностей использования специальных знаний в расследовании преступлений, отдельные моменты, касающиеся данного вопроса, остались без должного внимания и приобрели проблемный характер как в криминалистической теории, так и в практике деятельности органов уголовного судопроизводства.

Одной из проблем, выявленных в результате анализа научной литературы по исследуемой теме и практики деятельности лиц, обладающих специальными знаниями, является необоснованное отождествление терминов «использование» и «применение», нередко приводящее к ошибкам в работе расследующих преступления. Так, согласно уголовно-процессуальному законодательству дознаватель, следователь производят следственные действия самостоятельно, используя необходимые специальные знания. Однако на практике данные субъекты уголовного процесса нередко делегируют соответствующие функции специалистам и экспертам, что, на наш взгляд, является неверным. Специалист и эксперт призваны только содействовать дознавателю, следователю. Лица, осуществляющие расследование, не всегда верно определяют ситуации, где возможно использование собственных знаний из определенной области, а где требуется привлечь специалиста, эксперта. Считаем обоснованной позицию ряда авторов, которые в качестве необходимого условия объективности, полноты и всесторонности расследования называют эффективную работу субъектов расследования преступлений с криминалистически значимой информацией, что невозможно без правильного использования и применения специальных знаний, обоснованных тактических приемов². Поэтому считаем целесообразным рассмотреть вопрос дифференциации субъектов, обладающих специальными знаниями, подробнее.

При определении понятия и сущности специальных знаний необходимо дать ответ на следующие вопросы: кто является носителем специальных знаний и кто использует специальные знания? В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе на этот счет представлено немало точек зрения, но к единому мнению ученые так и не пришли.

Е.Р. Россинская указывает, что «носителями специальных знаний являются лица,

ими обладающие, т.е. обладающие системой теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства (как традиционно понимают термин специальные знания в юридической литературе)»³.

Также верной представляется предложенная Л.М. Исаевой структура личности, обладающей специальными знаниями⁴. Данный автор выделяет четыре необходимых компонента:

1) обладание специальными знаниями;

2) практические навыки поисковой, организационной и исследовательской деятельности;

3) специфические свойства мышления и интеллекта (умения анализировать, обобщать, систематизировать, моделировать и др.);

4) специфические психофизиологические качества (внимание, наблюдательность, память, длительная работоспособность и др.).

Говоря о носителях специальных знаний, следует упомянуть, что в настоящее время в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе высказываются предложения о введении в уголовное судопроизводство понятия «сведущее лицо». По этому вопросу можно согласиться с точкой зрения С.И. Земцовой о том, что подменять данным термином понятия «специалист» и «эксперт» недопустимо⁵. Это обусловлено различием в их процессуальных статусах. На наш взгляд, в отношении субъектов, обладающих специальными знаниями, необходимо применение дифференцированного подхода.

Именно поэтому обозначенный нами выше вопрос о том, кто использует специальные знания, требует более детального рассмотрения. О важности единого дифференцированного подхода к понятию субъектов, обладающих специальными знаниями, свидетельствует непрекращающаяся научная дискуссия на эту тему. По нашему мнению, термины «использование» и «применение» многими авторами без достаточных оснований употребляются как синонимы. Одни исследователи обращаются к термину «использование», аргументируя это узостью круга лиц, обладающих специальными знаниями, другие оперируют термином «применение»⁶. По данным толкового словаря русского языка, применить означает осуще-

ствить что-либо на деле, а использовать – воспользоваться кем-либо (или чем-либо)⁷.

Представляется верной позиция ряда ученых (Т.Д. Телегиной, А.М. Зинина, Л.В. Лазаревой), согласно которой проводится дифференциация понятий «использование» и «применение» через обращение к их процессуальному значению и осуществляется разграничение этих терминов по отношению к субъектам уголовного процесса. Так, Т.Д. Телегина отмечает, что «субъектом использования специальных знаний является только следователь (судья), поскольку именно он определяет ход и направление расследования уголовного дела»⁸.

Применять специальные знания в удостоверительных целях могут только специалист и эксперт. Иные участники уголовного процесса вольны обходиться собственными знаниями или обращаться к специалисту, что не является процессуальной формой использования специальных знаний.

Основой данного разграничения служит ответ на вопрос о том, кто является носителем специальных знаний. Если исходить из процессуального смысла этого термина, то таковыми будут специалист и эксперт. Именно они применяют свои специальные знания, решая задачи, поставленные следователем, судом. Субъекты же, осуществляющие правоприменительную деятельность, используют результаты, предоставленные в виде заключения эксперта, заключения специалиста либо его консультации.

Следует отметить, что следователи при проведении следственных действий могут самостоятельно применять технико-криминалистические знания, полученные при изучении курса криминалистики, поскольку ст. 58, 168 УПК РФ наделяют их правом, но не обязанностью обращения к специалисту за помощью в обнаружении, фиксации и исследовании предметов и документов, применении технико-криминалистических приемов, методов и средств. Полагаем, что имеющиеся в арсенале следователя технико-криминалистические знания не в полном объеме соответствует процессуальному значению термина «специальные знания». Последнее, как было рассмотрено ранее, предполагает владение теоретическими основами и наличие профессионального опыта применения соответствующих умений и навыков, что характерно для сотрудников экспертно-криминалистических подразделений.

Подчеркнем, что, обладая определенными специальными знаниями, дознаватель, следователь, судья могут обойтись без по-

мощи специалиста, но назначение судебной экспертизы, как правило, необходимо, поскольку фактические данные, полученные в результате экспертного исследования, могут быть отражены только в одном процессуальном документе – заключении эксперта.

Таким образом, в широком смысле субъектом использования специальных знаний при расследовании преступления является любой участник уголовного процесса постольку, поскольку он может владеть определенным объемом знаний из какой-либо отрасли. Но применение этих знаний такими субъектами (кроме специалистов и экспертов) возможно только в познавательных целях и исключает процессуальную форму. Результат этого использования не может выступать доказательством по уголовному делу.

На основании положений уголовно-процессуального законодательства считаем, что субъектами применения специальных знаний являются эксперт и специалист, а субъектами использования – следователь (дознаватель), защитник, суд. Иные участники уголовного процесса могут пользоваться специальными знаниями в непроцессуальной форме.

Считаем возможным классифицировать субъектов, обладающих специальными знаниями, на основании их процессуального статуса, включающего в себя процессуальные полномочия и роль в уголовном судопроизводстве. В соответствии с названными параметрами следует выделять:

1) субъектов (участников уголовного процесса), применяющих специальные знания в соответствии со своими процессуальными полномочиями (специалист, эксперт);

2) субъектов (участников уголовного процесса), наделенных правом привлекать лиц, обладающих специальными знаниями;

3) субъектов (участников уголовного процесса), которые могут обладать специальными знаниями, но при этом не имеют права привлекать лиц, обладающих специальными знаниями (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, частный обвинитель и др.);

4) субъектов, не являющихся участниками уголовного процесса, обеспечивающих информационно-техническое сопровождение расследования и раскрытия преступлений (лица, ведущие криминалистические и другие учеты)⁹.

В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе ведется немало споров о соотношении процессуального

положения переводчика (психолога) и специалиста. Проанализировав мнения ученых (В.Н. Махова, Г.П. Саркисянца, Е.В. Селиной, А.А. Эксархопуло, И. Шиканова, Г.Я. Имамудиновой) по данному вопросу, мы пришли к выводу, что переводчик обладает специальными знаниями, но ему присущ особый статус участника уголовного судопроизводства. Данное утверждение объясняется тем, что по итогам выполнения обязанностей переводчик не получает какой-либо новой информации, а лишь передает ранее существовавшие данные в доступной для участников уголовного судопроизводства форме. Результатом участия психолога также является содействие дознавателю (следователю, суду). Но не стоит забывать о возможности приобретения переводчиком

(психологом) процессуального статуса специалиста в случаях допроса для разъяснения вопросов в области языкознания (психологии).

Деление лиц, обладающих специальными знаниями, на субъектов применения и субъектов использования специальных знаний имеет важное теоретическое и практическое значение (наличие определенного объема прав и обязанностей, возможность привлечения к ответственности, а также отграничение от иных участников уголовного процесса). На наш взгляд, следует относить переводчика и психолога к лицам, обладающим специальными знаниями, а также закрепить данное процессуальное положение этих участников в уголовно-процессуальном законодательстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данное утверждение основано на результатах проведенного в марте 2014 г. анкетирования сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России, ФСКН России, оперативных отделов ФСИН России из восьми субъектов Российской Федерации.

² См.: Белов О.А. О совершенствовании системы информационного обеспечения раскрытия и расследования penitenciarnykh преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 8. С. 39; Валеев А.Т. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний: тактика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Там же. 2008. № 4. С. 85.

³ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008. С. 7.

⁴ См.: Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

⁵ См.: Земцова С.И. Использование понятий «сведущее лицо» и «сведущий свидетель» в уголовном судопроизводстве: за и против // Вестник криминалистики. 2013. № 2 (46). С. 50.

⁶ См., напр.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995; Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства. С. 10–11.

⁷ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 235, 546.

⁸ Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

⁹ См.: Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства. С. 3.

¹ Данное утверждение основано на результатах проведенного в марте 2014 г. анкетирования сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России, ФСКН России, оперативных отделов ФСИН России из восьми субъектов Российской Федерации.

² См.: Белов О.А. О совершенствовании системы информационного обеспечения раскрытия и расследования penitenciarnykh преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 8. С. 39; Валеев А.Т. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний: тактика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях // Там же. 2008. № 4. С. 85.

³ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008. С. 7.

⁴ См.: Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

⁵ См.: Земцова С.И. Использование понятий «сведущее лицо» и «сведущий свидетель» в уголовном судопроизводстве: за и против // Вестник криминалистики. 2013. № 2 (46). С. 50.

⁶ См., напр.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995; Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства. С. 10–11.

⁷ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 235, 546.

⁸ Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

⁹ См.: Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства. С. 3.

Проблемы предоставления и проверки сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера сотрудников ФСИН России и их родственников

Е.А. ЯКОВЛЕВ – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена выявлению возникающих на практике проблем, связанных с механизмом предоставления и проверки сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера сотрудников ФСИН России и их родственников.

Ключевые слова: коррупция; сведения о доходах; деятельность уголовно-исполнительной системы; антикоррупционные меры.

The problems of provision and verification of information on income, expenditures, about property and obligations of property character of the employees of the penitentiary service of Russia and their relatives

E.A. YAKOVLEV – Lecturer of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to revealing the practical problems associated with the mechanism of submission and checking of information on income, expenditures, about property and obligations of property character of the employees of the penitentiary service of Russia and their relatives.

Key words: corruption; information about incomes; activity of criminal-executive system; anticorruption measures.

Борьба с коррупцией является одним из основных направлений государственной политики России, поэтому органы всех уровней исполнительной власти уделяют повышенное внимание выявлению и предупреждению соответствующих преступлений.

Федеральная служба исполнения наказаний не является исключением. Наряду с фиксацией преступлений указанного вида осуществляется целенаправленное предупредительное воздействие на причины и условия, способствующие распространению коррупции, принимаются меры по недопущению ее фактов.

Проблема борьбы с коррупцией в системе государственной службы многие годы не теряет своей актуальности. Коррупция не только подрывает доверие граждан к государственным служащим и власти в целом, но и наносит удар по политической системе, основам эффективного хозяйствования и т.п.¹

За последние годы в России были созданы основы антикоррупционного законодательства. Разработку ведомственных нормативно-правовых актов по борьбе с

коррупцией осуществляет и Федеральная служба исполнения наказаний. В рамках данной деятельности был принят Приказ ФСИН России от 31.08.2009 г. № 372 «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей»².

По мнению А.П. Алегина, при комплектовании коррупционно уязвимых должностей следует отдавать предпочтение перспективным сотрудникам того подразделения или учреждения ФСИН России, должность в котором подлежит замещению. Данный подход не только позволит стимулировать добросовестное отношение сотрудников УИС к службе, но и во многом послужит пре-

пятствием к назначению на эти должности коррупционеров³.

В ходе проведенного среди сотрудников ФСИН России анкетирования⁴ 69,4% респондентов высказали мнение, что сведения об имуществе не должны публиковаться на открытых для всех интернет-ресурсах, а должны предоставляться только для изучения уполномоченным органам в целях выявления коррупционных действий.

Данная информация не должна выходить за пределы ведомства, должна анализироваться подразделениями собственной безопасности и кадров, так как в открытом доступе она может быть использована в преступных целях.

Приказом ФСИН России от 05.07.2013 г. № 387⁵ также закреплен порядок предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, и работниками, замещающими эти должности. В нем определен срок предоставления таких сведений – до 30 апреля года, следующего за отчетным (с 1 января по 31 декабря). Сведения о расходах предоставляются, если сумма осуществленной сделки превышает общий доход лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих ее совершению.

Также данным приказом предусмотрен порядок проверки сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Так, проверку могут проводить подразделения ФСИН России или территориального органа ФСИН России по профилактике коррупционных и иных правонарушений (кадровые и собственной безопасности). Проверка назначается по ограниченному перечню оснований, а именно при достаточной информации, представленной в ФСИН России или территориальный орган ФСИН России в письменном виде в установленном порядке правоохранительными органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами; гражданскими служащими подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностными лицами кадровых служб указанных органов, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений; постоянно действующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных

в соответствии с законодательством Российской Федерации иных общероссийских общественных объединений, не являющихся политическими партиями; Общественной палатой Российской Федерации; общероссийскими средствами массовой информации.

Несмотря на это, имеются серьезные трудности, связанные с проверкой достоверности и полноты сведений о доходах и расходах. Исходя из анализа статистических данных⁶, можно утверждать, что информация, являющаяся основанием для проверки, из правоохранительных и налоговых органов, политических партий, общероссийских общественных объединений, общественных палат и средств массовой информации практически не поступает. В основном ее предоставляют органы прокуратуры, сотрудники собственной безопасности, инспекции по личному составу.

Возникают сложности при получении в процессе проверки необходимых сведений из налоговых органов, органов Росреестра, коммерческих банков, других организаций, так как действующим законодательством не установлена обязанность указанных органов и организаций предоставлять соответствующую информацию. Анализ принимаемых УФСИН России по Вологодской области мер по реализации антикоррупционного законодательства за 2013 г.⁷ показал, что в среднем на 80% запросов, направленных в государственные органы, коммерческие банки и иные организации в рамках проведения проверок достоверности и полноты сведений о доходах, был получен отказ.

Так, например, налоговые органы предоставляют информацию о наличии или отсутствии расхождений между их данными и сведениями, представленными сотрудниками. Однако в чем именно заключается несоответствие (меньше или больше указанный доход, получен ли доход от иного работодателя и пр.), они не сообщают, ссылаясь на ст. 102 Налогового кодекса Российской Федерации⁸ (налоговая тайна). Налоговые и регистрирующие органы предоставляют имеющиеся у них сведения только с письменного согласия проверяемого лица, ссылаясь на требования Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁹. Если согласие сотрудника, представившего сведения, достоверность и полнота которых ставится под сомнение, еще можно получить при проведении проверки, то заручиться таким согласием супруга (супруги) сотрудника затруднительно. Кроме того, дача согласия является правом, а не обязанностью сотрудника, его супруга (супруги).

Сходная проблема возникает также при проверке сведений об имеющихся в банках счетах и наличии на них денежных средств. Так, за 2013 г. в УФСИН России по Вологодской области ни один банк не предоставил информацию по запросам, ссылаясь на банковскую тайну, установленную ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹⁰.

Анализ обзоров территориальных органов показал, что основными нарушениями, допускаемыми федеральными государственными служащими уголовно-исполнительной системы при предоставлении сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, являются:

– неотражение в соответствующих справках сведений об имеющихся в собственности автотранспортных средствах и маломерных судах;

– непредоставление работодателю сведений об имеющемся в собственности недвижимом имуществе, а также указание меньшей, чем в действительности, площади недвижимого имущества;

– непредоставление работодателю сведений о денежных средствах, полученных в результате отчуждения движимого и недвижимого имущества;

– непредоставление работодателю справок о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

В результате осуществленных проверок к дисциплинарной ответственности в виде увольнения из ФСИН России были привлечены всего 5% сотрудников, остальные допустившие нарушения на заседании аттестационной комиссии привлечены к дисциплинарной ответственности в виде неполного служебного соответствия и строго выговора.

Таким образом, на сегодняшний день требуется законодательно установить обязательность предоставления информации по запросам от компетентных уполномоченных органов в целях выявления недостоверного или неполного предоставления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера сотрудников ФСИН России, их супругов и несовершеннолетних детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Волкова В.В., Ильин Б.В. Коррупционные проявления в УИС // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 3 (19). С. 70.

² См.: Российская газета. 2009. 25 сент.

³ См.: Алегин А.П. О мерах профилактики коррупционных преступлений сотрудников УИС в сфере экономики // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 4. С. 33.

⁴ Анкетирование проводилось в 2012–2013 гг. среди сотрудников территориальных органов ФСИН России (350 сотрудников уголовно-исполнительной системы) в рамках диссертационного исследования Е.А. Яковлева на тему «Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере реализации норм антикоррупционного законодательства».

⁵ См.: Приказ ФСИН России от 05.07.2013 г. № 387 «Об утверждении Порядка предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, и работниками, замещающими эти должности, и Положения об осуществлении проверки в отношении лиц, замещающих должности или претендующих на замещение должностей, включенных в Перечень должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» // Российская газета. 2013. № 199.

⁶ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России: Информ.-аналит. сб. Тверь, 2013.

⁷ См.: Обзор принимаемых УФСИН России по Вологодской области мер по реализации антикоррупционного законодательства за 2013 год. http://xn--h1akkl.xn--p1ai/upload/Antikorruptsiya/Metodicheskie-materialy/obzor_korruptsiya_2013.pdf

⁸ См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁹ См.: Там же. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.

¹⁰ См.: Там же. 1996. № 6. Ст. 492.

¹ См.: Volkova V.V., Il'in B.V. Korrupcionnye projavlenija v UIS // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 3 (19). S. 70.

² См.: Rossijskaja gazeta. 2009. 25 sent.

³ См.: Alegin A.P. O merah profilaktiki korrupcionnyh prestuplenij sotrudnikov UIS v sfere jekonomiki // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. 2008. № 4. S. 33.

⁴ Anketirovanie provodilos' v 2012–2013 gg. sredi sotrudnikov territorial'nyh organov FSIN Rossii (350 sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy) v ramkah dissertacionnogo issledovanija E.A. Jakovleva na temu «Pravovoe regulirovanie i organizacija dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v sfere realizacii norm antikorrupcionnogo zakonodatel'stva».

⁵ См.: Prikaz FSIN Rossii ot 05.07.2013 g. № 387 «Ob utverzhenii Porjadka predstavlenija svedenij o dohodah, rashodah, ob imushhestve i objazatel'stvah imushhestvennogo haraktera grazhdanami, pretendujushimi na zameshhenie dolzhnostej v organizacijah, sozdannyh dlja vypolnenija zadach, postavlennyh pered Federal'noj sluzhboj ispolnenija nakazanij, i rabotnikami, zameshhajushimi jeti dolzhnosti, i Polozhenija ob osushhestvlenii proverki v otnoshenii lic, zameshhajushih dolzhnosti ili pretendujushih na zameshhenie dolzhnostej, vkljuchennyh v Perechen' dolzhnostej v organizacijah, sozdannyh dlja vypolnenija zadach, postavlennyh pered Federal'noj sluzhboj ispolnenija nakazanij, pri naznachenii na kotorye grazhdane i pri zameshhenii kotoryh rabotniki objazany predstavljat' svedenija o svoih dohodah, ob imushhestve i objazatel'stvah imushhestvennogo haraktera, a takzhe svedenija o dohodah, ob imushhestve i objazatel'stvah imushhestvennogo haraktera svoih suprugy (supruga) i nesovershennoletnih detej» // Rossijskaja gazeta. 2013. № 199.

⁶ См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii: Inform.-analit. sb. Tver', 2013.

⁷ См.: Обзор принимаемых УФСИН России по Вологодской области мер по реализации антикоррупционного законодательства за 2013 год. http://xn--h1akkl.xn--p1ai/upload/Antikorruptsiya/Metodicheskie-materialy/obzor_korruptsiya_2013.pdf

⁸ См.: SZ RF. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁹ См.: Tam zhe. 2006. № 31 (Ch. 1). St. 3451.

¹⁰ См.: Tam zhe. 1996. № 6. St. 492.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

К вопросу о психолого-педагогическом воздействии на осужденных, имеющих религиозные экстремистские убеждения

Э.В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент

В настоящее время отмечается усиление проявлений экстремизма и национализма, ксенофобских тенденций в обществе, представляют опасность ряд религиозных организаций, деятельность которых носит явную антиобщественную направленность. В статье представлена программа психолого-педагогического воздействия на осужденных, находящихся в местах лишения свободы и являющихся носителями религиозных экстремистских взглядов.

Ключевые слова: деятельность исправительных учреждений; осужденные, имеющие религиозные экстремистские взгляды; психолого-педагогическое воздействие на осужденных; программа психологической и воспитательной работы с осужденными.

To the question of psychological-pedagogical influence on prisoners, having religious extremist beliefs

E.V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor

Currently there is growth of manifestations of extremism and nationalism, xenophobic tendencies in society, endanger the number of religious organizations whose activities are obvious antisocial orientation. The article presents the program of psychological and pedagogical impact to convicts in the confinement places holding religious extremism.

Key words: the activity of penitentiary institutions; prisoners with religious extremist views; psychological-pedagogical impact on prisoners; the program of psychological and educational work with convicted persons.

В конце XX – начале XXI вв. в мире обострилась проблема религиозного экстремизма. Значительная часть террористических актов, совершенных в последние десятилетия, связана с деятельностью экстремистских религиозных образований. Среди получивших наибольшую известность террористических акций, произведенных религиозными организациями, можно назвать заринтовую атаку в токийском метро (20 марта 1995 г., произведена необуддийской синкретической сектой «Аум синрике», возникшей в Японии и базирующейся на традиционном для данной страны буддизме

ваджраяны) и разрушение башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке (11 сентября 2001 г., организовано исламистской религиозной организацией «Аль-Каида», проповедующей ваххабитское направление ислама).

Все чаще террористические акты совершаются наиболее опасным способом, что приводит к тяжким последствиям. Террористы пытаются вызвать у окружающих панику, парализовать их повседневную деятельность, нарушить функционирование органов власти и управления и достичь своих антиобщественных целей. В связи с этим

в первое десятилетие XXI в. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) уже два раза (в 2003 и 2010 гг.) принимала резолюции, посвященные борьбе с экстремизмом, причем существенная доля внимания отводилась религиозному экстремизму.

Подписанная еще 15 июня 2001 г. Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом определяет экстремизм как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организацию в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»¹. Религиозный экстремизм – это особая форма экстремизма, обусловленная специфическими религиозными взглядами, формирующимися у представителей различных конфессий. Проявлением религиозного экстремизма считают такое выражение религиозной идеологии и пропаганды, которое создает реальную или перспективную угрозу для жизни и здоровья человека или общественно-политической безопасности.

Сегодня серьезное беспокойство вызывает тот факт, что экстремистские взгляды быстро распространяются среди осужденных в местах лишения свободы. Причем, как показывают исследования некоторых современных ученых, данные процессы характерны как для России, так и для других стран мира². Так, 21 ноября 2013 г. по инициативе ФСИН России состоялась всероссийская конференция на тему «О мерах по противодействию распространению в исправительных учреждениях радикализма, религиозного экстремизма», на которой было отмечено следующее: «Деятельность религиозных экстремистских организаций ставит под угрозу безопасность и суверенитет Российской Федерации. Наиболее благоприятным источником вербовки в свои ряды "новых воинов джихада" может стать уголовная среда. По мнению ряда экспертов, осужденный, находящийся в исправительном учреждении и активно проповедующий идеологию религиозного экстремизма, способен за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5–7 и более человек»³.

Последователи радикальной религиозной идеологии в местах лишения свободы ставят своей целью объединение осужденных в организованные экстремистские ячейки. Лидеры таковых активно используют идеологию радикальных течений для укрепления своего положения в неформальной тюремной иерархии, пропаганды экстремистских взглядов среди осужденных в целях вербовки последних в свои ряды. Для привлечения новых адептов ими предпринимаются попытки установления каналов доставки в места лишения свободы экстремистских агитационных изданий. Так, с начала текущего года зафиксировано 97 случаев изъятия в исправительных колониях и следственных изоляторах ФСИН России запрещенной на территории Российской Федерации религиозной литературы. Наиболее распространенными путями проникновения в исправительные колонии и следственные изоляторы экстремистских материалов являются почтовые отправления, в том числе и из-за рубежа⁴.

С осужденными, изучающими, пропагандирующими, исповедующими или распространяющими экстремистскую идеологию, в учреждениях проводится индивидуальная работа. Они ставятся на профилактический учет, за ними закрепляются наиболее опытные сотрудники воспитательных служб. В настоящее время на профилактическом учете состоит 426 чел. В сравнении с аналогичным периодом прошлого года количество подучетных лиц данной категории возросло более чем на 40%. Увеличение их числа обусловлено не только притоком осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности (в 2012 г. их число составляло 1056, в настоящее время – 1119), но и внесением в ведомственную нормативную базу изменений, закрепивших норму обязательной постановки на профилактический учет лиц, изучающих, пропагандирующих, исповедующих или распространяющих экстремистскую идеологию⁵. В связи с этим востребованы организация активной и целенаправленной коррекционно-воспитательной деятельности по разоблачению идеологии экстремизма и формированию у осужденных мотивации отказа от религиозных экстремистских убеждений в условиях лишения свободы.

Осуществление воспитательной работы с рассматриваемой категорией осужденных крайне сложно, но необходимо. В культуре социумов, пополняющих ряды террористов, смерть считается героической и бла-

городной жертвой, подвигом мученичества и практически всегда вызывает одобрение, поддержку, уважение. В связи с этим осуществить воспитательную работу с подучетными невозможно, если они не готовы взаимодействовать в направлении изменения себя как личности. В связи с этим требуется особый подход к работе с осужденными религиозными экстремистами, находящимися в местах лишения свободы. Нужно менять их отношение к общечеловеческим ценностям, развивать в них толерантность и гуманизм.

Для сотрудников воспитательного отдела и психологической службы, а также иных лиц, имеющих право осуществлять воспитательные мероприятия в местах лишения свободы, разработана программа психолого-педагогического воздействия на осужденных, являющихся носителями религиозных экстремистских взглядов. Целью программы является формирование у данных лиц мотивации отказа от радикальных экстремистских установок.

Программа решает следующие педагогические задачи:

1. Создание условий для самоактуализации внутренних сил осужденного, формирования его нравственных ценностных ориентаций, развития нравственно-ценностных представлений.

2. Формирование толерантного и гуманного отношения к действительности, понимания культуры и традиций другой национальной группы, конструктивного межнационального сотрудничества.

3. Коррекция психического состояния осужденного, обеспечение условий для его самопознания, самовыражения, саморазвития и самореализации.

4. Осуществление психолого-педагогической поддержки осужденных, расширение их социального опыта, подготовка к положительной жизненной самореализации.

Реализация программы включает в себя следующие этапы:

1. Подготовительный этап. Информирование сотрудников исправительного учреждения о проводимых и планируемых мероприятиях, доведение до понимания сотрудников других служб особенностей психологического портрета осужденных данной категории. Определение целей и задач программы психолого-педагогического воздействия, методик оценки эффективности процесса, разработка наглядных материалов для реализации программы.

2. Диагностический этап. Подбор диагностического инструментария для выяв-

ления особенностей личности осужденных. Агрессивное поведение лиц, имеющих религиозные экстремистские убеждения, носит управляемый характер. Для этого важно знать причины совершаемых поступков, выявлять наличие поведенческих проблем, осуществлять системный анализ индивидуальных качеств осужденных данной категории.

3. Стартово-мотивационный этап. Активное вовлечение осужденного в различные виды деятельности, формы общения с обязательным выполнением условия добровольности. Программа в первую очередь нацелена на индивидуальную работу с осужденными и работу в малых группах. Комплектованию коррекционной группы предшествуют индивидуальные беседы с осужденными о том, что такое групповая работа, каковы ее цели, задачи и какие результаты могут быть получены.

4. Содержательно-деятельностный этап. Обеспечение возможности для самореализации осужденных. В этот период существенным является органическое сочетание просветительской работы и коррекционных мероприятий. Осужденный активно участвует во всех видах деятельности и процедурах, предложенных ему, и сам приходит к выводам, которые помогут ему изменить поведение и отношение к жизни.

5. Рефлексивный этап. Ориентация на оценку и осмысление изменений в ценностной сфере личности, характере и поведении человека. Осужденный может самостоятельно оценить свою работу, ее результаты, увидеть достоинства и недостатки.

Национальная и религиозная принадлежность человека, вовлеченного в террористическую и экстремистскую деятельность, связана с его психологическими особенностями, которые необходимо принимать во внимание при работе с ним: он практически не способен вступать в общение и не испытывает потребности включать в свой круг общения других людей; для него характерен отказ от принятия ответственных решений в сочетании со способностью становиться объектом манипуляции, попадать под чужое влияние; такой человек проявляет склонность заражаться агрессией толпы, у него отмечаются наличие комплекса неполноценности, низкая самоидентификация; характерны проявления самооправдания, сочетание истерических и эксплозивных личностных черт и др.

Существенной особенностью предлагаемой программы является ее нацеленность

не на соревнование, критическую оценку, а на мотивацию сотрудничества в деле отказа осужденных, находящихся в социальной изоляции, от радикальных экстремистских установок. Особенностью воспитательной работы с обозначенной категорией лиц является сочетание педагогических и психологических мер воздействия. Участники программы учатся корректировать свое отношение к окружающим людям и миру, принимать ответственные и адекватные решения в той или иной жизненной ситуации, обеспечивая таким образом процесс перехода к неагрессивным и социально одобряемым формам поведения.

Важно отметить, что многое в организации психолого-педагогического воздействия на осужденных зависит от личности ведущего: он должен быть осторожен, готов использовать материал программы, способен помочь осужденным овладеть этим материалом, ответить на их вопросы, но также должен учитывать и те вопросы, на которые ответить не в состоянии.

Перед началом занятий с участниками группы ведущим проводится предварительный разговор, главными задачами которого являются: дать осужденным определенную эмоциональную основу, чтобы они восприняли занятия как метод, который поможет им в решении внутриличностных и межличностных проблем; объяснить роли осужденных как участников группы и роль ведущего в процессе взаимодействия; дать осужденным общее представление о содержании и процессе работы.

Методика занятий основана на проблемных, эвристических и других продуктивных психолого-педагогических методах, развивающих индивидуальность участников, самостоятельность их мышления. Стимулирование осужденных и развитие их мотивации в целях отказа от радикальных экстремистских установок достигается посредством обсуждения специально подобранных ситуаций из жизни, восприятия, интерпретации и анализа текстов, непосредственного вовлечения в деятельность по разбору предлагаемых проблем, усвоения нравственных знаний, выполнения творческих упражнений, что будет способствовать эффективности данного процесса. Используемые в ходе проведения занятий разнообразные активные формы также становятся объектом рефлексии.

Рекомендуемый объем курса составляет 38 часов. Всего в него входит восемь тем: пять тем по четыре часа («Закон и религия»,

«Национальность без границ», «Разные, но равные», «Толерантность и гуманизм», «Лидерство и подчинение»); три темы по шесть часов («Общечеловеческие ценности», «Раскаяние», «Ориентация на будущее»). При необходимости программу можно продлить.

Частота встреч участников группы – один раз в неделю. Вместе с тем программа предполагает определенную вариативность: она может реализовываться как самостоятельная, а также выступать составной частью комплексной программы. Программа также предусматривает возможность изменения объема материала, содержания, последовательности тем. По каждой теме планируются индивидуальные и групповые занятия (в малых группах). Несмотря на то что в основе программы лежит принцип поэтапности, каждая тема может являться отдельной в содержательном плане. Предлагаемые тематические блоки – это определенный ориентир для организаторов воспитательной работы в исправительных учреждениях.

Содержание занятий может варьироваться в зависимости от степени подготовленности осужденных к восприятию программного материала, уровня эмоционального развития и с учетом индивидуальных особенностей. При этом работа должна проводиться систематически. Также следует подчеркнуть, что психолого-педагогическое воздействие на осужденных, являющихся носителями религиозных экстремистских убеждений, эффективно только в том случае, когда осуществляется не изолированно, а органически включается в комплекс воспитательной работы исправительного учреждения.

Каждое занятие начинается с небольшого вступительного слова ведущего. Участники комментируют свое состояние в начале занятия и в конце его. В ходе работы участникам предлагаются различные упражнения и задания (на выбор организатора). Также в арсенале ведущего имеется полезная информация, которую он может использовать в процессе осуществления психолого-педагогического воздействия на осужденных. По завершении занятия формулируются выводы, подводятся итоги работы.

Ожидаемые результаты освоения программы отражают совокупную характеристику готовности осужденных к преодолению проблемы самоопределения и саморазвития личности в процессе решения вопроса об отказе от радикальных экстремистских установок.

Для внедрения программы в воспитательный процесс различных пенитенциарных учреждений необходимо предусмотреть нормативно-правовую основу ее реализации: программа должна быть внесена в общий план работы исправительного учреждения, занятия должны получить отражение в распорядке дня и т.д. Представляется важным подчеркнуть и то, что сотруднику-ведущему необходимо иметь определенный жизненный и профессиональный опыт, уметь разбираться в различных направлениях экстремизма и терроризма, иметь представление о религиозных течениях, обладать таким качеством, как быстрая реакция на неоднозначные высказывания участников, а главное, самому хорошо владеть программным материалом. При этом считаем, что все вопросы фундаментального вероисповедания должны быть переадресованы священнослужителю. В связи с этим сотрудникам следует наладить взаимодействие с представителями

фундаментальных религий (христианство, ислам, буддизм и т.д.).

Сегодня уже обсуждается вопрос о запрете содержания подозреваемых в совершении преступлений экстремистской и террористической направленности и осужденных за такие преступления в следственных изоляторах и исправительных колониях. Есть мнение, что преступники данной категории должны находиться исключительно в тюрьмах, чтобы уменьшить вероятность распространения экстремистских идей среди криминального контингента. Программа психолого-педагогического воздействия на осужденных, являющихся носителями религиозных экстремистских убеждений, может использоваться в исправительных учреждениях различного типа для реабилитации лиц, вовлеченных в экстремистскую и террористическую деятельность, с тем, чтобы добиться их отказа от радикальных экстремистских установок и сформировать у них значимые общечеловеческие ценности.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.). <http://www.referent.ru/1/10927> (дата обращения: 29.03.2014 г.).

² См.: Сысоев А.М. Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 25. С. 83–86.

³ См.: http://фсин.пф/news/index.php?ELEMENT_ID=110276 (дата обращения: 29.03.2014 г.).

⁴ См.: http://фсин.пф/news/index.php?ELEMENT_ID=110276 (дата обращения: 29.03.2014 г.).

⁵ См.: http://фсин.пф/news/index.php?ELEMENT_ID=110276 (дата обращения: 29.03.2014 г.).

¹ Shanhajskaja Konvencija o bor'be s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom (Shanhaj, 15 ijunja 2001 g.). <http://www.referent.ru/1/10927> (data obrashhenija: 29.03.2014 g.).

² Sm.: Sysoev A.M. Podhody k penitenciarnoj deradikalizacii osuzhdennyh za projavlenija religioznogo jekstremizma v stranah Blizhnego Vostoka i Azii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 25. S. 83–86.

³ Sm.: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=110276 (data obrashhenija: 29.03.2014 g.).

⁴ Sm.: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=110276 (data obrashhenija: 29.03.2014 g.).

⁵ Sm.: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=110276 (data obrashhenija: 29.03.2014 g.).

К вопросу об изменении личной организованности сотрудников Государственной пенитенциарной службы Украины

О.П. ШАМРУК – старший преподаватель цикла специальной и физической подготовки Черниговского юридического колледжа Государственной пенитенциарной службы Украины

В статье подробно рассматриваются вопросы изучения личной организованности сотрудников Государственной пенитенциарной службы Украины. Автором определены специфика и условия проведения психологического исследования данного качества с учетом современных требований, предъявляемых к личности государственного служащего.

Ключевые слова: государственная пенитенциарная служба; исследование; компоненты; личность; организованность; психологическая структура.

Research program of employees self-discipline in the State Penitentiary Service of Ukraine

O.P. SHAMRUK – Lecturer of special and physical training of Chernigov Law College of the State Penitentiary Service of Ukraine

The article discusses and gives grounds of the employees' self discipline in the State Penitentiary Service of Ukraine so that to identify its level of development and correction programs. On the basis of the research program developed by the author it is possible to study the general level of personal organization with all its interconnections. This paper presents methods for ascertaining experiment.

Key words: state penitentiary service; investigation; components; personality organised nature; psychological structure.

На сегодняшний день к уровню подготовки личного состава правоохранительных органов предъявляются высокие требования, в том числе значительное внимание уделяется морально-психологическим личностным качествам персонала. Так, например, работа в Государственной пенитенциарной службе Украины является одним из напряженных и ответственных видов профессиональной деятельности. Это оказывает серьезное влияние на личность сотрудника и получает свое отражение в личной организованности человека, определяющей его эффективность в трудовой сфере.

В последнее время зарубежные и отечественные психологи активно обращают внимание на проблему морально-психологических личностных качеств сотрудников. Организованность личности применительно к деятельности изучали такие исследователи, как В.А. Гольнева, К.В. Мишанова, М.У. Пискунов, Н.И. Рейнвальд, П.А. Рудик, С.Г. Якобсон, Е.М. Баканов, Л.И. Божович, А.И. Высоцкий, Т.А. Егорова, С.А. Петухов, Л.И. Рувинский и др. Как сложное системное явление в структуре личности данный фено-

мен рассматривался в трудах А.И. Крупнова, Н.И. Рейнвальд, В.И. Кудинова и др.

В соответствии с методологическим принципом системного подхода организованность может быть изучена «только путем научного анализа тех систем, к которым относится человек, и закономерностей, которым подчиняется его поведение и его жизнь в целом»¹.

Индивидуальность человека можно понять лишь при условии установления полного набора характеристик личности. Один из виднейших ученых XX столетия К.К. Платонов предлагает рассматривать личность как динамическую структуру, отмечая, что она должна восприниматься в виде «объективно существующего взаимодействия, реально существующего психического явления, взятого за целое (в частности, личности), и также реально существующих его подструктур, элементов и их всесторонних связей»².

Также в науке существует концепция многомерно-функциональной организации свойств личности и индивидуальности, разработанная А.И. Крупновым³. Ее фундаментальные положения были заложены в трудах

В.Д. Небылицына, который предполагал, что среди множества частных парциальных физиологических и психологических характеристик человека можно выделить наиболее обобщенные интегральные переменные, которые в свою очередь будут являть собой более общие основания его индивидуальности⁴.

Развивая концепцию многомерно-функциональной организации свойств личности, А.И. Крупнов отмечал следующее: «единицей анализа индивидуальности человека могут выступать конкретные качества и акты поведения, взятые в их целостном и конкретном»⁵. Данное положение позволяет нам осуществить исследование организованности как личностного качества индивида во всех ее взаимосвязях с другими компонентами.

Ставя своей целью формирование у будущих сотрудников ГПтС Украины такого профессионально значимого психологического качества, как личная организованность, мы считаем необходимым руководствоваться концепцией проведения научных исследований в рамках многомерно-функционального подхода.

Понятие «личная организованность» нами определяется как системное свойство личности, позволяющее эффективно использовать имеющиеся силы и средства в целях обеспечения максимальной продуктивности во всех видах деятельности.

В рамках данного подхода предполагается изучение личной организованности сотрудников ГПтС Украины, определение уровней ее развития и установление характерных взаимосвязей⁶.

Для решения поставленных задач на первом этапе исследования целесообразно использование метода изучения и обобщения опыта практической работы специалистов, метода теоретического анализа и обобщения данных научно-методической литературы, метода наблюдения в психологии. Обязательным является анализ психологических условий профессиональной деятельности сотрудников ГПтС Украины сквозь призму многомерно-функционального подхода, разработанного А.И. Крупновым.

Также на первом этапе исследования уместно определить ранг и значение категории организованности как профессионально важного качества. Достижение этой цели возможно посредством применения метода стандартизированного самоотчета, когда экспертами выступают сами испытуемые. Второй этап непосредственно представля-

ет собой констатирующий психологический эксперимент.

За основу исследуемого психологического качества была взята модель, включающая пять компонентов: когнитивный, регуляторный, рефлексивно-оценочный, мотивационный и результативный. Соотношение их между собой позволяет определить общий уровень личной организованности и факторы, которые оказывают наибольшее влияние на развитие личной организованности будущего сотрудника ГПтС Украины.

Исходя из психологической структуры организованности сотрудников ГПтС Украины, следует признать, что существует необходимость регистрации всех компонентов, поскольку показатели по ним и составляют общую природу организованности.

Для экспериментального исследования нами был подобран психодиагностический инструментарий (комплекс методик), который дает возможность получить достаточно полные сведения об изучаемом нами личностном качестве:

1. Опросник организованности, разработанный Р.В. Ершовой и модифицированный А.И. Крупновым: позволяет провести психологический анализ как отдельно взятых компонентов, так и функционального единства всей структуры организованности. Инструментальная способность и надежность опросника были неоднократно доказаны в ходе экспериментальных исследований А.В. Кудиновым, Р.В. Ершовой, А.В. Остапец и др.

2. Протокол наблюдения, специально разработанный для проведения исследования в условиях ГПтС Украины: позволяет определить результативный компонент личной организованности сотрудника, изучить объективные показатели, провести сравнение самооценки, оценки эффективности подразделения и оценки руководителя подразделения и выделить три группы испытуемых с различными уровнями развития и проявления результативного компонента (высокий, средний, низкий уровни).

3. 16-факторный личностный опросник Кеттелла: позволяет исследовать психологические особенности личности, в частности провести интегральную оценку личной организованности сотрудников пенитенциарной службы. Использование данной методики в качестве дополнительного диагностического инструмента дает возможность в значительной мере повысить надежность полученных данных эмпирического исследования с учетом последующей их интерпретации и обоснования выводов.

Исследование проводилось на базе Черниговского юридического колледжа ГПТС Украины в периоды с сентября по октябрь (первый этап) и с ноября по декабрь (второй этап) 2013 г. Выборку составили курсанты разных курсов и представители постоянного состава учебного заведения.

На первом этапе исследования нами были определены ранг и значение категории «личная организованность» как профессионально значимого качества сотрудников ГПТС Украины. У курсантов прослеживается повышение знания и осмысленности в отношении понятия «организованность» с

каждым годом обучения. Наиболее высокий уровень зафиксирован у офицеров, что может указывать на стремление придерживаться плана и неукоснительно соблюдать его в личной и профессиональной сферах деятельности, а также на необходимость постоянного повышения личной организованности по мере вхождения в профессию.

На втором этапе исследования были определены уровень развития организованности и характерные признаки ее проявления для каждой категории испытуемых. Результаты тестирования сотрудников по методике А.И. Крупнова представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты исследования по методике А.И. Крупнова

Организованность (структурные компоненты и переменные)		Офицеры, 26 чел.	1 курс, 41 чел.	2 курс, 40 чел.	3 курс, 40 чел.
Установочно-целевой	Общественно значимые цели	44,5	46,3	41,9	44,1
	Личностно значимые цели	46,7	35,7	44,5	46,1
Мотивационный	Социоцентричность	44,3	44,2	39,6	40,2
	Эгоцентричность	46,7	33,4	43,2	45,4
Когнитивный	Осмысленность	47,2	31,5	40,4	45,3
	Осознанность	41,6	29,4	38,6	39,8
Результативный	Предметность	45,9	40,2	42,5	44,8
	Субъектность	48,5	37,3	44,1	46,2
Динамический	Энергичность	45,3	43,2	42,3	44,2
	Аэнергичность	41,8	34,5	39,8	40,3
Эмоциональный	Стеничность	46,7	36,6	43,7	45,6
	Астеничность	42,5	30,8	38,1	39,5
Регуляторный	Интернальность	45,1	48,4	42,4	45,2
	Экстернальность	40,8	32,2	37,2	41,7
Рефлексивно-оценочный	Операциональные трудности	6,18	14,7	8,14	7,21
	Личностные трудности	6,92	13,2	8,25	7,84

Примечание. Жирным шрифтом выделены структурные компоненты организованности сотрудника пенитенциарной службы.

Из таблицы видно, что в рассматриваемых группах респондентов наблюдаются изменения показателей по структурным компонентам организованности.

Анализируя уровни проявления структурных компонентов организованности у офицеров, стоит отметить, что в целом их проявление не носит критического характера ни у одной из групп испытуемых. Гармонично сформированы и практически ровно проявлены показатели переменных организованности по всем компонентам.

Мотивационный, когнитивный, результативный и регуляторный компоненты выражены на достаточно высоком уровне. Исключение составляет лишь рефлексивно-оценочный компонент организованности, который имеет тенденцию к снижению. Переменная «личностные трудности» имеет большее значение, чем переменная «операциональные трудности».

Рассматривая уровни проявления структурных компонентов организованности у курсантов первого курса, стоит отметить

общую хаотичность развития и сформированности всех компонентов. Высокое значение имеют мотивационный и рефлексивно-оценочный компоненты, при этом в первом компоненте большую роль играет социоцентричность, а во втором – операциональные трудности. Остальные компоненты обнаруживают низкий уровень развития. Такие значения в группе испытуемых свидетельствуют о нецелостности структуры личной организованности, что является результатом недостатка опыта. Вероятно, это вызвано переоценкой личностью своей внутренней системы мотивов и смыслов.

У курсантов второго курса наблюдается изменение в ряде структурных компонентов. Так, например, мотивационный, результативный, когнитивный и регуляторный компоненты имеют низкий уровень развития, а рефлексивно-оценочный компонент находится на нижней границе среднего уровня сформированности и развития, что говорит о снижении уровня трудностей. На этот период обучения у курсантов приходится некоторое накопление жизненного и профессионального опыта, который представляется надежным инструментом, обеспечивающим успешную деятельность, хотя полученные в ходе исследования данные по результативному компоненту свидетельствуют об обратном.

Анализируя структурные компоненты организованности у курсантов третьего курса, можно говорить о значениях, близких к показателям офицеров. В данном случае наблюдаются количественные и качественные изменения в психологической структу-

ре личности, которые обуславливают более организованную, а следовательно, и более эффективную деятельность.

Также на данном этапе исследования применялся специально разработанный протокол наблюдения, который позволил изучить и уточнить динамику проявления результативного компонента в повседневных условиях.

Данные, полученные с помощью метода наблюдения, распределились следующим образом: у офицеров высокие показатели продемонстрировали более половины респондентов (58%), среди курсантов первого курса высокие показатели были зафиксированы всего лишь у 10%, среди курсантов второго курса – у 43% испытуемых, на третьем курсе такие показатели обнаружили 53% испытуемых.

Нельзя не отметить, что с каждым годом обучения у курсантов повышается общая результативность всех видов деятельности: улучшается качество обучения, повышается уровень служебной дисциплины, курсанты активнее участвуют в жизни подразделения и т.д.

Итак, данные, полученные с помощью метода наблюдения (протокол наблюдения), подтверждают результаты применения теста-опросника организованности А.И. Крупнова в контексте общей инструментально-методологической идеи.

Также на втором этапе в целях обеспечения высокого уровня объективности в ходе исследования психологической природы организованности личности применялся 16-факторный опросник Кеттелла (табл. 2).

Таблица 2

Анализ значений по факторам в группах испытуемых с использованием методики Р. Кеттелла

Наименование шкал	Офицеры (ЭГ № 1)	Первый курс (ЭГ № 2)	Второй курс (ЭГ № 3)	Третий курс (ЭГ № 4)
А (замкнутость – общительность)	7,5	2,1	1,4	2,5
В (интеллект)	5,2	3,6	3,9	3,5
С (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность)	8,6	2,7	2,2	1,8
Е (подчиненность – доминантность)	5,5	6,8	4,8	4,8
F (сдержанность – экспрессивность)	7,3	4,9	4,3	4,6
G (низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения)	8,8	2,4	2,4	3,3
Н (робость – смелость)	6,4	2,3	1,7	3
I (жесткость – чувствительность)	4,3	3,0	2,2	3,5
L (доверчивость – подозрительность)	8,1	5,4	4,4	5
М (практичность – мечтательность)	4,8	3,2	4,3	3,9
N (прямолинейность – дипломатичность)	7,2	5,3	4,5	6,1
О (спокойствие – тревожность)	5,3	3,6	3,7	4,7
Q1 (консерватизм – радикализм)	8,3	4,4	3	3,8

Q2 (конформизм – нонконформизм)	4,6	5,1	6,7	5,1
Q3 (низкий самоконтроль – высокий самоконтроль)	7,4	3	2	3,3
Q4 (расслабленность – напряженность)	8,7	4,7	5,1	4,9
MD (адекватная самооценка – неадекватная самооценка)	5,5	2,5	2,9	3,9
F1 (тревога)	3,5	9,2	6,1	4,8
F2 (экстраверсия – интроверсия)	3,8	8,5	7,4	5,2
F3 (чувствительность)	4,3	7,7	6,3	4,9
F4 (конформность)	5,2	7,5	2,1	4,5

Таким образом, мы имеем возможность наблюдать степень проявления показателей по факторам у всех групп исследуемых. Исходя из анализа полученных результатов, можно констатировать рост значений с каждым новым этапом в системе подготовки специалиста пенитенциарной службы.

Вызывает интерес выявление взаимосвязей между показателями, отражающими интегральные личностные качества сотрудника пенитенциарной службы (опросник Р. Кеттелла), и показателями, полученными при помощи теста-опросника организованности А.И. Крупнова. В целом рассматриваемый симптомокомплекс характеризует такое качество, как организованность. Это позволяет раскрыть психологическое содержание исследуемого понятия.

В группе курсантов первого курса корреляционная плеяда имеет целостный и обобщенный вид, что подтверждает взаимосвязь и взаимообусловленность личных свойств и показателей организованности, проявляющихся в деятельности.

Фактор G «высокая нормативность поведения – низкая нормативность поведения» у курсантов первого курса имеет наибольшее количество прямых положительных взаимосвязей с такими переменными компонентами организованности, как социоцентричность, осмысленность, осведомленность, субъектность, экстернальность, операциональные и личностные трудности.

Фактор N «прямолинейность – дипломатичность» имеет пять отрицательных связей: с показателями «эгоцентричность», «осмысленность», «предметность», «интернальность», «личностные трудности».

Фактор H «боязнь – смелость», характеризующий в основном активность в общении, обладает четырьмя отрицательными связями с переменными компонентами (предметность, субъектность, интернальность, экстернальность).

Фактор B, являющейся показателем общего уровня развития интеллекта, имеет

пять значимых корреляций: с эгоцентричностью, осмысленностью, субъектностью, интернальностью, личностными трудностями.

Выборка курсантов второго курса характеризуется иным образом.

Фактор G имеет прямые положительные взаимосвязи с такими переменными организованности, как эгоцентричность, предметность, экстернальность, личностные трудности.

Фактор N имеет отрицательные связи с такими переменными организованности, как интернальность, экстернальность и личностные трудности.

Фактор H, описывающий способность общаться и активность в общении, имеет положительные связи с переменными «социоцентричность», «осмысленность», «субъектность», «операциональные трудности».

Фактор B как показатель развития интеллекта имеет положительные связи со следующими переменными организованности: эгоцентричность, осмысленность, предметность, интернальность.

У курсантов третьего курса фактор G коррелирует с переменными «эгоцентричность», «осмысленность», «субъектность», «интернальность», «личностные трудности»; фактор N имеет положительные связи с переменными «эгоцентричность», «предметность», «субъектность» и «экстернальность»; фактор H характеризуется положительными связями с переменными «социоцентричность», «осмысленность», «интернальность» и «личностные трудности»; фактор B имеет отрицательные связи с переменными «социоцентричность», «осмысленность», «субъектность» и «операциональные трудности».

В группе офицеров фактор G имеет наименьшее количество прямых положительных зависимостей – две связи: с интернальностью и личностными трудностями; фактор N характеризуется положительными взаимосвязями с переменными «социоцентричность», «эгоцентричность», «субъектность», «интернальность»; фактор H имеет отрица-

тельные связи с переменными «эгоцентричность», «предметность», «интернальность», «операциональные трудности»; фактор В имеет положительные взаимосвязи со следующими переменными, характеризующими личностный симптомокомплекс организованности: «осмысленность», «предметность», «интернальность» и «личностные трудности».

Полученные в экспериментальных группах данные отличаются обобщенностью, которая дает возможность говорить о том, что организованная личность имеет достаточно высокий уровень развития интеллекта (фактор В), для нее характерна высокая нормативность поведения (фактор G), определяющая внутренний локус контроля, в своей деятельности она преимущественно ориентирована на предметность.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Организованность как личностное и профессионально значимое качество сотрудника ППТс Украины формируется и развивается по мере вхождения в профессию. Результаты, полученные в ходе исследования, экспериментально подтверждают перемены в структуре личной организованности сотрудника пенитенциарной службы с течением времени.

2. Профессиональная деятельность сотрудника ППТс Украины по мере накопления жизненного и профессионального опыта становится более продуктивной.

3. Проведенный корреляционный анализ позволил выявить как общие психологические характеристики, так и особенности, свойственные каждой группе респондентов. Так, курсантам младших курсов присущи

эмоциональная нестабильность, высокий уровень тревожности, низкий уровень развития волевой сферы, наличие как личностных, так и операциональных трудностей, а для выпускников (курсантов третьего курса) и офицеров характерна более осознанная деятельность, направленная на достижение максимальной эффективности. Последняя категория испытуемых отличается более высоким уровнем волевой саморегуляции, высоким контролем эмоций и поведения.

4. Высокие показатели личной организованности у офицеров (сотрудников пенитенциарной службы) в основном связаны с интеллектуальными характеристиками личности: высокой общей культурой, стремлением к познанию и самосовершенствованию. Все признаки, вошедшие в эту группу (оценка самой организованности, дисциплинированности, принципиальности, пунктуальности, ответственности, собранности, продуктивности), образуют определенный симптомокомплекс, отражающий психологическое содержание такого личностного качества, как организованность.

5. Организационно-методическая идея способна обеспечить решение задач исследования по изучению психологических особенностей природы личной организованности сотрудников пенитенциарной службы, а также выявлению уровня сформированности личной организованности и обеспечению ее коррекции в случае необходимости.

6. Детерминация личной организованности и ее психологических составляющих, выступающих в качестве регуляторов поведения, является перспективной темой для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. М., 1980. Т. 1. С. 94.

² Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 122.

³ См.: Крупнов А.И. Об изучении и формировании базовых свойств личности студента // Студент на пороге XXI века. М., 1990. С. 32.

⁴ См.: Небылицин В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976. С. 136.

⁵ Крупнов А.И. О единице целостного анализа личности и индивидуальности // Практическая психология: Ежегодник. Екатеринбург, 1998. Т. 1. С. 218.

⁶ См. подр.: Шамрук О.П. Змістова структура організованості офіцера-пенітенціарія // Вісник Національного університету оборони України. 2013. Вип. 1 (32). С. 328–332.

¹ Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya // Anan'ev B.G. Izbrannye psihologicheskie trudy: V 2 t. / Pod red. A.A. Bodaleva, B.F. Lomova. M., 1980. T. 1. S. 94.

² Platonov K.K. Struktura i razvitie lichnosti. M., 1986. S. 122.

³ Sm.: Krupnov A.I. Ob izuchenii i formirovanii bazovykh svoystv lichnosti studenta // Student na poroge XXI veka. M., 1990. S. 32.

⁴ Sm.: Nebylicin V.D. Psihofiziologicheskie issledovaniya individual'nyh razlichij. M., 1976. S. 136.

⁵ Krupnov A.I. O edinice celostnogo analiza lichnosti i individual'nosti // Prakticheskaja psihologija: Ezhegodnik. Ekaterinburg, 1998. T. 1. S. 218.

⁶ Sm. podr.: Shamruk O.P. Zmistovna struktura organizovanosti oficera-penitenciarija // Visnik Nacional'nogo universitetu obronny Ukraini. 2013. Vip. 1 (32). S. 328–332.

К вопросу о применении оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы и требования к их профессиональным качествам

Т.В. ВИКТОРОВА – старший психолог отдела охраны ФКУ ИК-19 ГУФСИН России по Республике Коми (г. Ухта)

Служба в подразделениях охраны ФСИН России осуществляется в экстремальных условиях и предъявляет особые требования к профессиональным качествам сотрудников. Наделяя последних властными полномочиями (применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и др.), государство возлагает на них огромную ответственность за целесообразное использование этих возможностей. В связи с этим необходимо проводить соответствующую психологическую работу (диагностические мероприятия), специальные учебные занятия в рамках профессиональной подготовки сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: сотрудники отдела охраны исправительного учреждения; профессионально важные качества сотрудника, допущенного к несению службы с огнестрельным оружием; психологические методики, применяемые в работе с сотрудниками отдела охраны учреждений ФСИН России.

To the question of the use of weapons by the staff of penal system and requirement to their professional qualities

T.V. VICTOROVA – Senior Psychologist of the Security Department of FKU IK-19 GUF SIN Russia in the Komi Republic (Ukhta)

Serving in the security units of the Federal Penal Service of Russia goes in extreme conditions, and imposes special requirements to the professional qualities of employees. Giving authority (the use of physical force, special means, firearms and other), the state imposes on prison personnel huge responsibility for the expedient use of this provision. It is therefore necessary to psychological work (diagnostic measures), special training sessions under the training of employees of bodies and establishments executing punishment in the form of deprivation of liberty.

Key words: employees of security department of protection of the facility; professionally important qualities employee authorized for duty with firearms; psychological techniques to be used in work with personnel of the security department of protection of the institutions of the Federal penitentiary service of Russia.

Отделы охраны исправительных учреждений являются теми подразделениями, в которых сотрудники постоянно несут службу с оружием. В связи с этим последние должны обладать высоким уровнем самоконтроля, эмоциональной стабильностью, обнаруживать отсутствие тревожности, склонности к депрессии, проявлять склонность к сотрудничеству, компромиссному общению, бесконфликтному поведению. Кандидаты на службу должны уметь быстро ориентироваться в сложной и динамичной оперативной обстановке, сохранять самообладание и способность к адекватному реагированию в экстремальных ситуациях, иметь оптимальную склонность к риску, владеть приемами

самообороны, уметь применять физическую силу, специальные средства и оружие¹.

Для реализации данных задач государство наделило сотрудников УИС властными полномочиями, которые закреплены в Законе Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральном законе от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», других нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность служб и подразделений УИС.

В гл. 5 ст. 31 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в

виде лишения свободы» перечислены особые случаи, в которых сотрудникам УИС позволено использовать и/или применять (в том числе без предупреждения) огнестрельное оружие.

В данной ситуации необходимо разграничить понятия «применение» и «использование». Применение огнестрельного оружия – производство прицельного выстрела из табельного оружия на поражение посягающего или задерживаемого. Использование огнестрельного оружия – производство выстрела из табельного оружия для устранения опасностей, указанных в гл. 5 ст. 31 названного закона, без намерения причинить вред человеку².

Ориентируясь на эти понятия, легче оценить значимость огнестрельного оружия в разрешении той или иной критической ситуации.

Неправомерное применение оружия является грубым нарушением законности. Виновные в этом сотрудники правоохранительных органов могут нести уголовную или дисциплинарную ответственность в зависимости от того, образуют ли совершенные неправомерные действия состав преступления (например, ст. 105, 107–109, 111, 112, 115, 118, 285, 286, 293 УК РФ).

В ходе индивидуальных бесед, проводимых психологом, сотрудники признаются, что на практике существует некоторая дилемма: применив оружие на поражение в случае побега осужденного из-под стражи либо в других случаях (описанных в ст. 31), они, если будет доказано нарушение предусмотренных законодательством правил применения оружия (а такие случаи известны), могут сами оказаться на скамье подсудимых, если же оружие применено не будет, то сотрудника ждет увольнение из УИС. Поэтому одной из основных причин боязни неправомерного применения оружия является потенциальная возможность привлечения к ответственности в последующем.

Описанное состояние личности выявляется и посредством устных опросов, проводимым психологом. По их результатам сами сотрудники считают себя полностью готовыми использовать и применять оружие, владеют знаниями по использованию и применению оружия в рамках закона. Анонимное анкетирование дает более правдивую информацию: все опрошенные сотрудники³ могут использовать оружие, но в то же время лишь 97% из них смогут его применить, а значит 3% не применяют оружие по неизвестным причинам, при этом, возможно, допустят побег осужденного из-под стражи и тем самым подвергнут опасности свою жизнь или жизни посторонних людей. А говорить о последствиях в случае, если ору-

жие окажется в руках преступника, и вовсе не приходится. Поэтому крайне важно выяснить причины указанной «неспособности».

Данная боязнь сотрудниками вполне осознается, и это объяснимо: ведь на практике ситуации побега осужденных, массовых волнений, захвата заложников и т.д. случаются крайне редко, и предположить, как поведет себя сотрудник в этой обстановке, довольно сложно. Можно с полной ответственностью утверждать, что некоторые сотрудники не готовы (прежде всего психологически) к исполнению своих профессиональных обязанностей. Поэтому перед психологами отделов охраны УИС стоит непростая задача: выяснить, при каких обстоятельствах у сотрудника проявится неготовность к выполнению им профессиональных обязанностей и как повысить уровень сформированности профессионально важных качеств, необходимых для успешного выполнения служебных функций.

Уровень развития некоторых профессиональных качеств сотрудника отдела охраны применительно к службе с огнестрельным оружием можно выявить при помощи психодиагностических методов. Так как на сегодняшний день не разработано конкретных методических рекомендаций, каждый психолог самостоятельно осуществляет подбор методик. Рассмотрим ряд методик, способных помочь пенитенциарным психологам в работе с сотрудниками отдела охраны исправительного учреждения:

1. Количественные показатели базисных шкал MMPI⁴ определяют степень выраженности той или иной личностной тенденции. Особое внимание нужно обратить на сочетание показателей 7-й (устанавливается сходство обследуемого с навязчивыми действиями и мыслями) и 2-й (предназначена для определения степени субъективной депрессии, морального дискомфорта) шкал. Повышение показателей 7-й шкалы (особенно при одновременном повышении показателей 2-й) может свидетельствовать о психастенических симптомах, выражающихся в неуверенности, нерешительности (неспособности применить оружие на поражение).

2. Стремление к риску связано с направленностью личности на достижение цели или избегание неудачи, поэтому при помощи методики RSK (опросник Шуберта) можно выявить так называемых «рисковых» и «осторожных». Человек, стремящийся рискнуть в одной ситуации, будет аналогично вести себя и в других. Нерешительность сотрудника может явиться следствием непри-
менения им оружия.

3. Методика STAI-I Ч. Спилбергера (в авторской адаптации Ю.Л. Ханина) направлена на выявление уровня тревоги – важнейшего показателя психического состояния индивида. Необходимость диагностировать состояние тревожности связано с тем, что высокий уровень реактивной и личностной тревожности негативно влияет на успешность профессиональной деятельности, процесс адаптации молодых специалистов к новым условиям работы, а также отражается на общем самочувствии сотрудников, несущих службу с оружием.

4. При обработке результатов теста Кеттелла (16-PF) рекомендуется обратить внимание на шкалу «О» (уверенность в себе – тревожность). При высоких оценках обследуемому свойственны тревожность, депрессивность, ранимость, впечатлительность. Это обязательно проявится в стрессовой ситуации, а значит, является одним из доказательств того, что человек не сможет в экстремальных обстоятельствах применить оружие.

Оставаясь в рамках только психодиагностических измерений, затруднительно утверждать, что даже высокий уровень развитости тех или иных качеств у сотрудника в реальных условиях деятельности будет способствовать профессиональной успешности.

Для обеспечения уверенного поведения сотрудников отделов охраны УИС при выполнении ими своих должностных обязанностей требуется последовательная и систематическая правовая и психологическая подготовка. Так, в приказе Минюста России от 27.08.2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы» закреплено, что служебно-боевой подготовке в учебном году следует уделять не менее 10 часов, психологической – не менее 2 часов.

На учебных занятиях по специальной подготовке необходимо обучать сотрудников си-

туационному планированию, обсуждать возможные экстремальные ситуации, например побег осужденного, осуществлять всесторонний анализ их вероятных последствий. Для каждого места несения службы (каждого потенциального участника рискованных правоотношений) следует создавать конкретные ситуационные планы действий, снижающие неопределенность и дающие возможность тренировки в модельных ситуациях.

На занятиях по психологической подготовке важно изучать и отрабатывать методы и приемы саморегуляции, позволяющие сохранять физическое и психическое здоровье, поддерживать высокую работоспособность сотрудников на протяжении длительного периода времени. При этом следует помнить о развитии важных профессиональных качеств, таких как наблюдательность и внимание, эмоциональная устойчивость, саморегуляция, ответственность, умение выбирать из нескольких вариантов решения оптимальный, а также способность принять решение при недостатке информации, умение определять объем информации, нужный для принятия решения, и навык быстрого действия в условиях дефицита времени. Необходимо предусмотреть увеличение количества часов на учебные занятия с сотрудниками рассматриваемых подразделений уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, в уголовно-исполнительной системе предъявляются особые требования к профессиональным качествам персонала, допущенного к несению службы с оружием. Для повышения надежности и эффективности служебной деятельности сотрудников отделов охраны, профилактики деструктивных форм их поведения рекомендуется использование различных психологических методик, а также осуществление качественной специальной профессиональной подготовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кокурин А.В., Овчарова Е.В. Направления оптимизации психологического сопровождения сотрудников подразделений охраны ФСИН России. <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=15&art=4396> (дата обращения: 27.02.2014 г.).

² См.: Попов В.И., Каплунов А.И. Правовые основы применения и использования сотрудниками милиции огнестрельного оружия: теория и практика: Моногр. / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 13.

³ Исследование проводилось в 2013 г. ФКУ ИК-19 ГУФСИН России по Республике Коми при участии 64 сотрудников отдела охраны.

⁴ MMPI, Миннесотский многоаспектный личностный опросник, разработанный в Университете Миннесоты, – наиболее изученная и одна из самых популярных психодиагностических методик, широко применяемая в клинической практике.

¹ Sm.: Kokurin A.V., Ovcharova E.V. Napravlenija optimizacii psihologicheskogo soprovozhdenija sotrudnikov podrazdelenij ohrany FSIN Rossii. <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=15&art=4396> (data obrashhenija: 27.02.2014 g.).

² Sm.: Popov V.I., Kaplunov A.I. Pravovye osnovy primenenija i ispol'zovanija sotrudnikami milicii ognestrel'nogo oruzhija: teorija i praktika: Monogr. / Pod red. V.P. Sal'nikova. SPb., 2001. S. 13.

³ Issledovanie provodilos' v 2013 g. FKU IK-19 GUF SIN Rossii po Respublike Komi pri uchastii 64 sotrudnikov otdela ohrany.

⁴ MMPI, Minnesotskij mnogoaspektnyj lichnostnyj oprosnik, razrabotannyj v Universitete Minnesoty, – naibolee izuchennaja i odna iz samyh populjarnyh psihodiagnosticheskikh metodik, shiroko primenjaemaja v klinicheskoj praktike.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Организационно-правовые особенности и проблемы управления ведомственными образовательными организациями в связи с принятием федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

■ **С.Н. ЕМЕЛЬЯНОВ** – начальник Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье раскрываются положения нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» применительно к управлению ведомственной образовательной организацией высшего образования, обозначаются проблемы, связанные с реализацией данного закона в деятельности образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний.

Ключевые слова: управление; образовательная организация; преобразование; право.

Organizational and legal features and problems of management of the departmental educational organizations in connection with adoption of the Federal law «About education in the Russian Federation»

■ **S.N. YEMELYANOV** – Chief of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Phd. in Pedagogy, Associate Professor

In article provisions of the new Federal law «About education in the Russian Federation» in relation to management of the departmental educational organization of the higher education reveal; the problems connected with implementation of this Law in activity of the educational organizations of Federal Penitentiary Service are designated.

Key words: management; educational organization; transformation; right.

Одним из приоритетных направлений деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. является совершенствование кадрового обеспечения и повышение социального статуса работников. Реализация комплекса задач, составляющих содержание данного направления, в основном связана с совершенствованием системы профессионального обучения сотрудников за счет повышения эффективности управления как органами и

учреждениями УИС, так и образовательными организациями, особенно высшего образования, функции учредителя которых исполняет Федеральная служба исполнения наказаний.

Совершенствование управления образовательными организациями ФСИН России в современных условиях в первую очередь обусловлено необходимостью выполнения требований, с одной стороны, Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 273-ФЗ)¹,

вступившего в силу с 1 сентября 2013 г., нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, Минобрнауки России и Рособнадзора, а с другой стороны, учредителя – ФСИН России.

Согласно ст. 26 федерального закона № 273-ФЗ «управление образовательной организацией осуществляется на основе сочетания принципов единоначалия и коллегиальности». При этом закон не предусматривает принятия федеральными органами типовых положений об образовательных организациях и, следовательно, является в данном вопросе нормативным правовым актом прямого действия. Более подробной информации о сочетании названных принципов федеральный закон № 273-ФЗ не содержит, тем самым закрепляя, что вся система управления образовательной организацией высшего образования определяется прежде всего ее уставом. Вместе с тем в соответствии с этим же законом единственным исполнительным органом данной организации является ректор (применительно к ФСИН России – начальник образовательной организации), который осуществляет текущее руководство ее деятельностью.

Кроме того, в федеральном законе № 273-ФЗ перечислены общие названия коллегиальных органов управления, наличие которых в образовательной организации либо обязательно, либо возможно: к первой группе относятся общее собрание (конференция) работников и обучающихся и ученый совет, ко второй – попечительский, управляющий, наблюдательный советы и другие коллегиальные органы управления, предусмотренные уставом конкретной образовательной организации.

Одновременно ч. 5 ст. 81 федерального закона № 273-ФЗ определяет, что управление федеральной государственной образовательной организацией, находящейся в ведении федеральных государственных органов, указанных в ч. 1 ст. 81, осуществляется в соответствии с федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных сил Российской Федерации и нормативными правовыми актами федерального государственного органа, в ведении которого находится соответствующая образовательная организация. Применительно к образовательной организации ФСИН России таким органом выступает Федеральная служба исполнения наказаний.

В 2014 г. основные задачи по совершенствованию управления образовательными организациями ФСИН России в связи с вве-

дением федерального закона № 273-ФЗ заключаются в следующем:

- переработать уставы образовательных организаций в соответствии с требованиями данного закона;
- создать и поддерживать в актуальном состоянии системы менеджмента качества и системы информирования;
- внести во ФСИН России предложения по формированию перечня нормативных правовых актов, разрабатываемых учредителем в соответствии с требованиями рассматриваемого закона, а также по их содержанию.

Согласно требованиям Минобрнауки России и Рособнадзора основными направлениями совершенствования управления образовательными организациями ФСИН России являются:

- разработка локальных актов образовательных организаций (правила приема по уровням подготовки; положения о приемной, апелляционной и других комиссиях; формы договоров о платных образовательных услугах и т.д.) в соответствии с приказами Минобрнауки России и Рособнадзора;
- разработка основных образовательных программ и учебных планов, обусловленных утверждением федеральных государственных образовательных стандартов поколения 3+ (далее – ФГОС);
- переоформление лицензий и свидетельств о государственной аккредитации;
- обеспечение выполнения требований ФГОС и аккредитационных требований.

В соответствии с положениями концепции и требованиями ФСИН России основными направлениями совершенствования управления ведомственными образовательными организациями выступают:

- повышение качества образовательных программ в области юриспруденции, экономики, государственного управления, усиление антикоррупционной направленности в образовательных программах дополнительного профессионального образования работников УИС;
- совершенствование специальной и психофизической подготовки работников, улучшение методического обеспечения и условий проведения занятий, оборудование полигонов и рабочих мест.

Кроме того, успешность и эффективность управления образовательной организацией ФСИН России зависит от качества взаимодействия всех ее структурных подразделений, функционирующих для достижения единой цели – подготовки квали-

фицированных кадров, способных в кратчайшие сроки после выпуска приступить к выполнению профессиональных обязанностей.

Как показывает практика, многие проблемы управления образовательными организациями возникают из-за недопонимания ситуации профессорско-преподавательским составом, учебно-вспомогательным персоналом, что обусловлено недостаточным уровнем владения информацией, незнанием ситуации в полном объеме, неумением сопоставить отдельные задачи подразделения с общими задачами вуза. Важно, чтобы каждый член коллектива понимал, что принимать решения по различным вопросам жизнедеятельности образовательной организации могут практически все работники вуза. Одним из путей преодоления такого рода трудностей может стать более эффективное проведение занятий в системе служебной подготовки с обязательным тестированием профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала на знание новых требований нормативных правовых актов в области образования.

Однако главное в управлении образовательной организацией высшего образования – это обеспечение эффективности принимаемых управленческих решений и строгий контроль их исполнения.

По мнению В.И. Журко, в целом управленческая деятельность образовательной организации должна быть направлена:

- на разработку стратегии и концептуальных основ образовательной деятельности вуза;
- внедрение инновационных образовательных технологий и перспективных форм организации образовательного процесса;
- разработку нормативных, экономических, методических и организационных основ развития, совершенствования и модернизации образовательного процесса;
- координацию образовательной деятельности кафедр, факультетов и других учебных подразделений вуза;
- контроль за осуществлением образовательного процесса и реализацией учебных планов и нормативных документов по подготовке специалистов;
- обеспечение взаимодействия подразделений в интересах повышения качества подготовки специалистов в соответствии с современными требованиями, реализации стратегии развития образовательной деятельности вуза².

Таким образом, как заключает В.И. Журко, эффективным можно считать то управление вузом, которое будет обеспечивать высокое качество образования при успешной экономической и социальной политике.

Одним из показателей эффективности управления образовательной организацией ФСИН России является уровень закрепляемости выпускников на службе после окончания обучения. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что далеко не все они успешно адаптируются к специфическим условиям пенитенциарных учреждений, некоторые недостаточно владеют профессиональными умениями и навыками, не всегда готовы проявлять творчество и инициативу в нестандартных ситуациях. Очевидно, это является следствием как ошибок в отборе кадров для обучения, так и упущений в профессиональной подготовке специалистов, несоответствия образовательного процесса требованиям современной практики, недостаточной научной разработанности организационно-правовых аспектов работы с персоналом, в том числе с курсантами и слушателями.

Однако в настоящее время концепция и практика управления УИС кардинальным образом меняются, что оказывает непосредственное влияние на реализацию управления персоналом, к которому относятся работники и обучающиеся образовательных организаций ФСИН России. Стремление к демократизации процесса управления исполнением уголовных наказаний, приведение его в соответствие с требованиями международных стандартов обусловили необходимость формирования работников (сотрудников) УИС нового типа, способных качественно решать усложняющиеся задачи по исправлению, ресоциализации осужденных.

Воспитание будущих сотрудников УИС сегодня следует организовывать, используя передовые подходы и методы, например партисипативные – предполагающие вовлечение сотрудников в процесс управления. Иными словами, сотрудники организации (а в нашем случае это постоянный и переменный состав образовательной организации ФСИН России) могут участвовать в постановке целей, анализе проблем и принятии решений. Данный метод управления играет важную роль в формировании мотивации сотрудников, призван способствовать творческой активности каждого курсанта и офицера, поскольку любой сотрудник может проявить себя и применить свои знания, вы-

двинув то или иное предложение для решения конкретной задачи.

При правильно организованной работе участие в управлении повышает качество принимаемых решений и самооценку сотрудников. Это проявляется в разнообразии идей, увеличении количества предлагаемых альтернатив, привносит больше опыта в решение вопросов организации образовательного процесса. Также растет качество выполнения поставленных задач, поскольку сотрудник с большим желанием и ответственностью реализует именно те задачи, которые он сам полностью или частично (в коллективе) сформулировал.

Возможность участия работников образовательной организации в управлении ею закреплена в ст. 34 федерального закона № 273-ФЗ, а также в локальных актах ФСИИ России, которыми предусматриваются функционирование советов курсов, наделенных, в частности, правами вносить предложения руководству вуза по различным вопросам жизнедеятельности курсантов, участие представителей обучающихся в работе ученого совета.

Не менее важный вопрос, решение которого в большей степени находится в компетенции руководства вузов и в значительной мере обуславливается грамотностью принимаемых управленческих решений, – это чему учить и как учить. Очевидно, что при подготовке специалистов по заказу ФСИИ России следует ориентироваться на то, чтобы из стен образовательной организации выходили сотрудники, не нуждающиеся с первых дней службы в «доучивании» для выполнения профессиональных задач.

Как известно, в образовательные организации ФСИИ России в основном поступает молодежь сразу после окончания школы, то есть лица, не имеющие жизненного и практического опыта, в силу чего требуются большие усилия по формированию у них профессиональных компетенций, необходимых сотрудникам УИС. Эта кропотливая работа начинается со специальной первоначальной подготовки после зачисления курсантов очного обучения (с 1 по 30 августа). Однако данная программа не входит в ФГОС, и, следовательно, ее реализация вне рамок основной образовательной программы увеличивает срок обучения курсантов на один месяц.

Безусловно, подготовка специалистов для УИС невозможна без участия заказчика (ФСИИ России) в управлении образовательным процессом: формировании основных

образовательных программ, согласовании программ практик, государственной итоговой аттестации выпускников в целях определения соответствия уровня их подготовки задачам будущей самостоятельной служебной деятельности.

Это нашло подкрепление в нормах федерального закона № 273-ФЗ, где, в частности, устанавливается, что порядок управления ведомственными образовательными организациями, разработки программ и т.п. предполагает два вида правового регулирования: общее (на уровне федерального закона) и специальное (на уровне подзаконных актов федерального государственного органа, в ведении которого находятся соответствующие образовательные организации, в нашем случае – актов ФСИИ России, в интересах которой вуз осуществляет образовательную деятельность).

Следует отметить, что образовательные организации ФСИИ России столкнулись со значительными проблемами в адаптации к изменившейся социально-экономической среде и законодательной базе. Требуемый уровень управления образовательной системой в целом и каждой отдельной образовательной организацией ФСИИ России не достигнут в полной мере ввиду того, что нормативные правовые акты Минобрнауки России, регламентирующие различные аспекты деятельности вузов, еще не утверждены, тогда как необходимость разработки локальных актов на их основе имеется. В создавшейся ситуации вузам приходится опираться лишь на проекты нормативных правовых актов, которые, как показывает практика, не всегда понятны, не до конца продуманы и к моменту утверждения оказываются больше чем на половину изменены.

Федеральный закон № 273-ФЗ по сравнению с ранее действовавшими актами законодательства предоставляет образовательным организациям определенную свободу и самостоятельность в решении целого ряда вопросов, в том числе и вопросов управления.

В частности, в этом законе установлено, что локальными нормативными актами образовательной организации могут регулироваться: 1) правила приема обучающихся; 2) режим занятий; 3) формы, периодичность и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся; 4) порядок и основания перевода, отчисления и восстановления обучающихся; 5) порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отноше-

ний между образовательной организацией и обучающимися и (или) их родителями (законными представителями).

Особенно важными для вузов ФСИИ России в свете рассматриваемой проблемы представляются пункты 1, 4 и 5 приведенного перечня, ввиду того что основными в управленческой деятельности любого органа или учреждения УИС, в том числе образовательной организации, являются подбор, выдвижение, расстановка персонала, а также отбор кандидатов для приема на обучение, перевода с одной формы обучения на другую, при котором учреждение выделяет из ряда претендентов одного (или нескольких), наилучшим образом отвечающего определенным критериям. По логике вещей это должно распространяться и на прием обучающихся на факультеты подготовки научно-педагогических кадров, однако на деле ситуация несколько иная.

В кадровом обеспечении функционирования УИС факультеты подготовки научно-педагогических кадров (адъюнктуры) образовательных организаций ФСИИ России играют важную роль, так как их выпускники впоследствии замещают должности профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, руководителей различного уровня в территориальных органах. Вместе с тем руководители образовательных организаций ФСИИ России не могут решить все вопросы, связанные с приемом в адъюнктуру. Проблема заклю-

чается в том, что для реализации положений федерального закона № 273-ФЗ в части осуществления подготовки кадров высшей квалификации Минобрнауки России должно разработать и утвердить ФГОС по программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре. Затем в соответствии с требованиями указанного закона ФСИИ России необходимо будет сформировать примерные образовательные программы и согласовать их с Минобрнауки России. И только на основе утвержденных приказами Минобрнауки и ФСИИ России примерных программ, регулирующих вопросы приема и обучения в адъюнктурах, образовательные организации смогут самостоятельно разработать локальные акты, касающиеся осуществления образовательного процесса на факультете подготовки научно-педагогических кадров (в адъюнктуре). Как видим, от декларированной до реальной самостоятельности образовательных организаций в части управления указанным направлением образовательной деятельности на деле весьма далеко.

Таким образом, система и принципы управления образовательными организациями ФСИИ России в современный сложный и ответственный период развития УИС, безусловно, нуждаются не просто в совершенствовании и детализации, а в дополнительной регламентации как со стороны Минобрнауки России, так и со стороны ФСИИ России.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российская газета. 2012. 31 дек.

² См.: Журко В.И. Особенности управления в современной системе высшего образования. СПб., 2003. Т. 3. № 6.

¹ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2012. 31 dek.

² Sm.: Zhurko V.I. Osobennosti upravlenija v sovremennoj sisteme vysshego obrazovanija. SPb., 2003. T. 3. № 6.

Понятие управленческого решения в уголовно-исполнительной системе: правовой аспект

А.И. ВОДОПОЛОВ – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируются признаки и понятие управленческого решения в уголовно-исполнительной системе с точки зрения юриспруденции, а также рассматривается классификация управленческих решений, предполагающая их разделение на нормативные правовые и правоприменительные акты.

Ключевые слова: управленческое решение в уголовно-исполнительной системе; нормативный правовой акт; правоприменительный акт; локальный правовой акт.

Concept of managerial decision in penal service: legal aspect

A.I. VODOPOLOV – Lecturer of the Department of State-Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the concept of features and management solutions in the penal system from the point of view of jurisprudence. The classification of administrative decisions on regulations and enforcement acts is represented in the paper.

Key words: management decision in Penal service; regulation; enforcement act; local legal act.

Управленческое решение – явление многоплановое, находящееся на пересечении различных сфер деятельности человека: это и своеобразный способ познания действительности и предвидения ее развития, и способ влияния на нее; это мыслительный, творческий, поведенческий акт; это своеобразная команда, сигнал к действию. Оно изучается различными науками: философией, математикой, экономикой, социологией, правовыми дисциплинами и др. Отсюда и большое количество подходов к его толкованию. Наша задача состоит в определении управленческого решения в уголовно-исполнительной системе с точки зрения юриспруденции.

Изучение толковых словарей русского языка позволяет выделить два аспекта значения слова «решение»:

– во-первых, намерение действовать определенным образом после обдумывания или обсуждения (Д.Н. Ушаков¹, С.И. Ожегов², А.П. Евгеньева³, С.А. Кузнецов⁴);

– во-вторых, правоприменительный акт: заключение, постановление (С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, С.А. Кузнецов).

В сущности, эти два подхода вполне соотносятся с видением управленческого решения с точек зрения выработанных теорией

управления естественной и механистической моделями организаций.

Первая рассматривает решение с позиции мыслительной деятельности субъекта управления и, по сути, отождествляет понятие «управленческое решение» с понятием «принятие управленческого решения», вторая, напротив, на первое место ставит формальную структуру организации и функции ее элементов, само управленческое решение отождествляется в ее рамках с управленческой документацией.

Для уяснения понятия управленческого решения в УИС большое значение имеет то обстоятельство, что ее органы и учреждения являются организациями механистического типа. Данный вывод позволяют сделать такие характеристики уголовно-исполнительной системы, как:

1) специфическая структура, которая включает иерархию должностей, должностных инструкций, положений;

2) особая роль административно-распорядительной документации, из которой можно извлечь всю информацию об учреждении или органе и с помощью которой можно повысить эффективность деятельности.

Названные черты свойственны УИС на протяжении длительного времени⁵.

В организациях механистического типа управленческое решение отождествляется с административно-распорядительной документацией. Некоторые отечественные авторы определяют его (применительно к данным организациям) как акт (письменный или устный) органа управления или соответствующего руководителя, в котором перед объектом управления ставится общая цель и определяются промежуточные задачи для ее достижения⁶.

В соответствии с фактическим состоянием дел в управленческой литературе дается определение понятия управленческого решения в уголовно-исполнительной системе. По мнению авторов учебника «Организация управления в уголовно-исполнительной системе», управленческое решение является программой действий, выраженной в установленной форме⁷. Пребывание УИС в составе МВД России в конце XX в. позволяет обратиться к литературе по вопросам управления органами внутренних дел, но и в ней обнаруживается, что «управленческое решение представляет собой программу действий, выраженную в форме предписания (директивы), содержащую постановку целей, определяющую трудовые и материальные ресурсы, пути и средства достижения этих целей, а также формы организующей деятельности субъектов и объектов управления в реализации решения»⁸.

Соотнесение управленческих решений в УИС с административно-распорядительной документацией, характерное для механистических систем, прослеживается и в классификации их по наименованию: «приказы, инструкции, указания и другие акты, издаваемые руководителями органов, аппаратов, служб, учреждений и подразделений уголовно-исполнительной системы»⁹.

В научной литературе есть мнение, что управленческие решения с учетом их юридических свойств подразделяются на нормативные правовые и правоприменительные акты¹⁰.

В соответствии с приказом «О правовом обеспечении деятельности ФСИН России»¹¹ Федеральная служба исполнения наказаний принимает нормативные правовые акты по вопросам исполнения уголовных наказаний и деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в случаях, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и указами Президента Российской Федерации.

Нормативные правовые акты издаются в виде приказов, распоряжений, правил, инструкций, наставлений и положений. Акты, изданные в ином виде, не должны носить нормативного правового характера.

Приказ издается по наиболее важным вопросам функционирования УИС, правового регулирования различных направлений служебной деятельности, прохождения службы.

Положения регламентируют деятельность конкретных подсистем УИС. В них определяются порядок образования, полномочия, организация работы и порядок действий учреждений и органов, их структурных подразделений.

Инструкции, наставления и правила регулируют основные виды (формы) оперативно-служебной деятельности и работу конкретных категорий сотрудников. Инструкции и наставления содержат нормы, устанавливающие, кем, в каком порядке и какими способами и методами должен осуществляться тот или иной вид деятельности. Правила определяют порядок осуществления отдельного вида деятельности.

Нормативные правовые акты, издаваемые в виде положений, наставлений, инструкций, правил, утверждаются приказами.

Однако если при рассмотрении управленческого решения в УИС в качестве правоприменительного акта каких-либо сложностей не возникает, то определению его в качестве нормативного правового акта противоречат некоторые правовые нормы. Так, одно из положений рассматриваемого приказа указывает на то, что правом издания нормативных правовых актов в соответствии с компетенцией обладает директор ФСИН России либо лицо, его замещающее. Структурные подразделения ФСИН России, территориальные органы и учреждения УИС не вправе издавать нормативные правовые акты.

По нашему мнению, данная норма не соответствует положениям юридической науки. Так, В.Н. Хропанюк в ходе классификации нормативно-правовых актов выделяет внутриорганизационные подзаконные акты, которые «издаются различными организациями для регламентации своих внутренних вопросов и распространяются на членов этих организаций. В рамках, определенных актами высшей юридической силы, внутриорганизационные нормативные акты регулируют самые разнообразные отношения, возникающие в конкретной деятельности государственных учреждений, предприятий, воинских частей и других ор-

ганизаций»¹². Рассматриваемые документы некоторыми авторами определяются как локальные нормативные правовые акты¹³. Применительно к уголовно-исполнительной системе это нормативные правовые акты, устанавливающие внутренний распорядок учреждения, создающие коллегиальные органы, регламентирующие деятельность структурных подразделений и т.п.

Представленная точка зрения находит подтверждение в целом ряде нормативных актов Минюста России. Так, в соответствии с п. 1.3 Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации правовую основу деятельности следственного изолятора составляют «нормативные правовые акты... территориального органа уголовно-исполнительной системы»¹⁴. Согласно ст. 19–21 Приказа Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 (ред. от 12.02.2009 г., с изм. от 07.02.2012 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» в каждом исправительном учреждении устанавливается строго регламентированный распорядок дня с учетом особенностей работы с тем или иным составом осужденных, времени года, местных условий и других конкретных обстоятельств, который утверждается приказом начальника исправительного учреждения¹⁵.

Таким образом, руководители территориальных органов и учреждений УИС приказом «О правовом обеспечении деятельности ФСИН России» формально лишены такого важного инструмента реализации возложенных на них задач, как возможность принимать управленческие решения в форме нормативных правовых актов, однако, учитывая положения приказов Минюста России, имеющийся практический опыт, точку зрения ряда ученых, необходимо констатировать тот факт, что соответствующее положение приказа в действительности не реализуется: территориальные органы и учреждения принимают для решения внутриорганизационных вопросов локальные правовые акты.

Понимание управленческого решения в УИС как нормативного акта оправдано также наличием общих признаков, которые характеризуют и управленческие решения, и нормативные правовые акты:

1. Управленческое решение направлено на реализацию стоящих перед учреждением, органом УИС или их подразделениями задач. Однако это является конечной целью. Прежде всего нужно сформировать усло-

вия, в которых достижение необходимого результата станет действительно возможным, организовать деятельность исполнителей, определить их права, обязанности и ответственность. То есть основной функцией управленческого решения является регулирование процесса реализации задачи, отношений, возникающих при этом. Аналогичная цель – регулирование общественных отношений – присуща нормативным правовым актам.

2. Управленческое решение принимается субъектом управления, то есть руководителем учреждения или органа (структурного подразделения), коллегиальным органом управления, наделенным соответствующей компетенцией. Пределами полномочий ограничен круг вопросов, по которым тот или иной субъект вправе принимать управленческие решения. Этот признак также свойственен правовому акту.

3. Управленческое решение обладает директивным, властным характером и обязательно для тех, кому адресовано¹⁶. Исполнитель решения может быть подвергнут мерам материального, дисциплинарного, а в некоторых случаях административного и уголовного характера в случае уклонения от реализации, несвоевременного или некачественного в силу субъективных причин выполнения.

4. Управленческое решение принимается в установленном порядке, который регламентируется соответствующими нормативными актами. В рамках уголовно-исполнительной системы данная процедура установлена только в отношении решений коллегий и оперативных совещаний, ряда других коллегиальных органов и принятия планов работы.

5. Управленческое решение должно быть выражено в установленной форме. Она может быть письменной, что предполагает соблюдение ряда требований (по линии секретариата, служб правового обеспечения и т.п.) и наличие определенных реквизитов (подпись, бланк и т.п.), устной или конклюдентной. Данный признак в большей мере присущ правоприменительным актам, так как нормативные правовые акты могут быть выражены только письменно.

В качестве примера можно привести Приказ ФСИН России от 16.12.2010 г. № 529 «О Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников уголовно-исполнительной системы и урегулированию конфликта интересов»¹⁷. Его принятие имеет целью, с одной стороны, реализовать

требования органов государственной власти по приведению системы в состояние, соответствующее возможности наиболее качественно выполнять поставленные задачи, с другой стороны, урегулировать вопросы формирования и функционирования комиссии по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников, в частности определить процедурные аспекты принятия решений ее председателем.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что нормативные правовые акты, принимаемые во ФСИН России, с точки зрения управления являются управленческими решениями. Это вполне возможно для тех решений, которые устанавливают конечные и основные цели управления, а в ряде случаев и для тех, которые направлены на реализацию данных целей. В то же время управлен-

ческие решения не всегда содержат правовые нормы, иногда они ориентированы лишь на реализацию норм, что позволяет выделить группу решений, являющихся правоприменительными актами.

Таким образом, с юридической точки зрения управленческое решение в уголовно-исполнительной системе представляет собой обладающий директивным характером, принимаемый в установленном порядке компетентным субъектом управления и выраженный в соответствующей форме нормативный правовой или правоприменительный акт, направленный на регулирование общественных отношений, складывающихся в связи с реализацией соответствующими органами, учреждениями и их структурными подразделениями стоящих перед ними задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2001. Т. 3: Р–Я. С. 103.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 590.

³ См.: Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1983. Т. 3. С. 714.

⁴ См.: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2008. С. 1122.

⁵ См.: Зубарев С.М. Основные подходы к организации мест лишения свободы для несовершеннолетних осужденных в концепциях реформирования УИС // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4. С. 16.

⁶ См.: Основин В.С. Основы науки социального управления. Воронеж, 1971. С. 143.

⁷ См.: Организация управления в уголовно-исполнительной системе: Учеб.: В 3 т. / Под общ. ред. Ю.Я. Чайки. Рязань, 2002. Т. 1: Общая часть. С. 407.

⁸ Корнев А.П. Основы управления в органах внутренних дел: Учеб. М., 2001. С. 156.

⁹ Организация управления в уголовно-исполнительной системе. С. 410.

¹⁰ См.: Ленчик В.А. Механизмы действия права: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 58.

¹¹ См.: Приказ ФСИН России от 18.08.2005 г. № 718 (с изм. от 26.12.2008 г.) «О правовом обеспечении деятельности ФСИН России» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2006. № 2.

¹² Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учеб. пособие для вузов / Под ред. В.Г. Стрекозова. М., 1995. С. 384.

¹³ См.: Головкин Р.Б. Теория права: Учеб.-практ. пособие. М., 2012. С. 172.

¹⁴ Приказ Минюста России от 25.01.1999 г. № 20 (ред. от 05.03.2004 г.) «Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 1999. № 51.

¹⁵ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

¹⁶ См.: Корнев А.П. Основы управления в органах внутренних дел. С. 157.

¹⁷ См.: Российская газета. 2011. № 11.

¹ См.: Ushakov D.N. Tolkovij slovar' russkogo jazyka. M., 2001. T. 3: R–Ja. S. 103.

² См.: Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1985. S. 590.

³ См.: Evgen'eva A.P. Slovar' russkogo jazyka: V 4 t. M., 1983. T. 3. S. 714.

⁴ См.: Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovij slovar' russkogo jazyka. SPb., 2008. S. 1122.

⁵ См.: Zubarev S.M. Osnovnye podhody k organizacii mest lisheniya svobody dlja nesovershennoletnih osuzhdennyh v koncepcijah reformirovanija UIS // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2012. № 4. S. 16.

⁶ См.: Osnovin V.S. Osnovy nauki social'nogo upravlenija. Voronezh, 1971. S. 143.

⁷ См.: Organizacija upravlenija v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme: Ucheb.: V 3 t. / Pod obshh. red. Ju.Ja. Chajki. Rjazan', 2002. T. 1: Obshhaja chast'. S. 407.

⁸ Korenev A.P. Osnovy upravlenija v organah vnutrennih del: Ucheb. M., 2001. S. 156.

⁹ Organizacija upravlenija v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme. S. 410.

¹⁰ См.: Lenchik V.A. Mehanizmy dejstvija prava: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. S. 58.

¹¹ См.: Prikaz FSIN Rossii ot 18.08.2005 g. № 718 (s izm. ot 26.12.2008 g.) «O pravovom obespechenii dejatel'nosti FSIN Rossii» // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2006. № 2.

¹² Hropanjuk V.N. Teorija gosudarstva i prava: Ucheb. posobie dlja vuzov / Pod red. V.G. Strekozova. M., 1995. S. 384.

¹³ См.: Golovkin R.B. Teorija prava: Ucheb.-prakt. posobie. M., 2012. S. 172.

¹⁴ Prikaz Minjusta Rossii ot 25.01.1999 g. № 20 (red. ot 05.03.2004 g.) «Ob utverzhenii Polozhenija o sledstvennom izoljatore ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 1999. № 51.

¹⁵ См.: Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2005. № 47.

¹⁶ См.: Korenev A.P. Osnovy upravlenija v organah vnutrennih del. S. 157.

¹⁷ См.: Rossijskaja gazeta. 2011. № 11.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий

А.В. СТЕПАНОВ – заместитель начальника Пермского института ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются основные подходы к пониманию категорий «безопасность», «национальная безопасность», «миграционная безопасность», «национальная миграционная политика», формулируются авторские определения понятий «миграционная безопасность» и «государственная правовая политика Российской Федерации в сфере миграционной безопасности».

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; миграционная безопасность; национальная миграционная политика.

Security, national security, immigration security, national migration policy: analysis of definitions, the ratio of categories

A.V. STEPANOV – PhD. in Law, Associate Professor, Deputy Chief on Science of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia

This article analyzes the main approaches to understanding the categories of “security”, “national security”, “migration security”, “national migration policies”; formulated copyrights determine migration and security of state legal policy of the Russian Federation in the field of migration security.

Key words: security; national security; immigration security; national migration policies.

Потребность в безопасности принадлежит к числу базисных мотивационных источников человеческой жизнедеятельности, а социальная организация представляет собой способ обеспечения нормальных жизненных условий, средство совместного противодействия природным и социальным угрозам¹.

Глобальные преобразования, происходящие в современном мире, наряду с позитивными последствиями влекут за собой возникновение новых угроз и усиливают действие угроз, существовавших ранее, при этом характер и степень опасности угроз меняются.

В таких условиях государство становится основным субъектом обеспечения безопасности, государственным средством противодействия угрозам разного характера и различных степеней опасности². В связи с этим в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. говорится о том, что «в условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной поли-

тике в области национальной безопасности»³.

Анализ понятий «безопасность»⁴ и «национальная безопасность» выявляет их единую сущность – состояние защищенности страны, при котором обеспечиваются развитие личности, общества и государства и защита национальных интересов от внутренних и внешних угроз.

М.Д. Аверьеров отмечает, что «национальная безопасность как безопасность нации включает безопасность личности – ее прав и свобод; общества – его материальных и духовных ценностей; государства – его конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности»⁵. С.В. Гунич считает, что «национальная безопасность подразумевает триединую составляющую, каждый компонент которой одинаково значим – безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства»⁶.

Формулируя дефиницию национальной безопасности, следует отметить, что различные авторы дают отличающиеся в некоторой степени друг от друга определения.

Так, А.А. Куковский в своих работах утверждает, что «под национальной безопасностью следует понимать основные направления деятельности государства, обеспечивающие защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе, в которых находит свое отражение его сущность и социальное назначение»⁷, и вместе с тем отмечает: «Национальная безопасность – это показатель состояния общества и государства, характеризующий их способность выдерживать воздействие разрушительных факторов и адаптироваться к меняющимся условиям»⁸.

О.А. Челпаченко формулирует тезис о том, что «национальная безопасность представляет систему, состоящую из различных элементов – ценностей, интересов, угроз и других факторов, которые сами представляют развивающиеся системы (элементы системы), и их правильная дифференциация способствует выработке стратегии обеспечения национальной безопасности»⁹.

В свою очередь В.А. Каламанов предлагает понимать под рассматриваемым термином следующее: «Национальная безопасность Российской Федерации – такое качественное и количественное состояние российского общества, государства,

его граждан, российских народов и всего многонационального народа России, которое характеризуется закрепленной на законодательном уровне согласованностью их интересов, их защищенностью от существующих или ожидаемых внешних и внутренних угроз, возможностью их совместного прогрессивного и устойчивого развития, соблюдением конституционного строя, конституционных прав и свобод граждан». А уровень национальной безопасности, по его мнению, «определяется составом и отклонением от пороговых значений основных экономических, правовых, социальных, внутривнутриполитических, этнополитических, внешнеполитических, демографических, экологических и иных индикаторов (количественных показателей), характеризующих жизненно важные области и сферы деятельности, и устойчивого прогрессивного развития российского общества, государства, его граждан, российских народов, всего многонационального народа России»¹⁰.

Не вступая в дискуссию, считаем возможным согласиться с мнением В.А. Каламанова, который рассматривает национальную безопасность как состояние защищенности от различных угроз.

Такая категория, как миграционная безопасность, сравнительно недавно появилась в научной литературе¹¹. Теоретически обосновав необходимость сочетания и возможной корреляции понятий «миграция населения» и «безопасность», И.В. Никитенко определил объем понятия «миграционная безопасность» в широком и узком смыслах.

Так, в широком смысле миграционная безопасность включает в себя следующие аспекты:

- 1) обеспечение защищенности мигрантов от различного рода угроз и опасностей;
- 2) необходимость руководствоваться интересами мигрантов при осуществлении миграционной политики;
- 3) неукоснительное соблюдение миграционного законодательства.

В узком смысле, по его мнению, под миграционной безопасностью понимается обеспечение интересов принимающего государства при реализации миграционной политики посредством гарантирования неукоснительного соблюдения соответствующего законодательства. В данном случае также может использоваться понятие «миграционная безопасность государства» или «миграционная безопасность Российской Федерации»¹².

Таким образом, феномен миграционной безопасности составляют три взаимодополняющих аспекта: а) обеспечение защищенности мигрантов от различного рода угроз и опасностей; б) обеспечение интересов принимающих государств при осуществлении миграционной политики; в) неукоснительное соблюдение миграционного законодательства.

Исходя из этого, мы представляем миграционную безопасность в современных условиях как государственно-правовой институт, включающий комплекс механизмов и структур по обеспечению и защите основ легальной миграции, прав и свобод человека, устойчивого миграционного порядка.

Непременным условием обеспечения миграционной безопасности является основанная на международных стандартах государственная правовая политика, имеющая целевую, инструментальную и результативную составляющие. Наличие проблем в данной сфере в нашей стране подтверждается многочисленными экспертами и Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, который заявляет: «Очевидно, что нам надо на порядок повысить качество миграционной политики государства. И мы будем решать эту задачу»¹³.

Таким образом, под государственной правовой политикой Российской Федерации в сфере миграционной безопасности можно понимать совокупность юридических норм, институтов и отношений, обеспечивающих правовые условия развития личности, общества и государства в области легальной миграции¹⁴.

Для качественной и планомерной реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁵ целесообразно обратить внимание на следующие моменты:

1. Важной частью обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации должны стать создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности.

2. В сложившихся условиях необходимы разработка и принятие государственных программ адаптации и интеграции мигрантов, предусматривающих их обучение русскому языку, правовое воспитание и пропаганду, информирование об исторических и культурных традициях и правилах поведения в российском обществе.

Разработку указанных программ целесообразно организовать с участием различных заинтересованных сторон (органов государственной власти стран происхождения мигрантов, неправительственных объединений), средств массовой информации.

3. Одним из направлений совершенствования деятельности по обеспечению миграционной безопасности могут стать оказание помощи в решении жилищных вопросов вынужденным переселенцам, модернизация процедуры предоставления статуса беженца и временного убежища по гуманитарным обстоятельствам.

4. Возможно принятие программ привлечения иностранных работников; программ сезонной миграции иностранных работников и трудовой миграции иностранных студентов в период каникулярных отпусков.

5. Представляются актуальными совершенствование механизма квотирования, упрощение правил въезда и нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан, прибывающих в деловых целях, а также иностранцев, участвующих в инвестиционной и предпринимательской деятельности.

6. Необходимо создать программы стимулирования миграции в Российскую Федерацию иностранцев, имеющих профессии и специальности, пользующиеся спросом на российском рынке труда. В данных программах необходимо предусмотреть упрощенный (ускоренный) порядок получения разрешений на временное проживание, вида на жительство, гражданства Российской Федерации для выпускников образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации из числа иностранных граждан, получивших профессию (специальность), имеющую особую актуальность на российском рынке труда.

Приложение необходимых усилий всеми заинтересованными субъектами – участниками государственной политики в сфере миграционной безопасности (органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями, гражданами) – позволит максимально полно реализовать все задачи и направления миграционной политики, что в конечном счете позитивно скажется на состоянии национальной, в том числе и миграционной, безопасности Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Удычак Ф.Н. Национальная безопасность и организация политико-правовой системы общества // Национальная политико-правовая система: основные направления функционирования и развития: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. П.А. Оля, М.В. Сальникова, Н.Г. Янгола. СПб., 2009.

² См.: Кортуннов С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. С. 176.

³ Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

⁴ См.: Федеральный закон от 28.12.2010 г. «О безопасности» // Российская газета. 2010. 29 дек.

⁵ Авер'еров М.Д. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 2003.

⁶ Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 15–17.

⁷ Куковский А.А. Некоторые вопросы классификации видов безопасности // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2010: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2010. С. 80–84.

⁸ Он же. Анализ понятия национальная безопасность в контексте безопасности государства и нации // Юридическая теория и практика. 2010. № 2. С. 78–80.

⁹ Челпаченко О.А. Административно-правовые основы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

¹⁰ Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты (теоретико-правовой анализ): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.

¹¹ См.: Никитенко И.В. Миграционная безопасность в контексте противодействия торговле людьми и рабству: криминологический аспект. http://juristlib.ru/book_5002.html

¹² См.: Он же. Миграционная безопасность Дальневосточного федерального округа России: политико-правовой и криминологический аспекты: Моногр. Хабаровск, 2010. С. 21, 22.

¹³ Путин В.В. Беречь единство // Российская газета. 2012. 23 янв.

¹⁴ См. подр.: Степанов А.В. Миграционная безопасность Российской Федерации на современном этапе: содержание, проблемы, предложения // Административное право и процесс. 2013. № 3. С. 14–18.

¹⁵ См.: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. www.kremlin.ru

¹ Sm.: Udychak F.N. Nacional'naja bezopasnost' i organizacija politiko-pravovoj sistemy obshhestva // Nacional'naja politiko-pravovaja sistema: osnovnye napravlenija funkcionirovanija i razvitija: Sb. nauch. tr. / Pod obshh. red. P.A. Olja, M.V. Sal'nikova, N.G. Jangola. SPb., 2009.

² Sm.: Kortunov S.V. Bezopasnost' v global'nom mire: jevolucija rossijskoj politiki: Dis. ... d-ra polit. nauk. M., 2005. S. 176.

³ Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12.05.2009 g. № 537 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2009. № 20. St. 2444.

⁴ Sm.: Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 g. «O bezopasnosti» // Rossijskaja gazeta. 2010. 29 dek.

⁵ Aver'erov M.D. Problemy zakonodatel'nogo obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. M., 2003.

⁶ Gunich S.V. Konstitucionno-pravovye aspekty opredelenija sil obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 6. S. 15–17.

⁷ Kukovskij A.A. Nekotorye voprosy klassifikacii vidov bezopasnosti // Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG – 2010: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheljabinsk, 2010. S. 80–84.

⁸ On zhe. Analiz ponjatija nacional'naja bezopasnost' v kontekste bezopasnosti gosudarstva i nacii // Juridicheskaja teorija i praktika. 2010. № 2. S. 78–80.

⁹ Chelpachenko O.A. Administrativno-pravovye osnovy vzaimodejstvija federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii v sfere obespechenija nacional'noj bezopasnosti: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2011.

¹⁰ Kalamanov V.A. Nacional'naja bezopasnost' Rossijskoj Federacii i mezhnacional'nye konflikty (teoretiko-pravovoj analiz): Dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 1999.

¹¹ Sm.: Nikitenko I.V. Migracionnaja bezopasnost' v kontekste protivodejstvija torgovle ljud'mi i rabstvu: kriminologicheskij aspekt. http://juristlib.ru/book_5002.html

¹² Sm.: On zhe. Migracionnaja bezopasnost' Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga Rossii: politiko-pravovoj i kriminologicheskij aspekt: Monogr. Habarovsk, 2010. S. 21, 22.

¹³ Putin V.V. Berech' edinstvo // Rossijskaja gazeta. 2012. 23 janv.

¹⁴ Sm. podr.: Stepanov A.V. Migracionnaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii na sovremennom jetape: sodержanie, problemy, predlozhenija // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 3. S. 14–18.

¹⁵ Sm.: Konceptcija gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. www.kremlin.ru

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Правовое регулирование тюремного заключения во Франции в XIII–XV вв.

Н.И. НАРЫШКИНА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются положения королевских указов, инструкций, постановлений в области регулирования тюремного заключения, назначавшегося в качестве наказания и предварительной меры в средневековой Франции.

Ключевые слова: тюрьма; тюремное заключение; заключенный; наказание; предварительная мера; персонал; правовое положение (статус).

Legal regulation of imprisonment in France in the XIII–XV centuries

N.I. NARYSHKINA – Associate Professor of the Department of Penal Law of the Vladimir Institute of Law of the Federal Penal Service of Russia, Phd. in Law

The article is devoted to the analysis positions of royal decrees, instructions, resolutions, regulating imprisonment appointed as punishment and preliminary measure.

Key words: the prison; imprisonment; the prisoner; punishment; preliminary measure; the personnel; legal status.

Тюремное заключение во Франции, как и в других европейских странах, появилось достаточно рано и изначально было связано с деятельностью католической церкви. Многие французские монастыри начиная с VI в. являлись тюрьмами для заключения грешных, непокорных, совершивших тяжкие преступления (например, прелюбодеяние) монахов, священнослужителей, а также светских персон – как правило, неугодных жен, политических противников. В частности, в монастырском заключении содержался Мервей – мятежный сын короля Хильперика. В VII–VIII вв. эта тенденция сохранилась. Согласно капитулярию Карломана любой «раб Божий или служитель Христа», в том числе монах или монахиня, признанный виновным в блуде, должен быть помещен в тюрьму. Виновные, находясь в местах лишения свободы, должны были каяться в своих грехах, несмотря на то что ука-

занная директива исходила не от церкви, а от светской власти¹.

Помимо монастырских мест лишения свободы в средневековой Франции функционировали светские тюрьмы, заключение в них применялось в соответствии с королевскими указами, инструкциями, постановлениями (ордонансами) в качестве предварительной меры до суда и назначения наказания. Например, Людовик IX Святой (1226–1270 гг.) предписал, что «лица, завраждовавшие между собой, за свои злодеяния могли быть схвачены и задержаны как в течение сказанных 40 дней (со дня нападения или злодеяния), так и после и заключены в тюрьмы при судах, в ведомстве которых учинены злодеяния, чтобы подвергнуться за то наказанию сообразно свойству преступлений, как повелено в уставах»². Тюремное заключение в качестве наказания следовало за преступления против жизни и здоровья,

религии и могло быть назначено на определенный срок и пожизненно. В частности, за богохульство Людовик «Святой» в письме от 12.07.1268 г. установил наказание в виде штрафа в размере 6 фунтов или восьмидневного заключения в тюрьме для бедных преступников (богатые платили штраф и выставлялись к позорному столбу). В соответствии с указом от 1437 г. менее тяжкие виды богохульства карались тюремным заключением и штрафом, а в 1478 г. Людовик XI повелел, чтобы вместо прокалывания языка каленым железом виновные в богохульстве в первый раз подвергались тюремному заключению на один день и содержались на хлебе и воде, а также доставляли свечу в пользу церкви, во второй раз – тюремному заключению на три дня и доставляли полфунта воска в церковь, в третий раз – выставлению к позорному столбу и публичному церковному покаянию³. В 1312 г. некий преступник был приговорен к тюремному заключению на срок два года в условиях строгой изоляции на хлебе и воде с последующим изгнанием из Франции за проникновение в дом в целях ограбления и похищения людей, а в 1317 г. Симон Брайле – к пожизненному лишению свободы в тюрьме Châtelet (Шатле) за причастность к убийству адвоката Парижского парламента⁴.

Также во Франции практиковалось заключение несостоятельных должников, а тюрьмы играли роль долговых ям. Тюремное заключение за долги было узаконено ордонансом в марте 1303 г. в ходе административной реформы Филиппа Красивого⁵. Вообще, задолженность представляла собой массовое явление средневековой Западной Европе – как в городах, так и за их пределами, начиная с XIII в. в связи с тем, что кредитование было повсеместной практикой на всех уровнях социального устройства. Среди средств обеспечения погашения кредита и уплаты долга выделялось не только экономическое и духовное, но и физическое принуждение должника, в том числе в форме тюремного заключения. При этом заключения должника требовал сам кредитор, который должен был кормить заключенного. Несостоятельных должников (должников короля или частных кредиторов) помещали в королевские (государственные) и иные тюрьмы, в частности тюрьму Шатле. Заключение в тюрьму за долги было кратковременным, если сумма долга была незначительна или если вопрос об уплате его должен был решиться в короткий срок.

Освободиться из долговой тюрьмы заключенный мог:

- уплатив долг, в том числе распродав свое имущество;
- внеся залог;
- предоставив поручителя, который был обязан обеспечить явку должника к судье по первому требованию.

Следует отметить, что заключение в тюрьму за долги носило позорящий характер, так как в указанный период времени обязанность уплачивать свои долги входила в принятую в обществе концепцию чести⁶.

В средневековой Франции понятие «тюрьма» использовалось в двух значениях:

- закрытая тюрьма – это здание или часть здания (*geôle, prison, geola, prisio*);
- открытая тюрьма – это домашний арест или определение судом места жительства подозреваемого, как правило, под залог (*prison ouverte* – открытая тюрьма; *vive prison* – да здравствует тюрьма; *faible prison* – слабая тюрьма)⁷.

В основном данная классификация подходила к долговым тюрьмам. Исходя из указанных способов обеспечения уплаты долга для виновного избиралась открытая (ограничивавшая свободу передвижения человека, например, избранием ему определенного места жительства) или закрытая (в прямом смысле этого слова, то есть лишавшая должника свободы) тюрьма⁸. Однако применение институтов залога и поручительства позволяло заключать в указанные учреждения и уголовных преступников.

Правовое положение содержащихся во французских тюрьмах характеризовалось следующими особенностями:

- заключенные имели право на материально-бытовое обеспечение. При этом социальный и имущественный статус заключенных играл важную роль в тюремной жизни, так как богатые могли заплатить за хорошую еду, вино, отдельную постель, а бедные были вынуждены существовать на хлебе и воде. В частности, в тюрьме Шатле богатым заключенным, которые заплатили четыре пенса за постель и два пенса в сутки за возможность размещения в отдельной камере, создавались достаточно комфортные условия. Ниже камер для богатых находились общие камеры, где заключенные должны были платить за свое содержание один пенс в сутки, а еще ниже – рвы и каменные мешки. Бедные заключенные в основном выживали за счет родных и друзей, которые приносили им еду, или частной благотворительности. Заключенных должников иногда кормили кредиторами⁹. Что касается помещений, где содержались заключенные монастырских тюрем, то

это, вероятно, изначально были кельи, куда отцом-настоятелем запирались монахи, но не ясно, осуществлялось это в целях карательных или покаянных. Указывалось, что это было возможно в силу возраста монаха или наличия каких-либо физических и умственных дефектов. Начиная с IX в. тюрьмы в монастырях должны были представлять собой отдельные здания, отапливаемые в зимний период. В 1206 г. было предписано строить новые тюрьмы во всех аббатствах; в 1238 г. это решение было принято и реализовано доминиканскими монастырями, в 1261 г. – картезианскими, в 1343 г. – бенедиктинскими¹⁰;

– в королевских тюрьмах заключенные лишались своей одежды и переодевались в казенное имущество, что помогало идентифицировать их и отличать от посетителей тюрем или горожан;

– поскольку организация труда заключенных в тюрьмах находилась на примитивном уровне, то у них оставалось много свободного времени для того, чтобы, в частности, играть в азартные игры;

– изоляция заключенных и надзор за их поведением во французских средневековых тюрьмах также были обеспечены слабо. Заключенные часто совершали побег, а если при этом не портили тюремную собственность, то после побега обращались к королю с прошением о помиловании. В некоторых тюрьмах подследственным разрешалось свободно передвигаться по городу. При наличии тюремщиков, запиравших двери камер и тюрем, вопросы побега или свободного выхода за пределы учреждения можно было решить с помощью денег и связей¹¹.

Администрация французских тюрем в рассматриваемый период времени не была многочисленной. Так, согласно ордонансу от 1330 г. в штат тюрьмы Шатле входили сторож (тюремщик (*geôlier*), который подчинялся прево или судебному должностному лицу) и делопроизводитель (тюремный клерк). А в соответствии с ордонансом от 1425 г. штат тюрьмы составляли наряду с последними еще и три служителя. Делопроизводителям (клеркам прево, то есть судебным клеркам) начиная с XIV в., а впоследствии на основании ордонанса от 1425 г. вменялось в обязанность вести регистры, в которых отражались сведения о заключенных и размерах их задолженности. Согласно ордонансу от 1499 г. данная функция возлагалась на тюремного сторожа.

Тюремной администрацией взимались денежные средства за заточение в тюрьму и

освобождение из нее, а также за содержание заключенных. Плата за содержание варьировалась в зависимости от места ночлега (на собственной постели, на полу) и расположения тюремных камер (низкие помещения были менее дороги). Ямы и рвы предназначались для содержания опасных уголовных преступников, а не для заключенных должников¹².

Тюремные надзиратели не только несли ответственность за побег заключенных, но и отвечали за взимание с них платы за еду (по крайней мере, за хлеб и воду). В принципе, государственные тюрьмы должны были регулярно инспектироваться, так как королевская инструкция гласила, что содержание в тюрьме не может влечь за собой смерть и травмы заключенных¹³.

Вместе с тем сохранились сведения о произволе администрации, в частности, монастырских и епископальных тюрем по отношению к заключенным. В 1307 г. Папе Римскому был представлен список обид жителей города Альби (Лангедок) на епископа Бернарда де Кастанье – управляющего епископальной тюрьмой. В жалобе содержались сведения о том, что епископ часто применял тюремное заключение не в качестве наказания за совершенные преступления, а в качестве мести своим врагам, причем оно сопровождалось пытками, наложением оков и цепей. Заключенных содержали в грязных камерах, истязали, били и увечили. Заключенных женщин систематически приводили во дворец епископа для удовлетворения его сексуальных потребностей, причем многих из них после этого никто не видел, а впоследствии их расчлененные трупы находили в реках и окрестностях города. В данной тюрьме высока была смертность заключенных, но об их судьбе никого не извещали. Так, один заключенный умер, а его друзья продолжали носить ему еду еще в течение четырех лет. Для расследования дела Папа направил специальную комиссию с целью опроса свидетелей, которые были представителями различных социальных слоев города. И несмотря на то что, безусловно, в жалобе была определенная доля преувеличения и вымысла, расследование привело к удалению епископа из епархии¹⁴.

Таким образом, мы рассмотрели правовое регулирование и организацию деятельности средневековых французских тюрем, выявили некоторые особенности правового положения заключенных и тюремной администрации. Многие черты института тюремного заключения Франции были характерны

и для тюремных систем иных средневековых европейских государств (Англии, Германии, Италии): речь идет о разделении тюрем на государственные, частные, монастырские (епископальные); реализации целей, задач и функций места содержания под стражей, лишения свободы, обеспечения уплаты долга; закреплении основ правового положения субъектов и участников уголовно-процессу-

альных и уголовно-исполнительных правоотношений. Вместе с тем под влиянием специфических социально-экономических и политических процессов, происходивших во Франции, институт тюрем и тюремного заключения в ней приобрел и отличительные особенности, касающиеся правового регулирования и организации функционирования тюрем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Cassidy-Welch M. Incarceration and Liberation: Prisons in the Cistercian Monastery // *Viator* 32. 2001. P. 27, 28.

² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Под ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 1994. Т. 1. С. 569.

³ См.: Белогриц-Котляревский Л.С. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Ярославль, 1886. С. 165–167.

⁴ См.: Morris N., Rothman D.J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. NY, 1998. P. 35.

⁵ См.: Claustre J. La dette, la haine et la force: les débuts de la prison pour dette à la fin du Moyen Âge // *Revue Historique*, 644 (oct. 2007). P. 797. <http://www.cairn.info/revue-historique-2007-4-page-797.htm>.

⁶ См.: Claustre J. Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. Paris, 2007. P. 13, 44, 46–47, 53, 63–64, 70, 72, 79, 83–84, 147, 329, 331–332, 359, 395, 421–422.

⁷ См.: La prison, du temps passé au temps dépassé / Sous la direction de Sylvie Humbert, Nicolas Derasse et Jean-Pierre Royer. Paris, 2012. P. 21.

⁸ См.: Claustre J. Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. Paris, 2007. P. 319–320.

⁹ См.: Morris N., Rothman D.J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. P. 35–36; Beam S. Review to book «Enfermements: le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle)» by Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset É. P. 3–4.

¹⁰ См.: Cassidy-Welch M. Incarceration and Liberation: Prisons in the Cistercian Monastery. P. 25, 29–30.

¹¹ См.: Morris N., Rothman D. J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. P. 36; Beam S. Review to book «Enfermements: le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle)» by Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset É. P. 3, 4.

¹² См.: Claustre J. Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. P. 13, 39, 44, 46–47, 53, 63–64, 70, 72, 79, 83–84, 147, 329, 331–332, 359, 395, 421–422.

¹³ См.: Morris N., Rothman D. J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. P. 36.

¹⁴ См.: Cassidy-Welch M. Testimonies from a fourteenth-century prison: rumour, evidence and truth in the midi // *French History*. 2002. Vol. 16. № 1. P. 3, 5–10, 26.

¹ См.: Cassidy-Welch M. Incarceration and Liberation: Prisons in the Cistercian Monastery // *Viator* 32. 2001. R. 27, 28.

² Hrestomatija po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran: V 2 t. / Pod red. N.A. Krasheninnikovej. M., 1994. T. 1. S. 569.

³ См.: Belogric-Kotljarevskij L.S. *Prestuplenija protiv religii v vazhnejshih gosudarstvah Zapada*. Jaroslavl', 1886. S. 165–167.

⁴ См.: Morris N., Rothman D.J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. NY, 1998. R. 35.

⁵ См.: Claustre J. La dette, la haine et la force: les débuts de la prison pour dette à la fin du Moyen Âge // *Revue Historique*, 644 (oct. 2007). R. 797. <http://www.cairn.info/revue-historique-2007-4-page-797.htm>.

⁶ См.: Claustre J. Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. Paris, 2007. R. 13, 44, 46–47, 53, 63–64, 70, 72, 79, 83–84, 147, 329, 331–332, 359, 395, 421–422.

⁷ См.: La prison, du temps passé au temps dépassé / Sous la direction de Sylvie Humbert, Nicolas Derasse et Jean-Pierre Royer. Paris, 2012. R. 21.

⁸ См.: Claustre J. Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. Paris, 2007. R. 319–320.

⁹ См.: Morris N., Rothman D.J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. R. 35–36; Beam S. Review to book «Enfermements: le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle)» by Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset É. R. 3–4.

¹⁰ См.: Cassidy-Welch M. Incarceration and Liberation: Prisons in the Cistercian Monastery. R. 25, 29–30.

¹¹ См.: Morris N., Rothman D. J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. R. 36; Beam S. Review to book «Enfermements: le cloître et la prison (VIe–XVIIIe siècle)» by Heullant-Donat I., Claustre J., Lusset É. R. 3, 4.

¹² См.: Claustre J. Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. R. 13, 39, 44, 46–47, 53, 63–64, 70, 72, 79, 83–84, 147, 329, 331–332, 359, 395, 421–422.

¹³ См.: Morris N., Rothman D. J. *The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishments in Western Society*. R. 36.

¹⁴ См.: Cassidy-Welch M. Testimonies from a fourteenth-century prison: rumour, evidence and truth in the midi // *French History*. 2002. Vol. 16. № 1. R. 3, 5–10, 26.

Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике Российского государства

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье с опорой на различные источники предпринимается попытка изучить использование анафемы в качестве формы уголовной и политической репрессии. Ретроспективно прослеживается эволюция этого наказания в контексте развития государственно-церковных отношений в Российском государстве.

Ключевые слова: анафема; интердикт; великое отлучение; анафемствование; церковное наказание; уголовная репрессия; политическая репрессия; церковная юрисдикция; государственно-церковные отношения; институционализация анафемы.

Anathema as a form of criminal and political repression in the punitive policy of the Russian state

A.P. PAVLUSHKOV – a docent of the Philosophy and History Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, a candidate of History science

In the article on the basis of different sources of attempts to examine the use of the anathema as a form of criminal and political repression. Retrospectively is observed evolution of the context of the development of state-Church relations in Moscow and the Synod of periods.

Key words: anathema; interdict; great excommunication; to anathematize; Church punishment; criminal repression; political repression; Church jurisdiction; Church-state relations; the institutionalization of the anathema.

Анафема, или великое отлучение, являлась церковным наказанием, которое применялось за наиболее тяжкие преступления: вероотступничество, богохульство, соращение в другую конфессию. Неслучайно Духовный регламент 1721 г. приравнивал ее к смертной казни¹. Анафема относилась к судебной прерогативе церкви, что подкреплялось действующими нормами канонического права. Решения вселенских соборов², постановления церковных соборов Русской поместной церкви³ придавали ей особое значение, подчеркивая исключительность ее применения против врагов церкви⁴.

Вместе с тем анафеме подвергались не только еретики, но и государственные преступники. Достаточно вспомнить Г. Отрепьева, С. Разина, Е. Пугачева, подвергнутых великому отлучению, чтобы усмотреть в этой санкции политический контекст. Однако применение анафемы в политических целях не соответствовало каноническому содержанию церковного наказания и обуславливало высказывание естественных упреков и обвинений в выполнении карательных функ-

ций в адрес РПЦ. Внутри самой церкви такая позиция не вызывала серьезных разногласий. Имевшие место споры касались не содержания вопроса, а целесообразности применения анафемы к конкретному преступнику.

Причина столь противоречивого положения находилась в плоскости сложившихся государственно-церковных отношений, которые длительное время назывались симфонией. Церковь и государство, нуждавшиеся друг в друге, усиливали взаимное присутствие на институциональном уровне. С одной стороны, государственные судейники 1497 и 1550 гг. и Соборное уложение 1649 г. на первое место ставили преступления против религии, а с другой – церковное право выполняло важнейшие государственные функции в области регулирования семейных отношений. Происходил институциональный обмен судебными полномочиями: часть государственных преступлений была относена к юрисдикции церкви⁵, а некоторые религиозные преступления, наоборот, получили статус государственных (уголов-

ных или политических). Подчеркивая неприкосновенность собственной юрисдикции, церковь использовала анафему в качестве угрозы для тех, кто пытался ограничить ее судебные права. Митрополит Киевский и всея Руси Киприян (1389–1406 гг.) установил пределы «Церкви Божьей», находящейся «под властью послушания Святителя» в Новгороде следующим образом: «никто не смеет, ни один крестьянин, ни мал, ни велик, вступаться в те дела». Представитель мирской власти, нарушающий это правило и вмешивающийся в дела духовенства, отлучался от церкви⁶. В следующей грамоте Киприян уже обращался к жителям Пскова, запрещая мирянам устраивать суды и казни священников по духовным делам: «не годится мирянам попа ни судити, ни казнити, ни слова на него молвити». Ослушников он обещал подвергнуть массовой анафеме и вечному проклятию⁷.

Впервые анафему из политических соображений стали применять еще в период Киевской Руси, когда митрополит Константин (1156–1159 гг.) подверг великому отлучению умершего князя Изяслава и некоторых духовных лиц, что привело к обострению княжеских распрей⁸. Этим был дан мощный импульс превращению анафемы в инструмент политической борьбы. Широта использования анафемы подкреплялась двумя существенными моментами: во-первых, она могла применяться в отношении умерших людей, что значительно расширяло политические перспективы и последствия ее наложения, так как ни уголовное наказание, ни другие формы церковных санкций на умерших преступников не распространялись; во-вторых, Русская православная церковь стала использовать интердикт – особую форму церковного наказания, когда отлучению подвергалась группа лиц на определенной территории или в корпорации (члены семьи, обитатели монастыря, жители селения или города и т.д.). Так, в 1329 г. митрополит Киевский Феогност, будучи в Новгороде, наложил интердикт на всех жителей Пскова за укрывательство тверского князя Александра Михайловича, которого требовал выдать золотоордынский хан Узбек для суда за участие в городском восстании против татар в 1327 г. Феогност, по мнению Е.Е. Голубинского, был ставленником московского князя Ивана Калиты и через интердикт пытался добиться усиления Москвы в борьбе за политическое лидерство⁹. Анафема была снята лишь после отъезда тверского князя в Литву и заключения мира между псковича-

ми и Иваном Калитой. Митрополит по роду своей деятельности был больше политиком, неоднократно ездил в Орду и путем дипломатии упреждал и снимал недовольство татар. Применяя анафему против врагов Орды, он не только вынужденно подтверждал свою преданность московскому князю и Золотой Орде, но способствовал установлению относительного мирного вассального существования Руси¹⁰. Похожая ситуация сложилась в 1666 г., когда Церковный собор публично пообещал наложить интердикт на всех мятежников Соловецкого монастыря в случае их дальнейшего сопротивления царской власти¹¹. В дальнейшем интердикт естественным образом прекратил свое существование, когда вопрос о первенстве властей был окончательно решен и деятельность церкви была подчинена интересам государства.

В период Московского государства анафема еще активнее стала использоваться как средство политической борьбы. Киевский митрополит Иона (1448–1461 гг.) составил несколько грамот сторонникам Дмитрия Шемяки, претендовавшим на великокняжеский престол, с призывом подчиняться великому князю Василию II под страхом великого отлучения от церкви¹². Политический смысл посланий очевиден: митрополит отвергает дела князя Дмитрия Юрьевича, называя их лихими (преступными), чреватыми тем, что «крови христианской прольется много»¹³. Он пригрозил закрыть все храмы на мятежных территориях, а население отлучить от церкви в случае дальнейшего сопротивления. Церковь тем самым не только оказала открытую поддержку великокняжеской власти, но и сыграла ключевую роль в объединении земель¹⁴.

В дальнейшем идея анафемствования вошла в концепцию «Москва – третий Рим» в качестве одного из базовых постулатов. Московский митрополит Зосима (1490–1494 гг.) предложил ее как средство укрепления православной веры. Предлагая активно использовать анафему для борьбы с противниками церкви, он опирался на репрессивную традицию восточно-христианской церкви: в Византии подобная практика была широко распространена¹⁵. Идея анафемствования была озвучена и в решении Церковного собора 1509 г. Ослушание епископов великому князю, а также утверждение ими священников без согласования с верховной властью рассматривались как государственное преступление, влекущее за собой предание виновного анафеме¹⁶.

С другой стороны, использование анафемы как средства политической борьбы не соответствовало целям и содержанию церковного наказания и все больше превращало ее в форму политической и уголовной репрессии. Митрополит Геронтий (1473–1489 гг.) даже предложил расширить перечень преступлений, подпадавших под действие великого отлучения. В их число вошли деяния уголовного и государственного характера: неподчинение власти, грубость и дерзость по отношению к власти, отказ «бить челом», вражда и война друг с другом¹⁷. Известный церковный просветитель И. Волоцкий относил отлучение к необходимым средствам защиты интересов церкви. В своем религиозно-философском произведении «Просветитель» он рекомендовал анафемствовать тех, кто отказывается раскаиваться в собственных заблуждениях, и такую же ответственность возлагать на епископов, ослабляющих борьбу с ересью¹⁸.

В период Российской империи институт анафемствования сохранялся. В первой четверти XVIII в. он дополнился новыми положениями. В частности, в 1723 г. архиереям было предоставлено право вести розыск раскольников и подвергать их отлучению. Напомним, что соращение в раскол, его пропаганда приравнивались к уголовным преступлениям, подлежащим совместной юрисдикции церкви и государства¹⁹. Священники по поручению архиерея должны были устанавливать принадлежность подозреваемого к расколу, проводить следственные действия.

В уголовном законодательстве Петра I анафема существовала как дополнительная мера в форме церковного наказания. Однако сложившаяся концепция единого государственного характера наказания неполно раскрывала соотношение государственных и церковных норм. Действительно, по уголовному законодательству церковное наказание назначалось вкуче с государственным и играло дополнительную роль. Такой посыл основывался на том, что преступник совершал уголовное преступление, инициатором расследования которого выступало государство. С самого начала и до конца следственные действия производили государственные органы, а виновного, если он относился к духовенству, отправляли ненадолго в Синод для снятия церковного чина. Однако если инициатором расследования выступали церковные инстанции, все обстояло гораздо сложнее: они проводили собственное расследование, давали квалифи-

кацию преступлению и могли собственной властью наказать правонарушителя. В данном случае говорить о дополнительной роли церковного наказания не совсем правильно в силу того, что на начальном этапе основной судебной инстанцией выступал Святейший правительствующий синод. Государство могло подключиться к расследованию значительно позже, назначив церковное покаяние как дополнительную меру²⁰.

Причиной такого широкого толкования содержания церковного наказания являлось совпадение границ юрисдикции РПЦ и государства. Расследованием отдельных видов уголовных преступлений (волшебство, соращение в другую веру, укрывательство раскольников²¹) могли заниматься и светские, и духовные власти. В зависимости от категории правонарушения, установленной процедуры расследования церковное наказание могло не только назначаться в качестве дополнительной меры, но и выступать как самостоятельный правовой институт. Классическим отражением этой противоречивой ситуации являлось отношение к отсутствию на исповеди: последнее рассматривалось одновременно и как церковное, и как уголовное преступление. Лишь тогда, когда весь арсенал церковных мер по отношению к нарушителю оказывался неэффективным, в действие вступали нормы уголовного законодательства. Если первоначально оценку отсутствовавшим на исповеди давал церковный суд, предлагая дисциплинарное наказание в качестве основной меры, то уголовный суд выступал уже в качестве второй (последующей, но необязательной) инстанции, вовлеченной в процесс в силу того, что предпринятые ранее меры оказались недостаточными. В последнем случае виновный подвергался уголовной репрессии и церковное наказание могло назначаться в качестве дополнительной санкции. Подчеркнем, что тезис о самостоятельном назначении церковного наказания за отдельные виды уголовных преступлений подтверждала и резолюция императора о судебном равенстве Сената и Синода в расследовании дел в отношении тех, кто «презирал власть церковную и считал себя безбожником»²².

В XIX в. использование анафемы в политических целях было прекращено в связи с реформой пенитенциарной системы и возвращением церковному наказанию исходного смысла. Церковь все сильнее удалялась от выполнения государственно-репрессивных функций, при этом на нее возлага-

лась новая роль по духовному окормлению осужденных, которую выполняли тюремные священники. Редкие попытки придать анафеме политический характер скорее были криком отчаяния, бессилия²³ или выражением стремления добиться исторической справедливости²⁴. В качестве церковной нормы анафема применяется и в современной Русской православной церкви²⁵, но это представляет собой отдельный предмет научного разговора, не имеющий к репрессии никакого отношения.

Таким образом, анафема как форма церковного наказания претерпела серьезную эволюцию. Она была воспринята церковным законодательством как каноническая традиция восточной христианской церкви, что нормативно было закреплено в форме ссылок на соответствующие решения вселенских соборов. Однако в отличие от греческой церкви анафема в форме интердикта при-

менялась в России XIV в. как средство политической борьбы за объединение земель и утверждение великокняжеской власти. Она использовалась и как способ разрешения политического конфликта или как средство политического давления. Церковь, заинтересованная в централизации государства и укреплении собственного влияния, посредством анафемствования пыталась преодолеть территориальные и политические распри. Предание анафеме в соответствии с канонами стало осуществляться значительно позже (примерно с конца XV–XVI вв.), когда церковь столкнулась с проблемой распространения сектантства, особенно в западных и северо-западных регионах страны. В XVIII в. произошло постепенное ограничение ее репрессивной роли, а с XIX в. по настоящее время институт анафемы сохраняется как норма канонического права, применяющаяся в исключительных случаях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Духовный Регламент Всеподданнейшего Государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. М., 1904. С. 41–42.

² В правилах вселенских и поместных соборов анафема употребляется 31 раз. Например, II Вселенский собор разрешил предавать анафеме любого еретика, V Вселенский собор (553 г.) разрешил использовать ее за грубое толкование Библии, VII Вселенский собор (II Никейский) (787 г.) рекомендовал ее применять при иконоборчестве и т.д.

³ Например, Церковный собор 1667 г. обосновал применение анафемы в отношении еретиков (см.: Каптерев Н.Ф. Суждения Большого Московского Собора 1667 г. о власти царской и Патриаршей // Богословский вестник. 1892. Окт. С. 46–74).

⁴ Христианское вероучение. Догматические тексты Учительства Церкви (III–XX вв.). СПб., 2002. С. 194–198.

⁵ Особенно это было характерно для периода Московского государства, когда юрисдикция церкви была наиболее широкой, а судебная власть епископата подкреплялась финансовой мощью РПЦ. На церковных землях епископы были полновластными владыками.

⁶ См.: Настольная грамота митрополита Киприяна Новгородскому архиепископу Киприяну о подсудности ему духовенства, неприкосновенности Софийских вотчин и пошлин церковных // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1: 1334–1598. (AI) № 7. С. 16.

⁷ См.: Грамота митрополита Киприяна псковичам о неподсудности попов без святительского суда и присвоении сел и земель церковных // Там же. № 9. С. 18–19.

⁸ См.: Митрополиты в истории Русской Православной Церкви. <http://edu.kubannet.ru/dlrstore/4f368dd8-5d17-71fe-9838-77ccdad3610e/1007648A>

⁹ См.: Голубинский Е.Е. Митрополит всея Руси Феогност // Богословский вестник. 1893. Февр. С. 223–245; Он же. История церкви. М., 1900. Т. 2. С. 145.

¹⁰ См.: Борисов Н.С. Иван Калита. М., 2005.

¹¹ См.: Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 318.

¹² См.: Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Евфимию о том, чтобы он убедил князя Дмитрия Шемяку покориться Великому князю, с уверением, что он, со своей стороны, готов даровать ему прощение // AI. № 53. С. 101–103.

¹³ См.: Окружная грамота митрополита Ионы об измене и наветах князя Дмитрия Юрьевича с убеждением, чтобы са-

¹ См.: Духовный Регламент Всеподданнейшего Государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. М., 1904. С. 41–42.

² В правилах вселенских и поместных соборов анафема употребляется 31 раз. Например, II Вселенский собор разрешил предавать анафеме любого еретика, V Вселенский собор (553 г.) разрешил использовать ее за грубое толкование Библии, VII Вселенский собор (II Никейский) (787 г.) рекомендовал ее применять при иконоборчестве и т.д.

³ Например, Церковный собор 1667 г. обосновал применение анафемы в отношении еретиков (см.: Каптерев Н.Ф. Суждения Большого Московского Собора 1667 г. о власти царской и Патриаршей // Богословский вестник. 1892. Окт. С. 46–74).

⁴ Христианское вероучение. Догматические тексты Учительства Церкви (III–XX вв.). СПб., 2002. С. 194–198.

⁵ Особенно это было характерно для периода Московского государства, когда юрисдикция церкви была наиболее широкой, а судебная власть епископата подкреплялась финансовой мощью РПЦ. На церковных землях епископы были полновластными владыками.

⁶ См.: Настольная грамота митрополита Киприяна Новгородскому архиепископу Киприяну о подсудности ему духовенства, неприкосновенности Софийских вотчин и пошлин церковных // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1: 1334–1598. (AI) № 7. С. 16.

⁷ См.: Грамота митрополита Киприяна псковичам о неподсудности попов без святительского суда и присвоении сел и земель церковных // Там же. № 9. С. 18–19.

⁸ См.: Митрополиты в истории Русской Православной Церкви. <http://edu.kubannet.ru/dlrstore/4f368dd8-5d17-71fe-9838-77ccdad3610e/1007648A>

⁹ См.: Голубинский Е.Е. Митрополит всея Руси Феогност // Богословский вестник. 1893. Февр. С. 223–245; Он же. История церкви. М., 1900. Т. 2. С. 145.

¹⁰ См.: Борисов Н.С. Иван Калита. М., 2005.

¹¹ См.: Карташев А.В. История Русской Церкви. М., 2000. Т. 2. С. 318.

¹² См.: Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Евфимию о том, чтобы он убедил князя Дмитрия Шемяку покориться Великому князю, с уверением, что он, со своей стороны, готов даровать ему прощение // AI. № 53. С. 101–103.

¹³ См.: Окружная грамота митрополита Ионы об измене и наветах князя Дмитрия Юрьевича с убеждением, чтобы са-

новники и народ отложились от него и покорились Великому князю, под опасением церковного отлучения // Там же. № 43. С. 87.

¹⁴ См.: Св. Иона, последний митрополит Киевский и всея Руси // ЧОИДР. 1864. Кн. 4. С. 143–144.

¹⁵ См.: Дьяконов М. Власть московских государей: Очерки по истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 65–66.

¹⁶ См.: Деяние Собора, бывшего на Вильне // АИ. № 289. С. 524–529.

¹⁷ См.: Послание митрополита Георгия вятчанам с убеждением их покориться Великому князю и не приставать к его недругам, прекратить разбои и грабежи и возвратить полон под опасением церковного отлучения // АИ. № 98. С. 142–143.

¹⁸ См.: <http://libholy.narod.ru/prosvetitel.htm> (дата обращения: 18.06.2014 г.).

¹⁹ См.: ПСПиР. Т. 3. № 1077. П. 6.

²⁰ Павлушков А.Р. Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2 (22). С. 76–82.

²¹ ПСПиР. Т. 2. № 532. П. 1, 6.

²² Там же. С. 176.

²³ В 1918 г. Патриарх Тихон предал анафеме всех тех, кто творил беззаконие и убивал неповинных людей (см.: Провозглашение Патриархом Тихоном анафемы Советской власти. http://stihya.org/calendar_222.html (дата обращения: 12.01.2014)).

²⁴ В 1970 г. Архиерейский собор зарубежной РПЦ предал анафеме В.И. Ленина (см.: Православная Русь. 1970. № 1).

²⁵ В 2008 г. был лишен сана и подвергнут анафеме архиеп-рей Анадырско-Чукотской епархии Диомид (см.: Журнал заседания Святейшего Синода Русской Православной Церкви от 06.10.2008 г. № 90).

sanovniki i narod otlozhilis' ot nego i pokorilis' Velikomu knjazju, pod opaseniem cerkovnogo otluchenija // Tam zhe. № 43. S. 87.

¹⁴ Sm.: Sv. Iona, poslednij mitropolit Kievskij i vseja Rusi // ChOIDR. 1864. Kn. 4. S. 143–144.

¹⁵ Sm.: D'jkonov M. Vlast' moskovskih gosudarej: Ocherki po istorii politicheskikh idej Drevnej Rusi do konca XVI v. SPb., 1889. S. 65–66.

¹⁶ Sm.: Dejanie Sobora, byvshego na Vil'ne // AI. № 289. S. 524–529.

¹⁷ Sm.: Poslanie mitropolita Georgija vjatchanam s ubezhdeniem ih pokorit'sja Velikomu knjazju i ne pristavat' k ego nedrugam, prekratit' razboi i grabezhi i vozvratit' polon pod opaseniem cerkovnogo otluchenija // AI. № 98. S. 142–143.

¹⁸ Sm.: <http://libholy.narod.ru/prosvetitel.htm> (data obrashhenija: 18.06.2014 g.).

¹⁹ Sm.: PSPiR. T. 3. № 1077. P. 6.

²⁰ Pavlushkov A.R. Osobennosti formirovanija cerkovnoj jurisdikcii v oblasti ugovovno-ispolnitel'noj politiki XVIII–XIX vv. // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 2 (22). S. 76–82.

²¹ PSPiR. T. 2. № 532. P. 1, 6.

²² Tam zhe. S. 176.

²³ V 1918 g. Patriarh Tihon predal anafeme vseh teh, kto tvoril bezzakonie i ubival nepovinnyh ljudej (sm.: Provozglashenie Patriarhom Tihonom anafemy Sovetskoj vlasti. http://stihya.org/calendar_222.html (data obrashhenija: 12.01.2014)).

²⁴ V 1970 g. Arhierejskij sobor zarubezhnoj RPC predal anafeme V.I. Lenina (sm.: Pravoslavnaja Rus'. 1970. № 1).

²⁵ V 2008 g. byl lishen sana i podvergnut anafeme arhierej Anadyrsko-Chukotskoj eparhii Diomid (sm.: Zhurnal zasedanija Svjatejshego Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi ot 06.10.2008 g. № 90).

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Альтернативы лишению свободы по законодательству Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Г.А. МАЙСТРЕНКО – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук;

С.М. БАЙМОЛДИНА – доцент кафедры уголовного права Евразийского национального университета им. Л.М. Гумилева (Казахстан), кандидат юридических наук

Статья посвящена рассмотрению альтернатив, действующих и предполагаемых к будущему закреплению в уголовных и уголовно-исполнительных кодексах Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан. Авторами анализируются рекомендации международных стандартов в указанной сфере, формулируются предложения которые могут быть учтены при разработке новых кодексов в указанных государствах Центральной Азии, а также способны вызвать интерес у российского законодателя. В числе прочего высказываются мысли относительно организации службы пробации.

Ключевые слова: уголовное наказание; лишение свободы; альтернативы лишению свободы; законодательство Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан; служба пробации

Alternatives to imprisonment on legislation of the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kyrgyzstan and the Republic of Tajikistan

V.I. SELIVERSTOV – Dsc. In Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of M.V. Lomonosov State University;

G.A. MAYSTRENKO – Phd. In Law, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;

S.M. BAYMOLDINA – Phd. In Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty of the Eurasian National L.M Gumilev University (Kazakhstan)

The article discusses alternatives to the existing and anticipated future consolidation in criminal and penal codes of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Tajikistan. It examines the recommendations of international standards in this area. The paper makes proposals and recommendations which, according to the authors, could be considered in the development of new codes in these Central Asian states as well as in the Russian legislation. Including there are made suggestions on the organization of the probation service.

Key words: criminal penalties; imprisonment; alternatives to imprisonment; the legislation of the Republic of Kazakhstan; the Republic of Kyrgyzstan and the Republic of Tajikistan; the probation service.

В странах Содружества Независимых Государств (СНГ) Центрально-Азиатского региона идет активная работа по подготовке и принятию новых уголовных, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных кодексов. Ближе всех к решению этой задачи приблизилась Республика Казахстан, в которой все три проекта вынесены на рассмотрение парламента страны. Как ожидается, кодексы будут приняты одновременно в середине 2014 г. и вступят в силу с 1 января 2015 г. В этих условиях возникает вопрос о новизне такой основополагающей категории уголовного законодательства, как система уголовных наказаний, в особенности наказаний и иных мер уголовно-правового характера (воздействия), альтернативных лишению свободы. Настоящая статья посвящена рассмотрению альтернатив, действующих и предлагаемых к будущему закреплению в уголовных и уголовно-исполнительных кодексах республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

Международные стандарты в сфере альтернатив для данных государств определены в ряде универсальных и региональных международных документов, среди которых важное место занимают Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), утвержденные резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. (далее – Токийские правила).

Токийские правила содержат свод основных принципов для содействия использованию мер, не связанных с тюремным заключением, а также минимальные гарантии для лиц, к которым применяются альтернативы тюремному заключению. В силу своего предмета они имеют довольно широкую сферу применения. Согласно п. 2.1 Токийские правила применяются ко всем лицам, в отношении которых осуществляется судебное преследование, суд или исполнение приговора,

на всех этапах отправления правосудия. Для этих целей в данном документе лица именуется правонарушителями независимо от того, являются ли они подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными.

Токийские правила допускают применение своих положений с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий каждой страны, однако исключают какую-либо дискриминацию по признакам расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иного статуса.

Для достижения целей настоящей статьи международные стандарты будут приводиться в аспекте альтернатив уголовному наказанию в виде лишения свободы, применяемых на основе вступившего в законную силу приговора суда и выраженных в виде уголовных наказаний и иных предусмотренных уголовными кодексами государств мер уголовно-правового характера (воздействия).

Виды альтернатив по законодательству республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан

В целях обеспечения большей гибкости в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, – от досудебных до послесудебных (п. 2.3 Токийских правил).

Уголовные кодексы рассматриваемых государств содержат следующие виды основных и дополнительных наказаний, альтернативных лишению свободы:

Республика Казахстан	Республика Кыргызстан	Республика Таджикистан
Имущественные (компенсационные) наказания		
Штраф	Штраф	Штраф
Конфискация имущества	Конфискация имущества	Конфискация имущества
–	Тройной айып	–
–	Публичное извинение с возмещением ущерба	–
Наказания, связанные с ограничением трудовых прав		
Привлечение к общественным работам	Привлечение к общественным работам	Обязательные работы
Исправительные работы	Исправительные работы	Исправительные работы
Ограничение по воинской службе	–	Ограничение по воинской службе

Наказания в виде лишения отдельных прав		
Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью	Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью	Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью
Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград	Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград	Лишение воинских званий, дипломатических рангов, званий, специальных чинов, государственных наград и почетных званий Таджикистана
Наказания в виде ограничения личных свобод		
Ограничение свободы	Ограничение свободы	Ограничение свободы

Как явствует из приведенной таблицы, уголовные кодексы Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан предусматривают довольно широкий спектр наказаний, альтернативных лишению свободы. В качестве предмета карательного воздействия они избирают отношения собственности, личной свободы, трудовой деятельности и некоторые другие. Обращает на себя внимание подсистема наказаний, носящих имущественный или компенсационный характер. Помимо штрафа и конфискации имущества в УК Республики Кыргызстан она включает в себя тройной айып, носящий и компенсационный (в пользу потерпевшего), и имущественный (в пользу государства) характер, а также публичное извинение с возмещением ущерба, являющееся прообразом двух наказаний, ранее закрепленных в уголовных кодексах большинства советских республик, – общественного порицания и обязанности загладить причиненный вред.

Наказания в виде привлечения к общественным работам (Кыргызстан), обязательных работ (Таджикистан), исправительных работ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), ограничения по военной службе (Казахстан, Таджикистан), ограничения свободы (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) являются основными видами наказаний. Уголовные наказания в виде привлечения к общественным работам (Казахстан), штрафа (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), лишения права занимать определенную должность и заниматься определенной деятельностью (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), публичного извинения с возмещением ущерба (Кыргызстан) могут

применяться в качестве основных и дополнительных. Данные наказания в единстве указанных выше групп непосредственно представляют собой альтернативы лишению свободы.

Наказания, назначаемые исключительно в качестве дополнительных (лишение специального, воинского, почетного звания, классного чина, специального классного чина, дипломатического ранга и государственных наград, конфискация имущества), могут выступать альтернативами лишению свободы в тех пределах, в каких уголовные законодательства республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан допускают их назначение в дополнение к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Имеющее место в этих случаях суммарное усиление карательного содержания основного и дополнительного наказания должно представлять более весомую альтернативу лишению свободы.

Токийские правила рекомендуют число и виды мер, не связанных с тюремным заключением, определять таким образом, чтобы обеспечивалась последовательность приговоров (п. 2.3). Реализации данного положения международного документа служит закрепление в уголовном законодательстве рассматриваемых государств не только уголовных наказаний, но и мер уголовно-правового характера (воздействия), создающих реальную альтернативу наказанию в виде лишения свободы¹. В зависимости от стадии, на которой возможно их применение, выделяются следующие меры уголовно-правового характера (воздействия)², предусмотренные уголовными законодательствами республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан:

Наименование	Республика Казахстан	Республика Кыргызстан	Республика Таджикистан
Условное осуждение	x	x	x
Принудительные меры медицинского характера	x	x	x
Принудительные меры воспитательного характера	x	x	x
Отсрочка отбывания наказания	x	x	x
Передача осужденного на поруки	-	x	-
Условно-досрочное освобождение	x	x	x

Как явствует из приведенной таблицы, меры уголовно-правового характера (воздействия) в указанных государствах существенно не различаются. Исключение составляет Республика Кыргызстан, в уголовном законодательстве которой предусмотрена такая мера уголовно-правового воздействия, как передача на поруки трудовому коллективу, общественной организации или образовательному учреждению. При передаче на поруки на осужденного может быть наложен запрет посещать определенные места, а также в отношении его могут быть установлены ограничения по проведению досуга.

Оценивая в целом закрепленные в уголовных законодательствах республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан системы наказаний и мер уголовно-правового характера (воздействия), следует отметить их идентичность системе наказаний и мер уголовно-правового характера, закрепленной в Модельном уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств³. Однако имеются исключения.

Во-первых, ни одна из рассматриваемых республик не включила в свою систему наказаний содержащееся в модельном уголовном кодексе наказание в виде ограничения свободы досуга несовершеннолетнего.

Во-вторых, в УК Республики Кыргызстан дополнительно предусмотрены наказания в виде тройного айыпа и публичного извинения с возмещением ущерба, а также мера уголовно-правового воздействия в виде передачи лица на поруки. Следует отметить, что система альтернативных наказаний и мер уголовно-правового воздействия по УК Республики Кыргызстан более разнообразна (хотя и несет на себе отпечаток советского опыта альтернатив). Для оценки эффективности применения альтернатив необходим анализ практики их назначения.

Назначение альтернатив по уголовному законодательству республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан

Не ставя задачей анализ всех особенностей назначения альтернатив лишению свободы, остановимся на наиболее важных правилах назначения альтернативных наказаний и мер уголовно-правового характера (воздействия).

В уголовных кодексах всех перечисленных республик регламентированы общие начала назначения наказания, являющиеся своеобразными принципами данного института уголовного права. В ч. 2 ст. 52 УК Республики Казахстан установлено, что лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание, необходимое и достаточное для исправления и предупреждения новых преступлений. В ч. 1 ст. 60 УК Республики Таджикистан содержится требование назначения справедливого наказания, определяемого в пределах, установленных статьей Особенной части, и с учетом положений Общей части. В то же время уголовные кодексы республик Казахстан (ч. 2 ст. 52) и Таджикистан (ч. 2 ст. 60) содержат одну и ту же формулировку о том, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается лишь в случае, если менее строгий вид не сможет обеспечить достижение целей наказания.

В ч. 2 ст. 53 УК Республики Кыргызстан закреплено, на наш взгляд, более развернутое положение: «Лицу, совершившему преступление, должно быть назначено справедливое наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения новых преступлений. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, если его цели не могут быть достигнуты иным, более мягким наказанием, предусмотренным соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодек-

са». Указанные нормы ориентируют на назначение более мягкого наказания именно применительно к лишению свободы, задача сокращения применения которого является приоритетной для Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

В то же время указанные общие начала во всех рассматриваемых уголовных кодексах не охватывают назначение иных альтернативных лишению свободы мер уголовно-правового характера (воздействия), в том числе тех, которые могли бы исполняться службами пробации. В этом нам видится их основной недостаток.

Что же следовало бы порекомендовать учесть при разработке новых кодексов в названных государствах Центральной Азии?

По видам альтернатив. Токийские правила рекомендуют следующие альтернативные санкции: а) устные санкции, такие как замечание, порицание и предупреждение; б) условное освобождение от ответственности; в) поражение в гражданских правах; г) экономические санкции и денежные наказания, такие как разовые штрафы и поведенные штрафы; д) конфискация или постановление о лишении права собственности на имущество; е) возвращение имущества жертве или постановление о компенсации; ж) условное наказание или наказание с отсрочкой; з) условное освобождение из заключения и судебный надзор; и) постановление о выполнении общественно полезных работ; л) направление в исправительное учреждение с обязательным ежедневным присутствием; м) домашний арест (п. 8.2).

Вместе с тем Токийские правила допускают, что это может быть любой другой вид обращения, не связанный с тюремным заключением, или какое-либо сочетание перечисленных выше мер. В связи с этим можно рассмотреть вопрос о расширении альтернативных наказаний и мер уголовно-правового характера (воздействия) в процессе осуществления реформ уголовного законодательства.

Применительно к уголовным наказаниям речь может идти, например, о выдворении иностранного гражданина за пределы страны с запретом въезда на срок от 5 до 10 лет (в качестве основного и дополнительного наказания), публичном извинении с погашением нанесенного ущерба (в качестве основного наказания).

Применительно к иным мерам уголовно-правового характера (воздействия) можно рассмотреть возможность введения поручительства о правомерном поведении с внесе-

нием денежного залога на срок от 2 до 5 лет, прохождения курса обязательного лечения от наркомании как условия освобождения от наказания за преступления, совершенные лицами, страдающими наркоманией.

По назначению альтернатив. Представляется целесообразным при разработке нового уголовного законодательства изменить общие начала назначения наказания, адаптировав их к назначению не только уголовных наказаний, но и мер уголовно-правового характера (воздействия). В этих целях в качестве основного правила следует закрепить положение о том, что наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, если требуемые цели не могут быть достигнуты посредством иного, более мягкого наказания либо меры уголовно-правового характера (воздействия), предусмотренных санкциями соответствующей статьи Особенной части или нормами Общей части уголовного кодекса.

На стадии назначения альтернативных наказаний и мер уголовно-правового характера (воздействия) целесообразно внедрение технологий пробации, в частности учета выводов докладов о социальном обследовании. Как рекомендуется в Токийских правилах, если существует возможность составления докладов о социальном обследовании, судебный орган может воспользоваться докладом, подготовленным компетентным уполномоченным должностным лицом или учреждением. Доклад должен включать социальную информацию о правонарушителе, которая имеет отношение к характеру совершенных ранее и нынешних правонарушений. Он должен также содержать сведения и рекомендации, которые связаны с процедурой вынесения приговора. Доклад составляется на основе фактического, объективного и беспристрастного материала, а мнения формулируются в четких выражениях (п. 7.1).

Все это может стать функцией службы пробации, осуществляемой на досудебной стадии. Поскольку практика докладов о социальных обследованиях требует финансовых затрат, возможны различные варианты ее внедрения: установление норм об обязательности социального обследования в отношении отдельных категорий подсудимых (несовершеннолетних, женщин, имеющих на иждивении детей) и о возможности такого обследования по решению суда в отношении иных категорий; дифференциация возможности проведения социального обследования в зависимости от категории со-

вершенного общественно опасного деяния или по иным основаниям.

По исполнению альтернатив. Одним из существенных недостатков является слабость структур, призванных обеспечить исполнение альтернатив, а именно уголовно-исполнительных инспекций. С целью его устранения вносятся предложения о создании самостоятельной службы пробации, которая наряду с осуществлением других функций могла бы исполнять альтернативные виды уголовного наказания и меры уголовно-правового характера (воздействия) с установлением пробационного контроля за поведением осужденных.

При этом под пробацией понимается совокупность мер, применяемых в отношении лиц, подвергшихся уголовному преследованию и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в целях их социальной адаптации, социальной реабилитации, защиты прав и интересов указанных лиц, а также в целях контроля и надзора за их поведением. В этом понимании пробация охватывает досудебную стадию, стадии назначения и исполнения наказания и мер уголовно-правового характера (воздействия), а также постпенитенциарную стадию.

Возможны три варианта организации службы пробации:

1. Создание службы пробации как единой, централизованной и самостоятельной системы учреждений социальной пробации и органов управления ими. Уголовно-исполнительные инспекции в этом случае передаются в новую структуру – службу пробации.

2. Образование службы пробации на базе уголовно-исполнительных инспекций в тех организационно-правовых рамках, в которых функционируют системы исполнения наказаний в республиках Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

3. Поэтапное внедрение отдельных элементов пробации (докладов о социальном обследовании, пробационного контроля,

отдельных элементов социальной помощи) на различных этапах правоохранительной деятельности без образования службы пробации.

Выбор модели зависит от ряда факторов, в первую очередь от экономического положения государства, его приоритетов в социально-экономической и политической сферах. Учитывая трудности с выделением значительных средств для создания полноценной службы пробации, реальной перспективой может стать поэтапное внедрение ее элементов с последующим образованием службы в имеющихся организационных и правовых рамках на базе уголовно-исполнительных инспекций. Впоследствии служба пробации может быть выделена в самостоятельную структуру (службу, комитет и т.п.). Сроки и этапы создания служб пробации будут зависеть от экономических и социально-политических условий дальнейшего развития республик Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

Такой же алгоритм действий целесообразен и для Российской Федерации, где к 2013 г. Министерством юстиции был подготовлен пакет законов о введении в 2014–2016 гг. в действие самостоятельной Федеральной службы пробации. Однако данная инициатива не была одобрена Правительством Российской Федерации из-за перспективы больших финансовых затрат. В связи с этим в январе 2014 г. Министерством юстиции Российской Федерации были инициированы законодательные изменения о внедрении лишь отдельных технологий пробации, в частности о проведении социально-психологического исследования личности несовершеннолетнего при избрании ему меры пресечения, переводе осужденного, достигшего совершеннолетия, из воспитательной колонии в изолированный участок колонии общего режима, функционирующий при воспитательной колонии для несовершеннолетних осужденных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В уголовных кодексах республик Казахстана и Кыргызстан они названы мерами уголовно-правового воздействия, а в УК Республики Таджикистан – мерами уголовно-правового характера.

² Под мерой уголовно-правового характера (воздействия) в настоящей статье понимается государственно-принудительный режим, предусмотренный уголовным законом за совершение преступления, выраженный в виде ограничений прав и свобод осужденных и назначаемый судом вместо наказания или дальнейшего его отбывания.

³ Рекомендательный законодательный акт, принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996 г. в г. Санкт-Петербурге.

¹ V ugovolnyh kodeksah respublik Kazahstana i Kyrgyzstan oni nazvany merami ugovolno-pravovogo vozdeystviya, a v UK Respubliki Tadjikistan – merami ugovolno-pravovogo haraktera.

² Pod meroy ugovolno-pravovogo haraktera (vozdeystviya) v nastojashhej stat'e ponimaetsja gosudarstvenno-prinuditel'nyj rezhim, predusmotrennyj ugovolnym zakonom za sovershenie prestuplenija, vyrazhennyj v vide ogranichenij prav i svobod osuzhdennyh i naznachaemyj sudom vmesto nakazaniya ili dal'nejshego ego otbyvanija.

³ Rekomendatel'nyj zakonodatel'nyj akt, prinjat postanovleniem Mezhparyamentskoj assamblei gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv 17.02.1996 g. v g. Sankt-Peterburge.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы

Л.А. ЛАТЫШЕВА – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена изучению проблем и задач ресоциализации и социальной адаптации женщин, осужденных к лишению свободы. Автор обращает внимание на гендерные особенности, обуславливающие специфику работы с осужденными женщинами в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы, анализирует сложившуюся в обозначенной сфере ситуацию и предлагает специальный комплекс мер, в реализации которого нуждается осужденная женщина и в котором будут учтены не только уголовно-правовые и криминологические особенности ее личности, но и специфические потребности и проблемы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; профилактика рецидивной преступности; лишение свободы; ресоциализация осужденных женщин; гендерные особенности осужденных.

Features of women recozialization sentenced to imprisonment

L.A. LATYSHEVA – Associate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is devoted to the study of the problems and challenges of resocialization and social adaptation of women sentenced to imprisonment. The author draws attention to the gender-specific, causing the specifics work with women convicts while serving their sentence of imprisonment. The author analyzes and offers a special package of measures and assistance in which the condemned woman and needs to be taken into account not only the criminal law and criminological characteristics of her personality, but also the specific needs and concerns.

Key words: penal law; prevention of recidivism; imprisonment; resocialization of convicted women; gender-specific prisoners.

В исправительных учреждениях обычно отбывают наказание люди с выраженными антисоциальными установками, запущенные в социальном плане. Пагубное влияние условий лишения свободы чаще всего способствует дальнейшей социальной деградации. Все это актуализирует проблему ресоциализации осужденных, требует поиска эффективных путей их возвращения в общество.

Одним из принципов уголовно-исполнительного права России, формирующих ос-

нову процесса ресоциализации осужденных, является принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 80 УИК РФ в исправительных учреждениях раздельно содержатся осужденные к лишению свободы мужчины и женщины. Осужденные женщины отличаются от осужденных мужчин психофизиологическими характеристиками, наличием ряда гендерных особенностей, которые должны учитываться в ходе их ресоциализации.

Особенности и специфика пребывания женщин в местах лишения свободы были раскрыты в работах Ю.М. Антоняна, Т.Н. Волковой, Е.В. Стуровой, И.Я. Фойницкого, А.В. Чернышевой и др. Между тем отсутствуют конкретные методологические разработки в области осуществления ресоциализации осужденных женского пола.

Для того чтобы выделить приоритетные направления ресоциализации осужденных женщин, первоначально рассмотрим специфические особенности и потребности лиц данной категории.

Отличие женщины от мужчины в целом заключается в выполнении принципиально иных социальных функций. В первую очередь женщина играет традиционную роль хранительницы домашнего очага. Женщины в большей степени зависимы от семейных отношений и связей: решение проблем содержания детей, ухода за престарелыми лежит в основном на их плечах¹. При этом осужденные женщины сложнее воспринимают условия изоляции, процесс распада социально значимых связей протекает у них быстрее². Они глубже и сильнее переживают разводы, неустроенность личной жизни³.

Анализ статистических данных за последние годы обнаруживает выраженную тенденцию к увеличению числа осужденных женщин с разрушенными семейными связями. По признаку семейного положения и наличия социальных связей большая часть из них (74,5%) на момент ареста не состояла в браке⁴. Экспертные опросы специалистов по работе с осужденными показали, что практически 98% респондентов считают, что семьи зачастую оказывают положительное воздействие на осужденных⁵. По данным исследований, более 85% осужденных женщин озабочены сохранением как семейных, так и родственных связей⁶. Кроме того, только для женщины характерно чувство материнства, у мужчин-отцов оно не может присутствовать в силу физиологических причин⁷. Отметим, что в настоящее время возрастает численность осужденных матерей. Большинство из них находятся в одном из самых социально продуктивных возрастов – от 30 до 39 лет. Получается, что в условиях демографического спада, кризиса семьи, роста девиаций детей значительная часть женщин вместо выполнения традиционных гендерных ролей (создания семьи, рождения, воспитания и обучения потомства) проводит важнейшие для жизни годы в местах лишения свободы⁸.

Практика показывает, что на ресоциализацию осужденных женщин существенное влияние оказывает ряд негативных факторов. Например, условия содержания в исправительном учреждении являются неблагоприятными с точки зрения сохранения материнских качеств и восстановления социально полезных контактов с семьей: тут следует упомянуть отсутствие нормальных бытовых условий, проблемы соблюдения требований гигиены, неполноценное питание, дефицит индивидуального пространства, строгую регламентацию распорядка жизни, ограничение возможностей для проявления самостоятельности и ответственности, сужение сферы социальных контактов и отчужденность. Женщинами практически не реализуются такие формы поддержания семейных и социальных контактов, как краткосрочные выезды и отпуска с выездом из исправительного учреждения. Кроме того, на выполнение комплекса материнских функций влияют серьезные деформации, обусловленные асоциальным образом жизни женщины до осуждения, социально-педагогической неподготовленностью к материнству.

Процесс ресоциализации осужденной затрудняют особенности личности, которые связаны со значительной деформацией содержания ценностно-нормативной системы (потребности, мотивы, цели, ценностные ориентации, жизненные планы, интересы), устойчивыми психологическими чертами (повышенной эмоциональностью, чувствительностью, внушаемостью, экспрессивностью, агрессивностью, жестокостью, тревожностью) и другими гендерными проявлениями. Также особое внимание следует обратить на проблему женского алкоголизма, который имеет более опасные последствия, чем мужской, поскольку пьянство нарушает функцию материнства, затрагивая будущие поколения. В настоящее время наблюдается процесс омоложения пьющих женщин⁹.

Безусловно, трудно переоценить практическое значение ресоциализации, важность которой определяется не только тем, что она служит единственным критерием оценки эффективности работы учреждений, исполняющих наказания, но и тем, что обладает самостоятельным значением. Несмотря на это, цельной концепции ресоциализации осужденных к лишению свободы до сих пор не выработано не только в России, но и в других странах¹⁰. Учитывая данное обстоятельство, попробуем обозначить приоритетные направления работы по повышению

эффективности ресоциализации осужденных женщин.

Во-первых, чрезвычайно важно оказание помощи осужденным женщинам в сохранении семьи, содействие в восстановлении, укреплении и развитии социально полезных контактов с родственниками. Актуальность данного направления обусловлена и тем, что в современных условиях институт семьи разрушается под влиянием различных факторов. В рамках соответствующей работы целесообразно направлять женщин в исправительные учреждения, ближайшие к месту их жительства, поскольку отбывание наказания вдали от места проживания осложняет контакты с семьей: ввиду дальности расстояния и высокой стоимости билетов родственники лишены возможности приезжать на свидания. Ослабление связей осужденных способствует распаду их семей (по данным переписи осужденных, распадается каждая вторая семья женщины)¹¹.

Обстановка в местах лишения свободы должна быть приближена к условиям жизни на свободе, что способствует успешной реабилитации и ресоциализации. В пределах исправительного учреждения важно организовать рекреационную среду (центры встреч и свиданий с родственниками, центры семьи).

Во-вторых, следует уделять достаточное внимание формированию и развитию мотивов материнства. Родив ребенка, осужденная женщина обретает новую цель в жизни, у нее появляется сильнейшая мотивация изменить судьбу, снижается количество дисциплинарных нарушений, сохраняются и укрепляются социальные связи, появляется уверенность в себе и своем будущем¹². Поэтому нельзя не учитывать особенности ресоциализации осужденных женщин, имеющих малолетних детей, детей дошкольного, подросткового и иных возрастов, взрослых самостоятельно живущих детей, а также молодых женщин, отбывающих наказание в исправительном учреждении, из числа беременных и потенциальных матерей (имеющих реальные перспективы родить ребенка).

Для беременных осужденных должны создаваться соответствующие условия, такие же, как на свободе. Это необходимо, поскольку женщина, тем более беременная, особо восприимчива к психогенным факторам, связанным с переживаниями личного, интимного и семейного характера. Уровень психических расстройств у женщин, находящихся в заключении, выше, чем у мужчин. Все это негативным образом сказывается

на ребенке как во время беременности, так и после¹³. Развитие ребенка не должно ограничиваться лишь потому, что его мать находится в исправительном учреждении.

В ст. 100 УИК РФ указано, что в исправительных учреждениях могут организовываться дома ребенка, однако численность таких учреждений невелика и осужденные женщины, имеющие малолетних детей, зачастую направляются для отбывания наказания в другие исправительные учреждения, что приводит к разрыву социальных связей. В названной статье также устанавливается, что начальники исправительных учреждений имеют право разрешить женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, совместно проживать с ними в домах ребенка. Однако, как правило, бытовые условия не дают возможности реализовать данное право, несмотря на то, что совместное проживание матерей с детьми способствует развитию материнских чувств, повышает ответственность осужденной за судьбу своего ребенка, создает предпосылки для более успешной ресоциализации¹⁴. В соответствии со ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации родитель имеет право на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопроса получения ребенком образования. Следует отметить, что Европейские пенитенциарные правила также указывают на необходимость нахождения в местах лишения свободы малолетних детей с обязательным созданием особых условий для их проживания. Правила не определяют верхнего предела возраста, по достижении которого ребенок будет вынужден оставить родителя в тюрьме. Решение этого вопроса зависит от культурных и национальных особенностей государства¹⁵.

В рамках реализации рассматриваемого направления в исправительных учреждениях необходимо сформировать систему постоянных социальных контактов осужденной с ребенком. Следует сделать все необходимое для того, чтобы создать для ребенка благоприятную обстановку, учитывая его интересы. Дети должны иметь достаточные условия для игр и физических занятий, а также, если это возможно, выходить за пределы учреждения, чтобы побыть в обычной среде на свободе. На наш взгляд, решение данного вопроса возможно путем создания при исправительном учреждении центра материнства, в котором осужденные матери проживали бы совместно с детьми в отдельных благоустроенных комнатах (далее – центр). Следует также принять осо-

бые меры по оказанию поддержки матери и ребенку, когда наступит момент освобождения (например, получение материнского капитала и др.)¹⁶. Одной из задач центра должно стать обучение осужденных женщин основам материнства, причем и тех, кто еще не имеет детей. Центр должен располагать специальными помещениями, в которых проводились бы занятия (мамина школа).

В-третьих, чрезвычайно важно привлечение осужденных женщин к различным видам трудовой деятельности, в том числе непрофессиональной, с расширением площадей для работы; включение их в различные формы социально полезной (социально-культурной, спортивно-оздоровительной) и общественно значимой деятельности. Формами организации общественно значимой деятельности могут стать разработка и организация благотворительных акций, проведение Недели добрых дел и милосердия и т.д. Благотворительная деятельность осужденных может быть направлена на социальную поддержку наиболее нуждающихся из них: малообеспеченных, сирот, инвалидов, престарелых, больных, а также на социальную поддержку свободных граждан, относящихся, например, к категориям инвалидов, детей-сирот. Участие в соответствующих мероприятиях способствует формированию таких качеств личности, как милосердие, доброта, ответственность, толерантность и т.д.

В-четвертых, не должен оставаться без внимания вопрос воспитания женственно-

сти и формирования женского типа поведения. В связи с этим целесообразно активнее привлекать к работе с осужденными женщинами церковь, назначение которой видится в развитии высокой духовности женщин, их нравственном совершенствовании, формировании надлежащего отношения к высшим человеческим ценностям, долгу перед семьей, детьми, обществом. Особое значение имеет помощь монастырей в постпенитенциарной ресоциализации женщин, освобожденных из исправительных учреждений. Например, при содействии Архангельской региональной общественной организации «Рассвет» по проекту «Новая жизнь», цель которого заключается в ресоциализации и социальной адаптации бывших осужденных, на базе Артемия-Веркольского монастыря было создано поселение, где желающим были предоставлены жилье, работа, питание, духовная помощь.

В-пятых, требуется развитие специальных программ по оказанию помощи осужденной и ее семье (финансовая, материальная помощь, помощь по уходу за детьми, социальная поддержка матерей-одиночек), создание или привлечение к этой работе фондов, женских организаций. Реализация данных программ потребует внесения изменений в действующее законодательство, регламентирующее вопросы деятельности субъектов процесса ресоциализации осужденных женщин как на пенитенциарном, так и на постпенитенциарном этапах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 36.

² См.: Там же. С. 48.

³ См.: Там же. С. 32.

⁴ См.: Царева Е.В. Поддержание семейных связей как фактор ресоциализации осужденных женщин // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 230.

⁵ См.: Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России. С. 50.

⁶ См.: Царева Е.В. Поддержание семейных связей как фактор ресоциализации осужденных женщин. С. 231.

⁷ См.: Тоболевич О.А. Подходы к проведению гендерных исследований в юридической психологии // От качества образования к успешной профессиональной деятельности: Материалы VII Школы социальной работы. Рязань, 2008. С. 36.

⁸ См.: Взаимодействие с органами исполнительной власти по вопросам социальной адаптации осужденных, освобожденных из ВК (опыт УИН Минюста России по Омской области) // Аннотированный сборник материалов передового опыта в уголовно-исполнительной системе Минюста России за 2003–2004 годы. М., 2004. С. 18–20.

⁹ См.: Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России. С. 23.

¹ См.: Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 36.

² См.: Там же. С. 48.

³ См.: Там же. С. 32.

⁴ См.: Царева Е.В. Поддержание семейных связей как фактор ресоциализации осужденных женщин // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 230.

⁵ См.: Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России. С. 50.

⁶ См.: Царева Е.В. Поддержание семейных связей как фактор ресоциализации осужденных женщин. С. 231.

⁷ См.: Тоболевич О.А. Подходы к проведению гендерных исследований в юридической психологии // От качества образования к успешной профессиональной деятельности: Материалы VII Школы социальной работы. Рязань, 2008. С. 36.

⁸ См.: Взаимодействие с органами исполнительной власти по вопросам социальной адаптации осужденных, освобожденных из ВК (опыт УИН Минюста России по Омской области) // Аннотированный сборник материалов передового опыта в уголовно-исполнительной системе Минюста России за 2003–2004 годы. М., 2004. С. 18–20.

⁹ См.: Кунц Е.В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России. С. 23.

¹⁰ См.: Зубкова В.И. Исполнение лишения свободы в целях ресоциализации осужденных: проблемы и перспективы развития // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 22. С. 27.

¹¹ См.: Михлин А.С. Гуманизация уголовно-исполнительного законодательства в свете Конституции Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 4.

¹² См.: Территория детства // Преступление и наказание. 2012. № 3. С. 14.

¹³ См.: Польшаева И.С. Проблемы реализации материнства в пределах исправительного учреждения // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний. С. 178.

¹⁴ См.: Батищева Е.В. Роль и основные направления социальной работы с женщинами, находящимися в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4 (5). С. 47.

¹⁵ См.: Селиверстов В.И. Европейские пенитенциарные правила – правовая основа социальной работы в местах лишения свободы // Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика. Вологда, 2007. С. 13.

¹⁶ См.: Ханиева М. Комплексно и плодотворно // Преступление и наказание. 2012. № 3. С. 9.

¹⁰ Sm.: Zubkova V.I. Ispolnenie lisheniya svobody v celjah resocializacii osuzhdennyh: problemy i perspektivy razvitija // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 22. S. 27.

¹¹ Sm.: Mihlin A.S. Gumanizacija ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v svete Konstitucii Rossijskoj Federacii // Ugovolno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2005. № 5. S. 4.

¹² Sm.: Territorija detstva // Prestuplenie i nakazanie. 2012. № 3. S. 14.

¹³ Sm.: Polysaeva I.S. Problemy realizacii materinstva v predelah ispravitel'nogo uchrezhdenija // Gosudarstvennaja politika v oblasti naznachenija i ispolnenija ugovolnyh nakazanij. S. 178.

¹⁴ Sm.: Batishheva E.V. Rol' i osnovnye napravlenija social'noj raboty s zhenshhinami, nahodjashhimisja v mestah lisheniya svobody // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2007. № 4 (5). S. 47.

¹⁵ Sm.: Seliverstov V.I. Evropejskie penitenciarnye pravila – pravovaja osnova social'noj raboty v mestah lisheniya svobody // Social'naja rabota v svete novyh Evropejskih penitenciarnyh pravil: teorija i praktika. Vologda, 2007. S. 13.

¹⁶ Sm.: Hanieva M. Kompleksno i plodotvorno // Prestuplenie i nakazanie. 2012. № 3. S. 9.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Объявлены результаты олимпиады обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний

В соответствии с Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30.01.2014 г. № 12 «Об утверждении Положения об олимпиадах обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний» в период с 15 января по 25 апреля 2014 г. состоялась олимпиада обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний.

Курсанты и студенты нашего института приняли активное участие в этом престижном конкурсе. Всего на первый (внутривузовский) этап олимпиады было представлено 20 научных работ курсантов и студентов ВИПЭ ФСИН России. Конкурсная комиссия отметила высокий уровень подготовленных материалов. В ходе голосования по результатам первого (внутривузовского) этапа в финальный тур были отобраны 8 научных работ курсантов ВИПЭ ФСИН России.

По завершении финального конкурсного отбора распоряжением министра юстиции Российской Федерации А.В. Коновалова от 24.04.2014 г. № 769-р были объявлены итоги олимпиады обучающихся в федеральных государственных образовательных организациях Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний в 2014 г. Два курсанта нашего института стали победителями и призерами олимпиады.

Первое место в номинации «Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности Министерства юстиции Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний» занял курсант пятого курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России младший лейтенант полиции Виталий Александрович Крымов. Он подготовил научную работу на тему «Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина» (научный руководитель – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности кандидат юридических наук, доцент подполковник внутренней службы Елена Викторовна Ухова).

Второе место в номинации «Международно-правовые нормы и стандарты в сферах юстиции и исполнения наказаний» заняла курсант третьего курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России рядовой внутренней службы Анна Павловна Белова. Она представила работу на тему «Административная преюдиция в зарубежном и российском законодательстве» (научный руководитель – доцент кафедры административно-правовых дисциплин кандидат юридических наук майор внутренней службы Наталья Александровна Мельникова).

Поздравляем победителей и призеров олимпиады, а также их научных руководителей!

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Л.И. Вавулинской «Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг.»¹

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

Рецензируемая монография посвящена активно разрабатываемой в последние годы проблеме положения и трудового использования спецконтингента в сталинском СССР. В качестве объекта научного анализа автором выбраны две категории – спецпереселенцы и иностранные военнопленные. В основу исследования положен обширный корпус источников, представленный не только впервые вводимыми в научный оборот архивными документами, но и периодической печатью, воспоминаниями, многие из которых лично записаны автором в процессе интервьюирования очевидцев. Территориальные рамки работы охватывают Карело-Финскую ССР, хронологические – первое послевоенное десятилетие.

Структура монографии включает введение, два раздела (13 глав), заключение, список источников и литературы, а также список сокращений. Во введении обосновывается актуальность темы, раскрывается понятийный аппарат, характеризуются историография и источники, формулируются цели и задачи исследования. По мнению автора, главной причиной вовлечения спецпоселенцев и военнопленных в систему принудительного труда была потребность СССР в массовой рабочей силе в послевоенный период. В первую очередь это касалось регионов, пострадавших в ходе войны и оккупации, а также малонаселенных и неосвоенных периферийных территорий, богатых природными ресурсами, к которым, безусловно, относилась Карелия.

В первом разделе рассматриваются проблемы спецпоселения в республике. В отличие от других регионов Советского Союза, высылка по национальному признаку в Карелию не получила широкого распространения. Основная масса спецпереселенцев была представлена советскими гражданами, служившими в войсках Германии и ее союзников, в полиции и органах оккупационной администрации, раскулаченными крестьянами, а также колхозниками, «злостно уклонявшимися от трудовой деятельности и ведущими паразитический образ жизни».

Главной сферой применения труда спецпереселенцев являлись лесозаготовительная и целлюлозно-бумажная промышленность. Контроль за их жизнью возлагался на спецкомендатуры, в которых

¹ Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

каждый спецпереселенец ежемесячно проходил регистрацию. Вполне обоснован вывод автора о том, что система спецпоселений, ограничивавшая свободу передвижения, выбора места жительства и работы, серьезно ущемляла спецпереселенцев в правах и подрывала их доверие к советскому государству. Это стало одной из предпосылок отмены режима спецпоселения в условиях либерализации общественно-политической жизни в стране в середине 1950-х гг.

Второй раздел монографии посвящен деятельности учреждений военного плена. В составе Наркомата внутренних дел Карело-Финской ССР в марте 1945 г. был образован отдел по делам военнопленных и интернированных, в подчинении которого находились четыре лагеря и три спецгоспиталей. Если в целом по СССР в 1946 г. доля военнопленных в общей численности рабочих и служащих составляла 6,3%, то в Карелии – 15,4%, то есть была выше в 2,5 раза. Фактически лагеря военнопленных заменили собой лагеря ГУЛАГа, контингент которых был эвакуирован в начале войны в тыловые районы страны.

Характеризуя правовой статус военнопленных, автор отмечает, что он в большей степени определялся международно-правовыми нормами, чем ведомственными инструкциями (С. 194–195). Имеется в виду Женевская конвенция о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г., которая не была подписана и ратифицирована Советским Союзом. Тем не менее, как указывается в монографии, советское государство реализовало некоторые из положений данной конвенции в нормах внутреннего права, в частности в «Положении о военнопленных», утвержденном Советом народных комиссаров 1 июля 1941 г. Последнее не предусматривало контроль за содержанием пленных со стороны Международного комитета Красного Креста и держав-покровительниц, а также допускало произвольное толкование порядка их продовольственного обеспечения и трудового использования (С. 181–182).

По-видимому, к числу досадных опечаток можно отнести утверждение о том, что пленные содержались в специальных режимных лагерях, где отбывали стандартный срок заключения – 25 лет лишения свободы (С. 182). В данном случае речь может идти исключительно об участниках зверств и злодеяний, осужденных на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Основная масса пленных немцев, согласно достигнутой между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции договоренности, должна была быть возвращена на родину к концу 1948 г. Однако в силу экономических и политических соображений массовая репатриация из СССР завершилась в конце 1949 г., а полная, включавшая освобождение военных преступников, лишь в 1956 г.

Не вызывает возражений вывод автора о том, что в силу внешнеполитических соображений пленные в меньшей степени, чем заключенные испытывали произвол со стороны лагерного начальства. Тем не менее, как указывается далее, имели место факты злоупотреблений со стороны сотрудников лагерей, конвоиров и представителей хозяйственных организаций, которые проявлялись в оскорблениях, избияниях и прочих притеснениях бывших неприятельских солдат и офицеров (С. 192). В целом же в силу региональных особенностей режим содержания пленных был довольно мягким: значительная их часть была расконвоирована и трудилась вместе с вольнонаемными рабочими под присмотром мастеров и бригадиров.

Труд военнопленных, как и спецпереселенцев, использовался в лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной промышленности, а также на строительном-монтажных работах, в том числе на восстановлении г. Петрозаводска. Их руками были построены и реконструированы многие жилые и административные здания, культурные учреждения, промышленные предприятия и дороги. Трудовое использование бывших врагов было сопряжено с многочисленными трудностями, главными из которых являлись их плохое физическое состояние, недостаточное питание, отсутствие мотивации к повышению производительности. В результате, как отмечается в документах предприятий и организаций, пленные работали «пре-ступно медленно» и зачастую «никакой пользы государству» не приносили (С. 200–201). Тем не менее, по мнению автора, применение принудительного труда сыграло важную роль в экономическом возрождении Карелии. Об этом свидетельствует тот факт, что силами спецконтингента, в том числе пленных, в 1946–1947 гг. в Карело-Финской ССР было выполнено 40% капитальных работ, предусмотренных послевоенным пятилетним планом (С. 226).

Отдельный параграф посвящен анализу политической работы с обезоруженными солдатами и офицерами противника, направленной на денацификацию сознания, формирование коммунистического мировоззрения, повышение морального настроения и трудового энтузиазма. Ее формы и методы отличались разнообразием: политкружки, беседы, лекции, собрания, митинги. Для пленных издавались газеты на иностранных языках, организовывался просмотр кинокартин. В лагерях работали библиотеки, клубы, радиоузлы, проводились концерты и музыкальные вечера. Важным инструментом политического контроля за настроениями контингента являлась переписка. Не преувеличивая эффективность идеологической обработки бывших неприятельских военнопленных, автор отмечает, что большинство из них изменили свое отношение к Советскому Союзу в лучшую сторону, а часть «сознательно участвовала в антифашистской работе» (С. 253).

Достаточно взвешенно оцениваются условия содержания пленных. Несмотря на нормированное продовольственное и вещевое снабжение, массовый характер имели хищения продуктов и имущества, что негативно отражалось на состоянии здоровья контингента. Снижение норм питания в конце 1946 г. повлекло за собой рост заболеваемости и смертности. Вместе с тем автор отмечает, что местное население также жило в условиях голода и крайней нужды, в результате чего 7% жителей республики болели дистрофией (С. 259).

В отличие от нацистской Германии, советское правительство большое внимание уделяло поддержанию физического состояния пленных. Медицинская помощь оказывалась на базе лагерных лазаретов и спецгоспиталей. Ослабленные лица получали повышенные нормы питания, освобождались от тяжелого труда. Тем не менее, в результате изнурительной работы в условиях северного климата и недостаточного питания, различных злоупотреблений лагерной администрации умерло около 6 тыс. «узников войны». Не обходит автор и проблему иностранных захоронений. В частности, отмечается, что из-за отсутствия надлежащего надзора и ухода за кладбищами большинство из них разрушились и в настоящее время непригодны к восстановлению.

Подводя итог исследованию, автор констатирует, что, несмотря на существенный вклад спецконтин-

гента в развитие Карелии, применение принудительного труда не могло оправдать крупных социальных издержек, демографических, интеллектуальных и трудовых потерь, связанных с его использованием. Все это обусловило демонтаж лагерной и спецпоселенческой системы в рамках не только республики, но и всего СССР в постсталинский период.

Безусловно, монография Л.И. Вавулинской представляет большой интерес не только для сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, но и для всех, кто интересуется историей отечественной пенитенциарной системы, малоизвестными страницами Второй мировой войны и ее последствий.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Крюкова О.Ю. Специальный субъект в преступлениях, посягающих на нормальное функционирование органов и учреждений, реализующих лишение свободы, арест, содержание под стражей: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 129 с. – ISBN 978-5-94991-289-8.

Монография посвящена изучению теоретических и практических проблем определения субъекта преступлений, посягающих на нормальное функционирование учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В ней содержится подробная характеристика признаков субъектов таких преступлений, как побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, уклонение от отбывания лишения свободы, дезорганизация деятельности исправительных учреждений. Значительное место уделено отечественному и зарубежному опыту определения признаков субъекта преступлений, посягающих на нормальное функционирование органов и учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

В работе использованы данные статистики ФСИН России, опубликованные материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и материалы следственно-судебной практики некоторых регионов, а также результаты анкетирования судей федеральных судов, сотрудников органов предварительного следствия, прокуратуры, а также учреждений уголовно-исполнительной системы.

Может быть применена в учебном процессе юридических образовательных учреждений при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла, а также в научно-исследовательской деятельности. Может представлять интерес для работников судебных органов, органов следствия, прокуратуры, адвокатуры.

Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов V Международного научно-практического семинара (Вологда, 17–18 апреля 2013 года). Часть 1 / Отв. ред. Похачевский А.Л., Виноградов О.В. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 92 с.

В первую часть сборника вошли материалы, которые освещают современное состояние про-

фессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, проблемы подготовки профессиональных кадров для силовых структур, вопросы совершенствования методики проведения занятий по физической подготовке с сотрудниками ФСИН России, организацию взаимодействия ведомственных вузов с практическими органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы по вопросам служебно-боевой подготовки сотрудников.

Материалы могут быть использованы в работе практических органов и учреждений уголовно-исполнительной системы при организации занятий по физической подготовке, в процессе обучения курсантов и слушателей высших учебных заведений ФСИН России, а также для подготовки научных исследований в данной области.

Актуальные вопросы физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: Сборник материалов V Международного научно-практического семинара (Вологда, 17–18 апреля 2013 года). Часть 2 / Отв. ред. О.В. Кондрашин, И.В. Огурцов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 133 с.

Во вторую часть сборника вошли материалы, которые освещают современное состояние профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы, некоторые проблемы подготовки профессиональных кадров для силовых структур, вопросы совершенствования методики проведения занятий по огневой и тактико-специальной подготовке с сотрудниками ФСИН России, организацию взаимодействия ведомственных вузов с практическими органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы по вопросам служебно-боевой подготовки сотрудников.

Материалы могут быть использованы в работе практических органов и учреждений уголовно-исполнительной системы при организации занятий по огневой и тактико-специальной подготовке, в процессе обучения курсантов и слушателей высших учебных заведений ФСИН России, а также для подготовки научных исследований в данной области.

Актуальные проблемы уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России: криминалистические и психолого-педагогические аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 29 ноября 2012 г.) / Отв. ред. канд. юрид. наук, доцент Е.В. Ухова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 302 с.

В настоящий сборник вошли материалы, с которыми 29 ноября 2012 г. выступили участники международной научно-практической конференции по проблемам уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России. В первом разделе содержатся статьи, посвященные проблемам криминалистического обеспечения расследования пенитенциарных преступлений и совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России. Второй раздел посвящен психолого-педагогическим аспектам уголовно-процессуальной деятельности в исправительных учреждениях.

Сборник материалов конференции будет интересен широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам юридических вузов и научно-исследовательских учреждений. Также может быть использован практическими работниками правоохранительных органов.

Актуальные проблемы гуманитарного познания: Межкафедральный сборник научных трудов / Отв. ред. О.М. Чернышева – Вып. 8. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 117 с.

Включенные в сборник статьи преподавателей кафедры русского и иностранных языков, кафедры философии и истории и кафедры социальной работы в УИС представляют широкий спектр исследований в различных гуманитарных научных сферах: исторической, историко-философской, социально-философской, социально-экономической, лингвистической, социолингвистической и педагогической. Их объединяет то, что по содержанию они в целом ориентированы на пенитенциарную проблематику или на проблемы вузовской подготовки специалистов для УИС.

Материалы сборника предназначаются преподавателям, сотрудникам и курсантам ВИПЭ ФСИН России, но могут быть интересны и другому читателю.

Агафонова О.В., Желтов А.А., Агафонов Е.А. Связи с общественностью в практике деятельности учреждений УИС России: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 69 с. – ISBN 978-5-94991-286-7.

В условиях формирования открытого демократического гражданского общества и правового государства особой проблемой становится формирование имиджа УИС, изменение отношения российского социума к деятельности пенитенциарных организаций. Связи с общественностью сегодня также являются основой совершенствования деятельности исправительных учреждений, способствуют наиболее полной реализации целей уголовного наказания.

В издании раскрываются актуальные практические проблемы взаимодействия уголовно-исполнительной системы и различных общественных организаций, приводятся рекомендации по совершенствованию форм и методов данной работы. В приложении содержатся документы, которые призваны помочь в организации связей с общественностью.

Предназначены для практических работников уголовно-исполнительной системы (сотрудников пресс-служб и отделов по работе с личным составом, начальников отрядов, воспитателей), а также курсантов, слушателей, студентов и преподавателей высших образовательных учреждений ФСИН России, лиц, осуществляющих научные исследования в соответствующей области.

Серебряник Е.В., Барышева А.В. Социальная работа с осужденными престарелого возраста, инвалидами; с осужденными, имеющими социально значимые заболевания: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 19 с. – ISBN 978-5-94991-287-4.

Практические рекомендации содержат описание организационных особенностей социальной работы с двумя категориями осужденных – престарелыми и инвалидами и лицами, имеющими социально значимые заболевания. В сжатом виде представлена общая технология социальной работы с данными категориями осужденных в условиях исправительного учреждения.

Предназначены для использования в пенитенциарной практике социальных служб исправительных учреждений различного типа.

Голодов П.В. и др. Организация воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях: Практические рекомендации / П.В. Голодов, А.М. Потапов, И.А. Янчук, Е.О. Лукьянчук,

А.М. Рудаков. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 86 с. – ISBN 978-5-94991-288-1.

В практических рекомендациях представлено содержание основных элементов организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях ФСИН России, раскрыты проблемы, правовой и педагогический аспекты данного процесса.

Рекомендации предназначены для сотрудников воспитательных колоний.

Ракитская О.Н. Социально-психологическая реабилитация женщин, осужденных за преступления насильственного характера: Методические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 120 с. – ISBN 978-5-94991-285-0.

Методические рекомендации содержат описание комплекса занятий для групповой работы с осужденными женщинами, в ходе которых участницы могут понять природу насилия и механизм возникновения разрушительных действий, восстановить оптимальный уровень психического напряжения, освоить некоторые способы саморегуляции, обнаружить в себе ресурсы, обеспечивающие возможность гармоничного развития личности.

Рекомендации предназначены для специалистов, обеспечивающих социальное и психологическое сопровождение женщин, осужденных за преступления насильственного характера.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипов А.Н., заместитель начальника НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Aleksant1@mail.ru

Баймолдина С.М., доцент кафедры уголовного права Евразийского национального университета им. Л.М. Гумилева (Казахстан), кандидат юридических наук. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Ветрова И.В., начальник управления делами ФСИН России. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Викторова Т.В., старший психолог отдела охраны ФКУ ИК-19 ГУФСИН России по Республике Коми (г. Ухта). E-mail: viktorija_psi@mail.ru

Водополов А.И., преподаватель кафедры государственноправовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kafedra_gpd@mail.ru

Голик Н.М., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ygolik@list.ru

Головкин Р.Б., заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, профессор. E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Дядюн К.В., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук. E-mail: kristina.dyadyun@yandex.ru

Емельянов С.Н., начальник Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Зауторова Э.В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: elvirasong@mail.ru

Кудряшов О.В., начальник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: oleggelo79@gmail.com

Латышева Л.А., адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: lusja.1988@mail.ru

Майстренко Г.А., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Нарышкина Н.И., доцент кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: natanaryshkina@mail.ru

Павлов А.А., заместитель директора Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук. E-mail: mgua35@mail.ru

Павлушков А.Р., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Первозванский В.Б., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pervabor@yandex.ru

Рудаков А.М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: boos.rud@list.ru

Селиверстов В.И., профессор кафедры уголовного права и криминологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Соловьева А.С., адъюнкт кафедры уголовного процесса, криминологии и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России. E-mail: nastpeace@mail.ru

Спасенников Б.А., главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Степанов А.В., заместитель начальника Пермского института ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: a.stepanov1975@mail.ru

Цатуров А.В., соискатель НИИ ФСИН России. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Шамрук О.П., старший преподаватель цикла специальной и физической подготовки Черниговского юридического колледжа Государственной пенитенциарной службы Украины. E-mail: shamrukoleg@mail.ru

Шаталов А.С., профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук. E-mail: asshatalov@rambler.ru

Южанин В.Е., профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы. E-mail: Juu89@yandex.ru

Яковлев Е.А., преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: girya_en35@mail.ru

Antipov A.N., Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: Aleksant1@mail.ru

Baymoldina S.M., Phd. In Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Law Faculty of the Eurasian National L.M Gumilev University (Kazakhstan). E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Dyadyun K.V., Associate Professor of the Chair of Criminal Law Disciplines of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy; Doctor in Law. E-mail: kristina.dyadyun@yandex.ru

Golik N.M., Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: ygolik@list.ru

Golovkin R.B., Deputy Chief of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia for Research, Dsc. in Law, Professor. E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Kudryashov O.V., Head of the Department of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: oleggelo79@gmail.com

Latysheva L.A., Associate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: lusja.1988@mail.ru

Maystrenko G.A., Phd. In Law, Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Naryshkina N.I., Associate Professor of the Department of Penal Law of the Vladimir Institute of Law of the Federal Penal Service of Russia, Phd. in Law. E-mail: natanaryshkina@mail.ru

Pavlov A.A., Deputy Director of the NorthWest Institute (branch) of the O.E. Kutafin University. (MSAL), Phd. in Law. E-mail: mgua35@mail.ru

Pavlushkov A.P., a docent of the Philosophy and History Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, a candidate of History science. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Pervozvansky V.B., Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: pervabor@yandex.ru

Rudakov A.M., Researcher of the Research Laboratory of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: boos.rud@list.ru

Seliverstov V.I., Dsc. In Law, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of M.V. Lomonosov State University. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Shamruk O.P., Lecturer of special and physical training of Chernigov Law College of the State Penitentiary Service of Ukraine. E-mail: shamrukoleg@mail.ru

Shatalov A.S., Dsc. in Law, Professor of the Department of the judiciary and justice organization of the National Research University "Higher School of Economics". E-mail: asshatalov@rambler.ru

Solovieva A.S., Postgraduate Student of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: nastpeace@mail.ru

Spasennikov B.A., Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor, Dsc. in Law. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru.

Stepanov A.V., PhD. in Law, Associate Professor, Deputy Chief on Science of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: a.stepanov1975@mail.ru

Tsaturov A.V., Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Vetrova I.V., Head of the Administration of the Federal Penal Service of Russia, MajorGeneral of the Internal Service. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Victorova T.V., Senior Psychologist of the Security Department of FKU IK-19 GUFSIN Russia in the Komi Republic (Ukhta). E-mail: viktorija_psi@mail.ru

Vodopolov A.I., Lecturer of the Department of State-Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: kafedra_gpd@mail.ru

Yakovlev E.A., Lecturer of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: girya_en35@mail.ru

Yemelyanov S.N., Chief of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Phd. in Pedagogy, Associate Professor. E-mail: nauka@vui.vladinfo.ru

Yuzhanin V.Ye., Professor of the Department of Penitentiary Law of the Academy of Law and Management of the Penal Service of Russia, Dcs. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School. E-mail: Juu89@yandex.ru

Zautorova E.V., Professor of the Department of Juridical Psychology and Pedagogics of the Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: elvirasong@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год
Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середя

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес издателя:
160000, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 9

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс
E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 30.06.14
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 4612
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.